

Анатолий Жилкин

Другие времена

Москва
2014

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
Ж 72

Жилкин А.

Ж 72 Другие времена / Анатолий Жилкин. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 230 с.

ISBN: 978-5-518-86445-0

В повести «Другие времена» главные герои: Аграфена, Тимофей, Валюшка, Александр Ермолаевич, дядя Вася, тётя Аня – люди разных поколений. Сибиряки, казаки XX–XXI вв.

События происходят в Сибири, в Забайкалье. Любовь, чистота отношений, крепкие семейные традиции, верность, долг.

Всё это есть, всё живо и имеет огромное значение для русского человека. И неважно, какие сейчас времена! В рассказах описаны непростые истории обыкновенных людей. Трогательные, поучительные, весёлые, грустные. Но всегда правдивые и откровенные.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Формат: 148x210 мм.
Гарнитура: «Agiat».
Печать цифровая.

© А. Жилкин, 2014
© Lennex Corp., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Яблоневый сад	7
Ридикюль.....	10
Знакомый мужик	12
Борис	15
Сохатый.....	23
Пашка	28
Кай и Герда.....	37
Судьба	43
Инвалид.....	47
Дочь	52
А нужны ли мосты?.....	61
Сибирские нескладушки	
Глава 1. Рябчики	62
Глава 2. Дверь	68
Глава 3. Лабаз.....	73
Глава 4. Ефим.....	81
Тома	
Глава 1. Бушлат.....	86
Глава 2. Голубика	87
Глава 3. Маня.....	89
Глава 4. Алёшка.....	93
Глава 5. Будем живы – не помрём	98
Мама	104

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА. Повесть

Часть 1	
Глава 1. Валюшка	117
Глава 2. Витёк.....	119
Глава 3. Тимоха	123
Глава 4. Встреча	126
Глава 5. Коллектив	128

Глава 6. Аграфена	131
Глава 7. Лото	134
Глава 8. Казаки	138
Глава 9. Прощание	140

Часть 2

Глава 10. Сын	142
Глава 11. Дома	146
Глава 12. На перроне	148
Глава 13. Отец.....	153
Глава 14. Килга.....	156
Глава 15. Степь	164
Глава 16. Родня	169
Глава 17. Алёнка.....	175
Глава 18. Дядя Вася	178
Глава 19. Китайский сервиз.....	183
Глава 20. Сватовство.....	188
Глава 21. Эпилог	193

МИНИАТЮРЫ, ЭССЕ

НОВЕЛЛЫ

Анисим.....	201
Дон.....	205
Утро, туман.....	207
Август в Сибири	213
Развилка	215
И в радости, и в горе	217
Натура	220
Навсегда	222
Сокол	223
Единственные	225
Армагеддон или...?	228

РАССКАЗЫ

Яблоневый сад

Дедушка Мигран был родом из крымских татар. Когда он появился в Сибири и сколько ему годов от роду, никто не мог вспомнить. Такое чувство, что он жил здесь всегда. Мой сосед – через дом и проулок.

Суконная, белая шапочка с отворотами и перекрестием на макушке, рубаха с пояском, шаровары и татарские сапожки с узким носком наверх. Бородка клином сбегает к груди.

Ходил дед на кривых ногах стремительно, не бросая руки по сторонам, не сгибая спины и шеи. Днём занимался в саду и копошился на огороде. Урожаи овощей собирал на зависть всей округе. Что касается сада – это отдельная история. В саду успевали дозреть яблоки и груши. Дедушка умудрялся выращивать арбузы и дыни, а свой двор на крымский манер заплёл виноградом.

Дом белил извёсткой в белый цвет и голубым подводил наличники и ставни. Ворота и калитка под козырьком, перед окнами палисадник из голубого штакетника. В палисаднике рябинка с калинкой красоту дополняют. Тесовая крыша и уютная труба в небо.

Вечерком дедушка устраивался на голубой скамейке под рябинкой и вкусно дымил замысловатой старинной трубочкой с низким кривым изгибом.

Бабушку я почти не помню. Она мягко ходила, тихо говорила, много работала и никогда не останавливалась у водокачки.

Ни одно маломальское событие не прошло незамеченным. Вся вокзальная жизнь, казалось, втекала и вытекала через широкое горло водокачки. Там, у родниковой воды, от-

мывались все слухи и новости. Пульс четырёх привокзальных улиц можно было потрогать и ощутить здесь – у чистой воды, вырывающейся с сумасшедшим напором на свет и разгоняющей все сплетни и наговоры.

О дедушке Мигране говорили с уважением и опаской. По слухам, ему было за сотню годов, а некоторые утверждали, что намного больше. Мол, после ста двадцати дедок живёт.

И не это главное – дед и сам к годам интерес потерял. Он никуда не спешил и не опаздывал. Каждую субботу после жаркой бани, отмытый и помолодевший, в чистом исподнем, приняв соточку фронтовых, забирался он на чердак.

Там у него под стропилами висели пучки таёжных трав, вязанки берёзовых веников, а на чистом струганном полу красовался сосновый гроб. Гроб был любовно устелен душистыми травами и еловыми ветками, а поверх – уютным и тёплым козьим одеялом. Дедушка укладывался на это одеяло и крепко засыпал. Он был уверен, что в эту субботу за ним придут, а он, как всегда, готов откликнуться и смело шагнуть в цветущий сад.

Проходили суббота за субботой, год за годом. Третий или четвёртый гроб истлел и потерял привлекательность, а дед Мигран подсушивал доски и подгонял одну к другой, бережно мастера, и думал, что это уж точно, последний, самый нужный и ладный гробик.

В родные края я приехал лет через десять – провести родителей и подышать полынным воздухом.

Улицы снесли, водокачку заткнули, народ расселили по хрущёвкам. В каждую семью по «Рекорду», и никаких сплетен и пересудов.

Вспомнили дедушку Миграна. Где он, что и как?

Оказывается, дед за год до сноса улиц похоронил свою незаметную и любимую бабушку. Он бережно и любовно положил её в уютный гробик, обернул козьим одеялом и проводил в яблоневый сад.

Потом заколотил окна белого домика, купил билет до родного Крыма и с деревянным чемоданчиком в руках покинул наши края.

В Крыму я часто его встречаю – то в Алуште, то в Чистополье, то в Керчи, то на ялтинском рынке.

Он по-доброму грозит мне пальцем и, ухмыляясь в бороду, кричит звонким голосом: «Только, не вздумай обламывать грушу! Повиснешь на заборе – посажу тебя задницей в крыжовник. Иди ко мне, накормлю тебя от пуза яблоками и дынями, сосед ты мой окаянный».

И смеётся так задорно, нежно обнимая свою тихую, маленькую бабушку за её хрупкие плечики и показывая в мою сторону кривым сильным пальцем.

Ридикюль

Испокон веку у нас принято на чёрный день денежку за иконкой хоронить. Это чтобы родных в торжественный момент непредвиденными расходами не обременять.

К деньгам у нас отношение особое. Они для конкретных дел зарабатываются. То есть не для того, чтобы они просто были, а для того чтобы, например, на китайский рынок за ранцем для ребятишек можно было смело зайти.

Сначала для детей, потом для внуков... Ну ещё на мороженое и конфетки «Белочка» заначку надо иметь, на крестик серебряный с цепочкой... Да мало ли серьёзных вещей вокруг, без которых не прожить и дня.

А сдачу аккуратно в старый ридикюль 50-х годов – бумажка к бумажке... И разглядить с любовью, предвкушая, как детки удивятся, когда день этот настанет, а у мамочки цельных двадцать тыщ накоплено, и даже чуть больше.

А можно в старую радиолу «Рекорд» (50-х годов)... В носочке детском полосатеньком, голубенького цвета за панелькой схоронить и тоже поулыбаться тайком в седые усы, представляя, как шепнёшь за день до смертушки сынуле единственному, что «похоронные» там-то и там-то в полном порядке. И даже излишки останутся – на новые колёса к твоему джипу, сынок. Мол, батька с головой у тебя, сынуля, и не позволит обрезать расходами лишними. Поминки получатся на славу – там двадцать тыщ всё ж таки на это дело отложено. Не беспокойся, родной, живи смело – батька твой и мамка всегда рядом, не волнуйся... Всё для тебя, всё для внуков. Храни вас Господь!

И уходят незаметно, как пришли – с достоинством и добрыми пожеланиями. Исполнили дела земные и спокойно

дальше... Это мы тут сиротами остаёмся... У них там не может быть «плохо» или «ничего». Для чего здесь тогда столько испытаний пройдено? Да для того и пройдено, чтобы там заполнить наше сердце любовью и божественной благодарью. Душу нашу приласкать и укрепить...

А дальше?

Это не нам решать, куда дальше...

У Господа нашего наверняка для каждого из нас предписание заготовлено впрок. Что-то по ходу корректирует, конечно, что-то добавит, другое может и убрать из списка – не без этого.

Однако основная цель для каждого вполне понятна – пройти свой путь и выстоять. Не допустить, чтобы в разор, не забывать о «Рекорде» и ридикюле 50-х годов... И успеть сказать что-то важное.

Пока не понятно, что это?

В конце, наверно, ОН подскажет слова и мысли главные в сердце вложит. Эти слова дети и внуки потом всю жизнь вспоминают. Они вроде и простые, на первый взгляд, а чтобы понять их, иногда жизни мало.

И так их повернёшь и эдак – ничего такого, всё вроде знакомо, а потом прислушаешься к голосу, а там столько всего... И голос молодой... Он и при батьке звучал, и при маме его слышал не раз.

Вот и думай, кто такими простыми словами нам жизнь расчищает.

Есть пока время, вот и соображай... Вот и соображаю... Вот и соображай...

Это он, голос, так настойчиво напоминает.

Главное – не отмахиваться. Там, в этом голосе, и дедов, и прадедов можно услышать, и бабушки наши мудрые, дельные советы дают.

Переживают за нас, мечтают, что сообразим, умнее их окажемся и дальновиднее.

Эх, оправдать бы их надежды.

Маловато времени остаётся, чтобы поумнеть и накопить...

Хотя... накопить успею.

А поумнеть?..

Знакомый мужик

Сегодня в сберкассе приехал пораньше. На улице пекло – за 35°С, в помещении духота и нервы. Перечислили аванс, а деньги, как всегда, – позарез.

Подхожу за мужиком. Он обернулся, и я обрадовался – свой, среди таких я вырос, с такими шагнул в жизнь, по таким всегда тоскую. Они ещё есть, но они не заметны и не лезут на глаза.

Среднего роста, кряжистый, лет семидесяти, но можно дать и пятьдесят. Голубая сатиновая рубаша, брюки серого цвета, внизу гач отвороты шестидесятих годов, узкий кожаный ремешок и сандалии. На шее нательный крестик, на старинной серебряной цепочке, руки как две коряги, а лицо в глубоких морщинах, седой ёжик из жёстких блестящих волос, в глазах смешинка таёжника и рыбака.

Сразу: «Куришь?» И щедро протянул помятую пачку «Тройки». Наносит лёгким, случайным перегарчиком. Он смущается: «Да вчера порыбачил с соседом, будь он неладен».

И наперебой друг другу всю свою жизнь, как братухи после долгой разлуки – смех, охи, снова смех, переспросы – и лишь бы подольше не открывались двери сберкасы.

Народ прибывает, и те, кто роднее, прислушиваются и тоже ухмыляются по-доброму.

Шахтёр из забайкальских казаков. Как узнал, что я в офицерские годы пять лет в Арее отслужил, обнял и чуть всплакнул – глубоко у него внутри что-то ворохнулось и со стоном закрылось. Казак всё ж таки звание высокое, не уронить ненароком: боль поглубже, слезу к солнцу. Была – и нету. Жара – лужи вмиг исчезают, что уж там слеза.

«Переехали с бабкой к дочке сюда, а всю жизнь прожили в Балее. Из тридцати шести тысяч жителей при социализме осталось три, ну от силы пять при нынешней власти. Разруха и пьянство на Родине.

Сосед квартиру в Балее за 200 рублей (за два пузыря) продал – и куда глаза глядят.

Здесь дочка купила квартирку на улице Интернациональная, а в Балее дом пятистенок еле продал, усадьба – 20 соток, три года продавал. Купил китаец, они там как дома». И снова подавился-закашлялся, и к солнышку – выручай, мол.

«Да, на рыбалку вчера собрался. Река незнакомая – надо, чтобы приняла, и сноровку тренировать не помешает. Тут мужики с кашей рыбачат: швырнут пригоршню, обратно с рыбёшкой – то лещ, то елец, то щука, то ещё кто. Куда я с ведром? Бабка из дому выгонит, если кашу ведрами на реку таскать.

Я без каши пошёл, сижу на зорьке. Красота! Маленько клюёт – попривык, успокоился. Гляжу, сосед подсаживается, по дому сосед.

– Пиво будешь? – спрашивает.

– Нет! – отвечаю.

Он опять:

– А водку?

Я аж удивился:

– Ну, ты даёшь, кто на рыбалке от водки отказывается да ещё от дармовой?

– Щас, – говорит, – только удочку заброшу.

Забросил. В два часа ночи домой попали. На полусогнутых, как по забою, возвращался. Коленки об ступеньки обстучал, не гнутся вот. Смех и грех с рыбалкой этой.

Сегодня проснулся, а во рту вроде табун лошадей ночевал, вот я в кассу спозаранку на израненных коленках да вприпрыжку. Нет, на рыбалку с вином – последнее дело.

Бабка ворчит, конечно, но не со зла, а так, для порядка. А я чой-то прогутарил с тобой в тенёчке, да на сквознячке – мне и опохмеляться расхотелось. На улице жарница – расклюнявит от вина-то. Ну его... Я ведь редко нутро радую – не

приучен жизнь расплёскивать, надо ещё сына с невесткой перевозить. Ему год до пенсии остался. Тоже в шахте жилы рвёт. Да хоть платили бы. Эх...

Виду не показывает, но я-то знаю, что у сеструхи интересовался, как тут подешевше жильё купить.

Туго им там. Ещё годок надо потерпеть, а там все до кучи – веселей вместе-то. Да и мы с бабкой ещё в силе. Поможем...»

Двери в кассу распахнулись – и мы потерялись.

Два мужика, знакомые всю жизнь...

Борис

Дядя Гоша со своей женской половиной (а это его жена, тётя Надя, и четыре дочки – Людка, Галка, Нинка и Томка) жили по соседству от нас – через дом.

Дядя Гоша был знатным столяром-краснодеревщиком. Золотые руки имел!

Серёга, мой друг, и дядя Гоша со своим беспокойным семейством жили через стенку в большом крепком доме. Дом исполнен в пять стен для каждого хозяина.

Пятистенок – это когда кухня или прихожая отгорожены внутри дома капитальным простенком. То есть пятая бревенчатая стена врублена в основные стены дома. По четыре окна в улицу с каждой половины.

Хорошо дома раньше строили, чтобы и внуки претензий не имели, и правнуки радовались в тёплых намоленных стенах.

Подворье со стайками, сеновалами, банями, поленницами, погребцами, подвалами, огороды на разный манер и сады.

Собаки, коровы, козы, овцы, поросята, куры, утки, гуси, индюки, кролики совсем даже не мешали жить. Скорей, наоборот, без них тоскливо как-то сейчас.

Вот сумели же нас вывернуть наизнанку – всех поголовно перелицевать под городских. Да что в тех городах такого, что мы добровольно, своими руками свободу нашу в клетки загнали, да перед теликами жизнь, как капусту, шинкуем. Скучно и душно в тех городах, не по-настоящему в них живётся – грустно и одиноко.

На воле человек жить должен. Чтобы Землю-Матушку дальше горизонта каждое утро видеть мог.

Как случилось, что пол-России москвичами заделались? В Москве москвичи пусть живут. Это их крест – им его и нести.

А всё потому, что народ веру в себя растерял. Вот и жмёмся друг к дружке, прячемся в подолох у баб своих. День прошёл – и ладно, год минул – и славно... И скулим: «Скорей бы мучения эти закончились».

Постарели! – В дом страданий тебя или как его? – Дом престарелых, кажись. Тяжело в этих домах престарелых – ох как тяжело!

А куда тебя девать?

В деревне бы на печку подтолкнули. Лежи себе до весны, философствуй. Опять же и стопочку когда поднесут. Ну чем не старость? На горячей печи, под овчинным тулупчиком, в центре всех мировых событий. Люди родные вокруг – руку протяни и поскребёшь внуку завитки на макушке. Внуку наверх подсадят – и с ней пошушукаешься по секрету на разные девчоночьи темы.

Эх, благодать!..

Летом с удочкой... Или если до ста тебе, не увиливай и на года пальцем не тычь, потому как ещё в строю, по деревенским меркам, считаешься.

Не сачкуй, дедуля, у тебя в запасе много всяких хитростей припрятано в той мудрости долголетней. Давай, давай, впрягайся коренным!

Зимой снежок во дворе покидать, топориком поиграть над чурочкой, а там и весна, вот она. Огород копать, картошку сажать, навоз, теплицы... Пора стайку поправить, полы у кроликов перестелить, а ты на все руки мастер!

Так до глубоких лет и великой мудрости дожить можно. Нет времени ни болеть, ни помирать тем более.

Так вот!

Дело было в конце ноября. К этому времени поросёнок и вес нагулял, и сало нарастил. По всей деревне: визг, стрельба, запах палёной щетины и веселье от дома к дому. Стреляли редко и то, чтобы оглушить, если какой до телёнка вымахал и бороться с ним себе дороже. Много разных

хитростей имеется, чтобы уговорить Борьку или Ваську добровольно бок подставить, но это дело для прочтения не очень.

В это же самое время охота открывается: на косулю, зайца, кабана, волка и других лесных зверушек.

Мужики от запаха пороха и жерёхи ходят осовевшие... И ладно хоть в двери угадывают лохматыми бровями.

Наши артельщики примерно такими вернулись с охоты. Дело было в воскресенье. Мы тут как тут – перебираем добычу, слушаем байки и взрослеем на глазах. Нас – меня и моего друга Серёгу – по причине школьной занятости на охоту не взяли, поэтому мы крутились вокруг всего этого настоящего, одуревшие от домашнего уюта, и с жадностью вдыхали волнующий запах костра, пороха, тайги и взрослой свободы.

И тут появилась тётя Надя со своей просьбой:

– Санька, ты мне сосед? (это она к дяде Сане – Серёгин батька – бугор в коллективе охотничьем) Тогда выручай! Наш кабан третью зиму тело наводит. На него смотреть страшно. Зверюга! Его впору в семью прописывать или на выставку в Москву отправлять надо. Помоги управиться, пока коллектив твой под рукой. Отблагодарю. У меня, вон, и брага подошла и самогоночка рукава обжуёшь...

– Ох, Надюха, умеешь ты уговаривать. Вон Гоха-то настругал тебе под твою брагу... Всё для него самогонку жалешь ... Вот и разбавил тебе, чо пожиже.

Засмеялись артельщики добрым смехом, ощупывая взглядом крутые Надюхины бёдра, крепкую, ядрёную грудь.

Женщина смущённо плюнула под ноги и погрозила Сане кулаком.

– Понял, Надюха! Щас исполним!

Крикнул тётке Шуре, жене своей, чтобы не суежилась пока... Мол, подмогнём малость – соседка всё ж таки. С ней надо аккуратно. Тут веками люди по соседству живут. Умеют дружбу не просыпать, и чтоб в глаза потом смело смотреть – без разных задних мыслей.

Зашли в сени, скинули что лишнее из одежды, у стола по стопочке опрокинули и к соседке дружбу укреплять.

– А где Георгий, Надя?

– Где? В подполье герой наш, уши ладошками держит. Вот такие мы нежные.

– Ты не кипятись, соседка. Это и хорошо, что он такой чувственный. Девчата у вас – с ними поласковой надо. Так и надо, как Гоха твой. Тогда и они добрыми невестками в дом к свёкру войдут. Мне их потом воспитывать, что ли?

– Да у тебя один и остался – Серёга! А моих аж четыре...

– А Толька вон – друг его закадычный. Они на пару управятся, как пить дать.

И снова хохот.

– Я им покобелюсь возле моих-то! Гляди-ка мне – педагог нашёлся...

– Ох, Надька, и дура ты, хоть и умная баба. Они ж не навредят, а только так – от избытка чувств и вроде курса молодого бойца. Где им ещё уму-разуму да опыта житейского набираться, как не у твоих красавиц. Да и твои поднатореют и тоже смекалки какой-никакой задарма заимеют, если перестанут огонь метать из-под чёрных бровей.

И снова: «Гы-гы-гы...»

– Саня, уймись, а то, не ровен час, я тебя огрею оглоблей, кобель шелудивый! Ишь, удумал, «опыт»! До тебя умного по земле разбросали этот «опыт» окаянный. Запинаемся об него, да ноги ломаем...

– Снова ошибочка вышла, соседка дорогая! Ты с Шурой моей потолкуй втихаря, тогда говори... А может, и не шелудивый, а совсем даже наоборот...

Смех не хотел отступать. Одним словом, мужики вернулись – дом ожил, соседки заволновались.

Когда заглянули в стайку, сразу стало не до смеха. Дядя Саня, Женька (его зять) и дядя Вася (бывалый охотник, балагур, Санин друг и однополчанин) переглянулись. Решили забраться на забор – мол, так сподручней, с забора-то.

– Надюха, выпускай зверя!

И вот в дверях стайки показалась мощная фигура Бориса. Мужики забыли о ружьях.

– Надя, ты его чем кормила эти десять лет?

– Три года, Саня!

– За три года слоны в Сибири не вырастают.

– Ну, и чо мне с ним делать-то? – взмолилась тётя Надя.

– Ты хотела прописать? Мой тебе совет – прописывай, пока не оштрафовали за нелегала.

– Да иди ты!.. Саня, ну ты чо, а?.. Выручай! Он ведь девок моих покалечит, зараза.

– У меня пару шкур медвежьих есть, но даже если их соединить, его и наполовину не прикроешь. Вася, чо с ним делать-то будем?

– А ты, Саня, подкрадись к нему по-пластунски, незаметно так, наставь стволы аккурат в ухо и бахни, чтоб он об...ся. Тут мы его и того... обезоружим, значит.

– Ну ты и посоветовал, Василий. До того как «бахнуть», я под ним сам раза два, а то и все три обсрамлюсь. «Подкрадись»! Ты погляди, как он нас отслеживает.

– Надюха, он у тебя книжки про войну случаем не читал? Какой-то он на Красную Армию похожий... Непобедимый, как танк Т-34. Не-е-е... ну мы попали с этим носорогом! Его потом как катать по ограде-то? Кран надо призывать, а так – без рук останемся. Потом не то что баранку – бабу нечем будет пошевелить.

– Надя, неси своего самогону для душевного равновесия! Совет надо держать и стратегию вырабатывать на решающее сражение. Задала ты задачку...

– А вы не того – не обманете?

– Ты это с кем так разговариваешь? Мышь ты амбарная, а не соседка. Мы, чо, шпана какая безответная? Отработаем, коль подвязались. Упакуем твоего «квартиранта» за милу душу. Если чо... Женьку, зятя своего, не пожалею – отошлю к тебе на ночь круговую оборону держать. В ноги к тебе положим – глаз не сомкнёт. Я за Женьку, как за себя, ручаюсь. Будете на пару от зверя твоего отбиваться...

И снова: «Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!»

– Ну, если Женечку для спокойствия не жалеешь, я согласная...

И в ответ: «Хи-хи-хи!»

Мужички нырнули в предбанник, плеснули по полстакана самогона и «хлопнули» за победу! Глаза полезли под потолок...

– Первак, блин!..

Выскочили во двор и давай снег слизывать с забора. Хмель, да на старые дрожжи, так шибанул в курчавые головы, что страшный Борька тут же превратился в рядового кабанчика.

– Мужики, давай поскорей закончим это представление! Банька готова, стол накрыт, да и отдохнуть надобно. Завтра на работу спозаранку.

А забор высоченный, несподручно на нём после самогона равновесие держать. Вот дядька Саня и скovyрнул выстрел – не по назначению послал крупняк свинцовый.

Бахнул – и свалился с хохотом в сугроб.

– Всё! Растуды твою... туды – подранок! Надо собак по следу пускать.

– Саня, ты кого городишь? Каких собак? Мы, чо, в тайге ли чо?

Санина дробь ушла выше: царапнула Борьку по загривку, разбудила в нём зверя жуткого. И понёс он собирать до кучи все Гохины изделия из «красного» дерева, что так украшали соседский двор и постройки.

Дробь прошла меж досок и кучно легла на стеклянную веранду другого Надиного соседа.

Это уже мой сосед, начальник станции Бондаренко Василий Валерьянович, мужик боевой и тоже быстрый на отдачу.

Стёкла только дзинкнули и посыпались на кирпичный пол ограды. Ответный выстрел прозвучал минуты через две. По Саниному забору будто трещоткой прошлись. И хохот... со стороны веранды начальника станции. Тоже после жерёхи весельем исходит.

– Мир, соседушка!

Это дядя Саня орёт.

– Валерьяныч, мир?!

– Оп чём речь, Санёк?! Конечно мир, если стёкла вернёшь на место!

– Замётано! Управимся с Надюхой – и к тебе на огонёк заглянем, Валерьяныч?

– Всегда рады хорошим людям!..

И снова «бах... бах...» И хохот...

– Ты чо, Валерьяныч, перемирие же!

– Да чо их, патроны-то, из стволов ковырять на морозе? Я лучше тебе забор укреплю... ха-ха-ха!

– Вот змей! Надо осторожней действовать: один раз – и точка. А где этот полководец, Македонской? Прозевали? Прорвал окружение! Ищи его, свищи теперь на том берегу Ангары...

Борька прорвал оборону: пёр напролом через огороды. Заборы разлетались в щепки под его могучим телом. Досталось соседским постройкам. Разносил всё, что попадалось на пути. Вроде ураган из Америки прилетел – торнадо.

Народ тогда без злобы жил. Хохотали потом да Саню с его «экипажем» подкалывали на все лады...

А Борька вырвался на свободу и двинул огородами, как потом оказалось, к невестам. Через пять дворов от тётки Нади хозяйство крепкое стояло. Тогда, куда ни ткни пальцем, всё на фермера угадаешь.

Крепко народ за землю держался: умел заботиться – вовремя исполнять для земли всё, что надобно. А от неё всегда благодарность иметь и понимание.

Вот и почуял наш Борис невест фермерских. На него с ружьями, а он за своим интересом.

Ну как такого в расход? Кто грех на душу возьмёт? Да разве мужик мужика не поймёт? Или к кабану не проникнется? Проникнется, однозначно! Так и в нашем случае – мужики с пониманием отнеслись к... собрату!

Фермер потом рассказывал:

– Заприметил я его издали – как только он курс на меня определил. Гляжу: прёт не слабей самоходки – без дорог и тормозов. Когда понял, что это кабан, залюбовался на его объёмы и могучую поступь. Моих кавказцев и не заметил – прокопытел, как бизон, по ограде и сразу – к невестам. Прясла отлетели в сторону, вроде карандашей. И встал... намер-

тво... будто его вкопали. Думал, помрёт – запалился в скачке. Бока ходуном ходят... А Машки окружили жениха и пятаки об него точат. Минут через пять очухался и давай женихаться... Я, – говорит, – такого чёрта не встречал на своём веку. Никакого сладу с ним. Радость в хозяйстве объявилась неожиданно-негаданно...

Рассчитался фермер с тётей Надей и мясом, и деньгами. Довольная осталась соседка.

– Я тебе, Санька, всё простила за то, что Бореньку нашего пожалел – не загубил родненького. Он ведь нам как родственник близкий приходится. То ли брат, то ли... в общем, привыкли мы к нему, а больше всех – Гоша мой. Чуть сердце себе в подполье не надорвал от горя. Вон, снова побежал проведать товарища... Смех с вами, мужиками, и грех!

– Зови, Надюха, если кого помиловать... Я завсегда рад помочь соседке, да и под рукой я у тебя – чуток подале твоего Георгия...

Сохатый

Вспомнил один случай из детства: как мы с дедом в переплёт попали на рыбалке. А дело было так.

Собрался дедушка на Братское море порыбачить. Меня с собой зовёт. Деду не откажешь. Да и любил я наши бесчисленные приключения. На природу, к примеру, посмотреть его глазами, с птичками поговорить, бурундука побранить понарошку за дырки в вещмешке, послушать у костра мудрёные рассказы за кружечкой душистого чая. Умел дедуля устраивать праздник из любой поездки. И всё вроде как всегда, ан нет – одна история совсем не похожа на другую.

Хранит память его доброту, скромные похвалы, тёплые глаза и мудрую науку – оставаться человеком, как бы не был велик соблазн шагнуть за черту. Трудная наука. В наше время черта совсем поблекла. Если не остановишься, да не согласишься – считай, мимо проскочил.

Запретов никаких. Не по себе становится от таких свобод, жутковато. «Без царя в голове» научились жить. Вот и шагаем, вот и топчем запретную черту, не нами отмеченную. Смелей и смелей шагаем. С каждым днём, с каждым годом, с каждым шагом. Да и была ли та черта когда?

Так вот, по пути заехали погостить к дедушкиному брату – к дядьке Валентину. Валентин – заядлый рыбак и охотник. Рассказал нам, что километрах в десяти есть посреди реки островок. На том островке озерцо спряталось. А в озерце и карась, и лещ, и окунь, и щука, и всякая другая рыбёшка водится. Рыбы, говорит, видимо-невидимо – хоть ведром черпай. Утречком нас добросили на мотоцикле, но до реки километра два пешком шли. В том месте не то что на мото-

цикле – тропинку на ощупь угадывали. Так что ножками до припрятанной лодочки добирались. На лодку вышли сразу. На месте лодочка. Вокруг ни души – куда ей деться?

Протока тут через реку метров тридцать будет. Переправились спокойно. Нашли зимовьё. Обустроили помещение: лапника на нары, сена по паре охапок, чтоб спалось крепко, пол земляной веничком приласкали, для буржуйки дровишек наготовили.

Уютно, спокойно, тихо. Зимовьё на пригорке. Вид на четыре стороны, хоть кисть в руку вместо удочки.

А когда поутру к озеру добрались сквозь камыши, от красоты дух перехватило. И что только природа не придумает, чтобы мы в мире жили и в радости, чтобы не обижали ни бурундуков, ни мышек, ни птичек, ни муравьёв!.. Озерцо, как на картине: повороты, карманы, кувшинки, камыши... Птички щебечут, стрекозы подсаживаются, жучки по воде скользят... Такое разве забудешь!

В половодье озеро с рекой связь налаживают. По временной протоке рыбка заходит. А когда вода падает, она в озере остаётся жировать. Бурлит озеро непуганой рыбой! В камышах плоскодонка дожидается. Шест в ней и весло. Рай на Земле, да и только!

С реки не видать – берега ивняком прикрыты и черёмухой. Остров березняком украшен, в центре сосны вековые возвышаются. Шумят, вершинами в небо упираются, с облаками разговаривают. Хорошо!

Так и наладились: утром и вечером на зорьке рыбёшку ловим; днём отдыхаем, красотой запасаемся, разговоры разговариваем.

С дедом на равных – он умел выслушать, не спорить, а дать возможность самому до «верного» додумать. То дождичек, то солнышко. Мы увлеклись – рыбалка как на заказ. На речку не ходим – водичку в ключе берём (он рядом с зимовьём фонтанчиками играет). Рыбку подсаживаем и туда же – в ледяной ключ на хранение.

А река не дремлет – силу подкапливает и для нас науку готовит. Дожди в верховье ливневые прошли, Саяны подтаяли.

Ночью и у нас плотной стеной полило. Утром просыпаемся, а в зимовье по щиколотку воды. Мы наружу – кругом вода. Бурлит и крутит. Лодку, на которой переправились, унесло. Мы ту, что на озере (плоскодонку) волоком к реке перетащили. Холода не замечаем. Руки, ноги дрожат – вида не подаём. Точно знаю: дед плавать не умеет – по маминной линии все не водоплавающие. Воды не боится – вся жизнь на воде, а плавать – ни в какую.

Но дед у меня боевой. Гражданскую у Щетинкина в отряде кавалеристом с шашечкой отмахал – рубака тот ещё. Когда Тункинскую долину освобождали от братьев-беляков, он черноглазую девчушку с наскоку подхватил в седло и только через шесть лет вернулся к её родителям с тремя внучатами. Оставили с головой на плечах – внуки больно brave. Потом ещё двоих «прикупили». Крепкая семья получилась. Сколько всего пережили. Выстояли. Уважали их люди. За дедом я как за каменной стеной – и в мысли не было завывать от страха. Он бы по дну прошёл, но внука спас. Я это знал, потому и хорохорился. Кто пережил наводнение, знает, о чём я толкую. В руках у деда шест, у меня – весло и банка от тушёнки.

– Давай, внучок, – говорит, – налегай и, пока в берег не уткнёмся, по сторонам не зыркай! С Богом!

По спине ручейки и мурашки наперегонки и вприпрыжку. Дед на корме рулит, толкает, гребёт, рычит. Я мечусь по лодчонке – веслом гребу, банкой воду за борт. Река мутная – крутит, кипит, подбрасывает. Вокруг мусор таёжный – валежник, пни, коряги, деревья и всякая всячина. Пока мимо. Ужас! Не лодка, а корыто. На ней бы в луже, в тихую погоду и на якоре, а тут такое!

Конечно, Господь сжалился: заметил вовремя и пожалел. Страхом, правда, напотчевал до икоты. Мы как единый организм – гребём, рулим, толкаем, крутимся, что-то орём и молимся.

А как же? Иначе не услышать нас. Одним словом, отгоняем друг дружку от страха, не подпускаем его к лодке. Рычим и рычим – отвагу держим наготове, не даём засомневаться в себе. Злость ещё распыляем – помогает от усталости.

Глянул я за борт – коряга прямо на нас рулит. Что-то не то... Гляжу, а она против течения – я похолодел нутром. Подгребают ближе – мамочка родная, сохатый!

Морда и рога больше нас вместе с лодкой. Всё, щас конец! Это мы оба с дедом сообразили. Этот герой лодку, что щепку, размолотит. А мы продолжаем: толкаем, гребём, рулим. Рычим, правда, тише.

И бояться-то особо некогда. А сохатый пристроился рядом с лодкой – глаз от страха тоже наружу рвётся. Боязно, видать, одному сгинуть. Растерялся малость красавец лесной.

– Ну, что ж ты, брат, давай за компанию реку мерить.

Это мы ему вполголоса – для поддержания духу.

Мы как-то приноровились к страху, успокоились за работой, да и веселее стало. Не одни – в компании всё ж таки. Лодка несколько раз гулко стукнулась сохатому о рога. Дед вначале целился его шестом навернуть. Потом попустился. Сами зубами за воздух хватаемся – не до зверя. А сохатый то с одной стороны лодки плывёт, то с другой пристроится. Потом, видать, понял: спасать надо людишек, запыхались людишки, вот-вот взвоят по-волчьи.

Со стороны ему хорошо видать, как мы к жизни рвёмся, молимся старательно и натурально. На весь мир молитвой кричим. Из сердца она со слезами и кровью летит во все стороны. Такая молитва во всех мирах как набат колокольный. Спрятаться от неё нельзя, не услышать её невозможно.

Ожил сохатый. Подобрался весь, будто кто ему команду отдал и силёнок добавил. Попёр, как катер, на ему одному приметный ориентир.

Какой там страх, когда такое доверяют!

Дед сразу всё понял.

– Толя, держи курс на его рога. Давай, внучок, не жалей ладошек!

Вынес он нас, наш сохатый. Мы немного не угадали за этим таёжным богатырём. Снесло нашу лодчонку метров на двадцать вниз. А сохатый вышел, отряхнулся. Здоровенный, будто слоняра. Понаблюдал за нами. И только мы ткнулись в берег и расправили спины, показал нам свои крепкие круп-

---

ные зубы в приветливой улыбке, мотнул огромной башкой в царских рогах и тихонько направился в любимую тайгу.

Дед потом так и сказал: «Если бы не наш сохатый, страшно подумать, где бы мы сейчас барахтались».

Услышал! Пришёл! Я его глаза и сейчас помню. Они ещё не раз мне на подмогу приходили...

Пашка

Пашка проснулся со знакомым чувством восторга. Шевельнул пальцами и заулыбался. Во сне он снова летал. Как же здорово уметь летать! Пока у него получалось только во сне. Но Пашка был уверен, он твёрдо решил, что научится летать и днём.

Лежал на высокой пуховой подушке с закрытыми глазами и улыбался. Он попытался снова уснуть, чтобы ещё лучше запомнить себя в полёте. Так и лежал с закрытыми глазами, улыбался и мечтал.

Зимой он прыгал с крутой крыши стайки в глубокий сугроб и... почти летел. Мешала фуфайка, она не давала планировать. И ушанка постоянно сбивалась на глаза. Валенки тоже не прибавляли «аэродинамических» свойств. Это слово он услышал от дяди Серёжи. Дядя Серёжа – лётчик. Он летает на вертолёте. Но вертолёт Пашке не очень. Вертолёт смахивает на стрекозу.

Пашка решил учиться летать весной, летом и до самой поздней осени. Весна прошла, на дворе лето. Он уже успевал сделать три маха руками, летая с той же крыши на грядки (зимой только один, ну от силы два маха).

Мама предупредила, что «насыплет соли под хвост» за грядки. Что она имела в виду? У Паши нет хвоста, как у Шарика или у Петуха. У него есть хвостовое оперение!

Пришлось прыгать с Серёгина сеновала на его грядки. Серёга – это не тот, который дядя, а другой. Этот Серёга – сосед (он живёт через два дома) и настоящий Пашкин друг. Баба Марина накостыляла обоим. Она сняла верёвку с рогов коровы Марты и прищучила друзей в загоне.

Оперению досталось крепко. Сначала оно горело огнём, а через пару дней начало чесаться. Мама сказала, что дела пошли на поправку. Это значит, что скоро можно возобновить полёты.

Пашка потрогал попку и весело засмеялся:

– И не чешется уже и совсем не горит...

Он понял, что заснуть уже не получится, поэтому открыл глаза. Сначала правый: капитан стоял на прежнем месте. «Поджидает, как и обещал. Настоящий капитан!» – обрадовался Пашка.

Потом открыл левый: всё в полном порядке, все на своих местах. И море, и лодочки, и его кораблик – все поджидают его. И даже чайки кружат тут же – на белёном потолке, над самой головой... «Скоро я вырасту и стану капитаном. Сначала моряком, как папка, а потом обязательно капитаном».

Пашкин дом срублен из толстых брёвен, пол и потолок собраны из мощных плах. Стены и потолок обиты дранкой и заштукатурены. Поверх побелены извёсткой. Пол покрашен масляной краской светло-коричневого цвета. На потолке и стенах извёстка перед каждой побелкой кое-где вспучивается. В таких местах её соскребают и заравнивают неровности белилами. Потом снова белят извёсткой.

На потолке из таких вот неровностей и многолетних набелов родилось море и появился капитан.

Капитан смотрит в сторону моря и поглядывает на Пашку. Во рту у него трубка. Он придерживает её рукой и вкусно курит. Пашка пробовал курить папину папиросу из пачки с названием «Беломорканал». К сожалению, закашлялся до слёз, и даже из носа побежали сопли. Хорошо, что курил у печки, в другой комнате. С того места его не видно капитану. А так бы точно опростоволосился.

«Мне будет не страшно плавать по морям, потому что скоро я научусь летать», – так думал Пашка и прыгал с самых высоких крыш, широко раскидывая руки и махая ими в полёте.

А ещё Пашка мечтает стать шофёром. Серёгин отец, дядя Саня, ездит на лесовозе. Когда он проезжает по улице, то

конники позвякивают, как колокольчики. Серёга бросает все дела и бежит встречать своего папку.

Дядя Саня даёт Серёге и Пашке порулить своим ЗИЛом. У ЗИЛа-157 два ведущих моста (или три?). Его называют «студебеккером» и «королём дорог». Мальчишки по перемене встают меж коленок у дяди Сани и крутят огромную чёрную баранку. ЗИЛ очень послушный, он подчиняется каждому движению мальчишеских рук.

А ещё у друзей есть свои игрушечные самосвалы. Это тоже ЗИЛы. У Серёги синего цвета, а у Пашки зелёного. Машины такие большие, что на них можно спокойно садиться верхом и ехать с горки. Сбоку у машин имеется рычаг, и им можно поднимать кузов, а двери открываются настоящими ручками. Машины железные и очень надёжные.

Сегодня Пашкин папка возвращается с переподготовки на скором поезде Владивосток – Москва.

«Мой папка – моряк!» – Пашка что-то вспомнил и от радости запрыгал на кровати. – «Папка везёт мне моряцкую форму. И всё-таки я буду капитаном, а Серёга пусть шофёром. Ведь это мой папка едет из Владивостока, и он моряк. Конечно, Серёге легче стать шофёром. Он будет ездить по лесным дорогам. Но я скоро научусь летать, и мне будет совсем не страшно плавать по морям».

Терпеть стало невмоготу, и Пашка спрыгнул с кровати на пёстрый коврик, связанный бабой Сусанной из разноцветных лоскутков. Прошлёпал босыми ножками через зал. На ходу соединил ладошки рук и, будто прыгун в воду, нырнул меж плюшевых занавесок в дверной проём. Он оказался на кухне. Покосился на разомлевших тараканов, прислонившихся жёсткими спинками к ещё тёплым кирпичам печки. Проскочил кухню и толкнул тяжеленную дверь на веранду. Пробежал по прохладному полу и выскочил на высокое крыльцо.

Шарик радостно тявкнул, но, заподозрив неладное, проворно шмыгнул в будку, звякнув железной цепью. Был виден только чёрный кончик его носа. Пашка спустил до коленок сшитые бабушкой на заказ «флотские» трусы и дал упругую струю в сторону будки. Очередь ударила по крыше собачьего домика.

– Ни чо себе – через всю ограду достаю! – радостно воскликнул мальчуган.

Он передавил струйку и пошарил глазами по курам.

– А-а-а-а... Вот ты где!

Петух прижался боком к поленнице. Он замешкался и теперь понял, что попал в западню. Покосился на Пашкину руку, прикинул расстояние: «Эх, не успеть мне за нашим сорванцом. Ничего, в следующий раз подкараулю и прищемлю твой крантик».

Потом по-отечески усмехнулся, откинул гордую голову, расправил сильные крылья и запел на зависть соседским петухам.

– Ку-ка-ре-ку-у-у-у!.. – полетело над привокзальными улицами, толкнув в крутой бок сонный паровоз и устремившись к опушке леса. Нырнуло в глубокий лог, на лету потрепав зайчишек за серые ушки. Заглушая все звуки, расплёскиваясь через край, цепляясь за макушки сосен и снова набирая силу. Наполняясь десятками таких же «ку-у-у... ка-а-а... ре-е-е... ку-у-у-у...» дальше и дальше, к косачиному току, чтобы слиться с настоящим, вольным, первозданным и тоже петушиным.

«А-а, пусть веселится себе малец! Что убудет с меня, что ли? Пацан – он и есть пацан. Ну, давай, отпускай пальцы, а то не ровен час лопнешь, как мыльный пузырь», – и захохотал петушиной песней, представив Пашку пузырём.

А Пашка виртуозно накрыл весёлого петуха веером брызг с первой же попытки. Потом уж поливал без разбора, крутясь на крыльце во все стороны.

Курицы по дурости ринулись было к нему, думая, что Пашка раскидывает им зёрнышки. Потом поняли, что оплошали, и с весёлым шумом отбежали к петуху.

А тот со смехом кричал Шарику:

– Ну не засранец ли наш капитан, Шарик!

Из будки Шарик весело поддакивал другу:

– Засранец! Ох и засранец! Добрая душа у Пашки. Шебутной только. Весь в хозяина. Два капитана на нашу голову! Повезло нам с хозяевами!

Петух тоже вострепнулся и весело закудаhtал:

– И не говори, дружище! Повезло, так повезло!..

Струйка надломилась и потеряла силу. Последние капли кучно упали на Пашкину ногу. Он потряс ею в воздухе, натянул сатиновые трусы, потом приспустил их на бёдра. И уже было рванул с крыльца вниз, но покосился на петуха, вернулся на веранду и с ходу вонзил ноги в коричневые сандалии.

Развернулся и пулей слетел на кирпичный пол ограды.

Завернул за угол веранды, проскочил небольшой проулок и подбежал к ларю с зерном. Приоткрыл крышку, упёрся лбом в её край, насыпал в отворот майки несколько пригоршней золотистых зёрен. Забросил горсточку в рот, с удовольствием разжевал, потом резко выдернул голову наружу. Край тяжёлой крышки больно царапнул по лбу, но Пашка даже не поморщился.

Вернулся к крыльцу, на ходу зазывая: «Цып-цып-цып!.. Цы-ы-ып!» – приглашал он разномастных кур, поглядывая на здорового петуха.

Пашка понимал, что малость переборщил, что обидел и петуха, и куриц. Поэтому спешил восстановить отношения.

Петух не сдвинулся с места. Только проскрипел железным горлом что-то ворчливое, будто ножом по стеклу царапнул. Развернул веером правое крыло, взъерошил перья на загривке, тряхнул мощным туловищем, сбросив Пашкины капельки на землю. И не глянув на зёрна, гордо зашагал, высоко задирая украшенные острыми шпорами когтистые лапы, к подворотне, ведущей на улицу.

«Петька, ну ты чего, а? Чо злишься-то? Я же шутя и совсем даже без злобы», – уговаривал Пашка неподкупного друга.

«Да ну тебя! Каждое утро одно и то же, – ворчал, пряча ухмылку в розовой бороде, повеселевший петух. – Ты лучше Шарика угости вкусненьким. Он целыми днями на цепи сидит, а ты ещё издеваешься над ним. Такая собака добрая, а ты ну просто дурак дураком».

Пашка опешил от таких слов. Развернулся и пулей влетел на крыльцо. Сбросил сандалии и забежал на кухню. На печке

стояла сковорода. Он приподнял крышку и ухватил самый большой пирог с ливером. Пирожок был золотистого цвета, пропитан сливочным маслом, с хрустящей корочкой и ещё совсем тёплый.

Местный мясокомбинат лепил такие пирожки каждый день в несметном количестве. Их раскупали мигом. Зимой запасались вёдрами, хранили на морозе, а по надобности разогревали в сковороде, на топлёном масле. И уплетали, запивая круто заваренным сладким чаем, забелённым густым от сливок молоком коровы Марты.

Пашка вернулся на крыльцо, где его уже поджидал, весело помахивая пушистым хвостом, верный друг и товарищ Шарик.

– Шарик, ну ты-то хоть понимаешь, что я вас люблю? Особенно тебя и Петю.

Добрый пёс лизнул мальчугана в губы и боднул мокрым носом в живот. Пашка засмеялся, обнял Шарика за шею и вручил пирожок.

Собака деликатно приняла гостинец, отошла в сторонку и аккуратно съела вкусный подарок. Потом с удовольствием потянулась и, бренча цепью по натянутой через двор проволоке, тоже просеменила к подворотне. Улеглась на живот и с интересом принялась наблюдать, как закадычный друг Петруха заигрывает с соседскими курами.

Пашка летел дальше. Мимоходом заглянул в загон к Борьке. Натурально хрюкнул. Борька повернулся к парнишке и хрюкнул в ответ. Мол, привет, братишка! Отмахнулся широким ухом от назойливой мухи и снова утопил свой пяточок в глубоком корыте. Смачно зачавкал и тут же забыл обо всём на свете.

«Никакой радости в жизни. Одно корыто на уме, – с сожалением покачал кучерявой головой Пашка. – То ли дело петух – все зёрнышки своим курам отдаёт. И не только своим. Мама обещала ему голову отвернуть за то, что шлындрает по чужим дворам. Но я-то знаю – она это шутя на него ворчит. Любит она своего Петеньку. Так и говорит: «Какой хозяин в доме – такой и петух на дворе». Не нарадуюсь, гово-

рит, ни на одного, ни на другого. А поёт-то, говорит, а поёт... «Шаланды полные кефали в Одессу Костя привозил...». А, по-моему, это папка с дядей Кешей так поют. Дядя Кеша – это папкин старший брат. Он с ружьём на поезде катается по всему белому свету – караулит от воров вагоны с ценным грузом. Весёлый дядя Кеша и тоже петь любит. Сегодня они с папкой споют...»

И брага выходилась. Паша вчера выловил штук пять черносливин из бутылки и не вспомнит, как уснул.

Брага – это так, баловство одно. После баньки по кружечке, другой, чтобы кровь очистить от шлаков – папка так говорит маме. «У нашего отца кровь – что вода родниковая», – это мама о папкиной крови и о его браге.

К праздничному столу мама припасла две бутылки «Московской», а для женщин – бутылочку вермута с красивой этикеткой. «Праздник всё ж таки – как-никак муж домой на побывку едет», – это мама специально так говорит. Злитесь на отца, что тот никак не угомонится – не может распрощаться со своим Тихоокеанским флотом.

– Пора бы остепениться... по морям-то плавать. Так нет же – охота пуще неволи. Всё хозяйство на сына малолетнего оставил. А тому тоже летать подавай, да всё на грядки норочит приземлиться. Вот ведь порода летуче-плавучая на мою голову!

И смеётся мамочка. Весело смеётся. Я люблю, когда она так смеётся. Я ради этого её смеха на всё согласный. Только бы она смеялась и смеялась каждый день...

А Пашка тем временем просунул руку через дырку в заборе и старательно кряхтел, пытаясь отодвинуть деревянную задвижку, запирающую калитку в огород.

«И кто это додумался запирается со стороны огорода? Хотя когда я был маленьким, то лез в каждую щель. Так мама говорила. Вот и приходилось придумывать хитроумные запоры от маленького Паши...»

Деревянный брусок наконец сдвинулся с места и плавно поехал в сторону. Калитка отворилась, и Пашка очутился в огороде.

Огород и сад разделял деревянный тротуарчик. Он начинался сразу от калитки и заканчивался у крана летнего водопровода. Тут же стояли две железные бочки. К одной из них и спешил Паша.

Её специально установили под густым кустом черёмухи. Это чтобы вода не очень нагревалась на жарком солнышке.

А в бочке вот уже второй месяц жили два карася. Они были самые настоящие. Бока и спинки у них отливали золотом. Они любили Пашу и очень верили, что когда его папка приедет с переподготовки, то они все вместе отправятся на лесное озеро и там их отпустят на волю.

Карасей Паше подарил дядя Саня – Серёгин отец. Как-то весной он взял друзей с собой на рыбалку.

Рыбачили на закидушки. Когда рыбка попадалась (а попадалось сразу по нескольку штук), то леска дрожала в руках. В тот раз наловили много рыбы. Паша попросил только двух карасиков.

Серёгина баба Марина нажарила полную сковороду рыбы. Но Паша отказался угощаться. Он принёс своих карасиков домой, налил в таз воды и опустил их туда. Сначала рыбки не двигались. Пашка расстроился и ушёл к кроликам. Погрустил с ними, поговорил. Под верандой живёт молодняк. Они тоже любят Пашу. Кролики обступают его со всех сторон. Залазят верхом и щекочут пушистыми мордочками где попало. Он с ними разговаривает обо всём на свете и всегда угощает малышей вкусеньким: когда травой, когда морковкой, когда овсом, когда ещё чем-нибудь.

А когда вернулся в огород к рыбам, то не поверил своим глазам, а счастью не было конца. Он очень обрадовался. Карасики плавали в тазу и, ему показалось, просили кушать.

Мама помогла приспособить бочку для временного жилища рыбам.

А вечером Паша и мама написали письмо папке. Так, мол, и так – возвращайся скорей, потому что караси в неволе долго не протянут. Это чтобы он понял, что никакие отговорки не принимаются. Карасей надо спасать. А на своём мотоцикле – Иж-49 – ездить может только он – папка.

А как ещё можно добраться до лесного озера? Да никак! Только на папкином Иж-49. Не зря же Паша каждый день протирает мотоцикл вафельным полотенцем. Потом садится на широкое сидение, понарошку заводит мотор и едет до самой Америки. А на обратном пути обязательно заворачивает в столицу нашей Родины – город Москву. Там на Красной площади в мавзолее лежит дедушка Ленин.

Пашка накручивает ручку газа, натурально рычит, переключает на бензобаке скорости, тормозит ручным и ножным тормозом. А ещё подкачивает колёса мотоциклетным насосом и проверяет бензин в бензобаке. Для этого надо отвернуть блестящую крышку бензобака, вытащить металлическую сетку из горловины, а уж после прутиком замерить уровень бензина.

Бензин есть, его хватит, чтобы доехать до лесного озера.

Пашка опустил голову над бочкой. Внимательно присмотрелся. Но в чёрной воде ничего невозможно разглядеть. Тогда он набрал полную грудь воздуха и погрузил лицо в воду. Сначала только лицо, потом и голову до самых плеч. Глаза то щурил в щелочки, то тарачил, раскрывая до отказа. «Ничего не видно! Да куда они запропастились-то?!»

И тут он почувствовал, как рыбка щиплет его за нос. Сначала он заметил одну тень, и тут же другой карасик ущипнул Пашку за губу. Паша нисколечко не испугался, а даже наоборот. Чтобы не перепугать рыбок, голову вытянул из бочки медленно. И только потом громко фыркнул и жадно хватал воздух ртом.

«Здесь! На месте! Как же я устал переживать за вас. Ну, ничего, сегодня приедет папка, и мы отвезём вас на ваше озеро.

Сегодня! И никаких после! Папка меня поймёт, он не станет откладывать поездку на завтра. Надо срочно спасать карасиков. Хорошего мало – жить в бочке. Даже человек-амфибия, и тот чуть было не окочурился в железном баке.

Но то человек. А тут – карасики! Маленькие, золотистые и наивные...

Не скучайте, хорошие мои, сегодня вы будете играть с такими же карасиками в вашем лесном озере.

Даю вам слово! Мы с папкой вас спасём... Сегодня ...»

Кай и Герда

Маршрутка почти заполнилась. Оставалось два свободных места, и, как нарочно, ни одного желающего поблизости. Салон корейского микроавтобуса постепенно раскалялся от духоты и нервов. Раздражение распирало китайские пуховики, модные шубки, щёки, урчало в сдавленных животах, металось в воспаленных глазах людей, уставших от ежедневных поездок в Иркутск на работу – аж за 100 километров в одну только сторону. Напряжение нарастало с каждой секундой. Вот-вот проскочит искра – и тогда!

Все замерли в предвкушении неотвратимой перебранки. А так хотелось без нервов прикрыть веки, заснуть, ничего и никого не замечая вокруг.

Водитель отошёл на всякий случай подальше от машины, прикурил сигарету, всем видом показывая, что он готов к отъезду и ничто не заставит его задержаться дольше пары зatyжек. Вот сейчас ещё разок – и в путь.

И тут появились они!

Пожилая опрятная пара. Мужчина слегка прихрамывал, но старался держаться прямо, поддерживая под локоток свою замечательную половину. Именно половину, потому что порознь этих людей невозможно было представить. На обоих старомодные уютные дублёнки. Не те, что стоят коробом и способны сохранять форму хозяина, как гипсовые слепки с натуры, а настоящие изделия из кучерявого, тонкого меха овечки.

В руках по клетчатой сумочке. С первого взгляда было заметно, что в сумках находится что-то очень хрупкое и дорогое.

Женщина заглянула внутрь салона и остановилась, не решаясь шагнуть через порог.

Водитель оказался тут как тут – быстро убедил молодых людей уступить передние сиденья «для инвалидов» интеллигентной паре. И после привычного ворчания, охов, советов наступил долгожданный момент – автобус плавно тронулся с места.

Я оказалась рядом с пожилой женщиной, а напротив, спиной к водителю, разместился её муж. По левую руку от него сидела полная бурятка в блестящей чёрной шубке и длинных лакированных сапожках.

Я да и другие пассажиры заметили, что из сумочек торчат очаровательные головки глазастых и ушастых карликовых пинчеров. У дедушки на коленях оказалась девочка по имени Герда, а у бабушки мальчик – Кай.

У Герды на чёрной мордочке кокетливо поплёскивали светлые подпалины, у Кая рыжие «бакенбарды» подчёркивали его гусарский озорной характер.

Бабушка засуетилась: она принялась доставать из бокового кармана сумки разные салфетки, платочки, вынула мешочек, наполненный какими-то припасами, и немного успокоилась, когда всё это оказалось под рукой. Посмотрела в мою сторону – мы улыбнулись друг другу. Я погладила по головке Кая, потом Герду, и напряжение улетучилось.

Я поинтересовалась:

– В гости собрались?

Женщина посмотрела на меня грустными глазами и с болью в голосе ответила:

– Если бы... На рынок, милая. Будем выбирать для наших собачек новых хозяев. Отдать хотим в добрые руки. Найти бы эти руки...

И замолчала.

Достала из пакета баночку из-под кофе, отвернула крышку и напоила Герду водичкой.

– Она ещё не каталась на транспорте. Волнуется очень, да и покушала утром плотненько. Боюсь, укачает в дороге.

После того как собачки более-менее успокоились, женщина рассказала мне свою историю.

«Мы ведь полтора года назад для здоровья взяли этих собачек, заботиться хотели о них. Жить долго собирались.

Дети выросли, внуки тоже большенькие, а мы вроде как в стороне остались вдвоём. Друзья подарили этих красотуль, бывшие коллеги по работе. Прослышали, что мы мечтаем о собачках, вот и подобрали парочку из разных помётов.

Они у нас с документами и очень даже породистые ребятки. Родословные, опять же, что у дворян – расписаны до десятого колена.

Всё бы ничего, да у деда моего инфаркт приключился в феврале, а потом и у меня – один за другим.

Только вставать начала, на тебе – инсульт. Рука до сих пор не отойдёт, а так – потихоньку шевелимся.

С собачками гулять надо, а у нас силёнок совсем не осталось. Они, видишь, какие непоседы, им внимание и заботу подавай, а мы расписались с моим стариком. К старости здоровья ох как много надо иметь! Нас вот только вовремя никто не предупредил об этом.

В дорогу, как в последний путь, собрались: документы, истории болезней, полисы...

Не дай Бог, что случится – у нас всё при себе... Одним словом, на каждый случай по три справки в запасе держим».

Мужчина сидел спокойно, нежно поглаживая Герду по головке. Собачка нервничала – она что-то предчувствовала, крутила по сторонам головкой и всё пыталась выскользнуть из сумки. Женщина достала из кармана леденец на палочке, развернула и далализать сначала Герде, потом Каю.

– Эх, бедняжки вы мои, бедняжки! Не оправдали мы ваши надежды. Подвели.

Бурятка, наблюдавшая за тем, как женщина заботливо утирает салфеткой то одну мордочку, то другую и со слезами на глазах целует попеременно мокрые носики, предложила:

– У меня в Иркутске есть хорошая знакомая. Она очень успешно торгует на рынке собаками. Хотите, познакомлю? Вмиг всё устроит.

Пожилая женщина, не глядя на соседку, резко отрезала:

– Я не за прибылью еду, мне людей добрых позарез как найти надо. Поживём у сестры недельку. Если сердце не укажет на кого, домой все вместе вернёмся. Квартиру поменяем

с дедом – с четвёртого на первый этаж переберёмся, но торговать детками не стану.

Бурятка фыркнула и отвернулась к окну.

А мы продолжили ухаживать за «красотулями» и вести неспешный разговор.

Я снова поинтересовалась:

– А дети? Или, как всегда, не до нас, а уж до собак и тем более?

Женщина невесело усмехнулась:

– Почему же... сын как раз и проявил внимание – забрал Кая к себе, а через четыре дня невестка заверещала, как... Ой, да ладно, чего уж там ...Он, Кай, видите ли, «все паласы уделал, гадит, где попало». Глупости это, я вас уверяю, и выдумки – они такие чистюли и умницы! С ними гулять надо, а ей оторвать свою «сахарницу» от дивана страшно. Раскормила себя любимую. Какое гулять? Алёшку, сына, лапшой китайской какой год потчует. Что ты, милая, я и сама извелась, пока наш мальчик в их доме гостил.

Мужчина украдкой прикладывал к глазам синий платочек. Отвернётся к окну, промокнёт глаза и молчит. Шепнёт что-то нежное Герде и тут же Каю внимание окажет, чтобы не обидеть мальчика.

Женщина не выпускала из рук целлофановый мешочек – переживала за Герду. И всё же не укараулила – при въезде в Иркутск Герда срыгнула пеной на дедову дублёнку.

– Ах ты, боже мой! Бедняжка ты моя! Устала. Головка закружилась у девочки моей. Укачало маленькую. Сейчас, сейчас приберём всё мигом.

Бормоча добрые слова, женщина ловко орудовала тряпочками и салфетками. Через минуту всё было в порядке. Никаких следов «конфуза местного значения» – так происшедшее с Гердой прокомментировал мужчина.

Бурятка брезгливо отвернулась к окну, всем видом показывая, что ей крайне неприятно находится по соседству с собаками и стариками.

И тут женщина, глядя мне в глаза, кивнула на своих собачек:

– Вы, я вижу, любите животных.

Я положила свою руку на её, нежно погладила и легонько сжала пальцы:

– Люблю. Дома меня поджидает Джина – наша американская стафиня. Как говорит мой муж, она не собака, она человек с глазами и сердцем ангела, которому доверили драгоценный дар собаки – беззаветно любить свою семью...

Мы улыбнулись друг другу на прощание. Я посмотрела в глаза собачек, потом в глаза стариков и пожелала на прощание:

– С любимыми не расставайтесь!..

Дедушка улыбнулся мне в ответ и бодро ответил:

– Не волнуйся за нас, дочка. Через пару дней вернёмся всем семейством домой. Поменяем квартиру – и будем жить-поживать. Мы ещё их детишек вырастим и в добрые руки пристроим.

Погладил по головке повеселевшую Герду, перегнулся и чмокнул в нос проснувшегося Кая.

Женщина ласково посмотрела на своего мужа:

– Ой, и не говори, Миша. Чегой-то мы с тобой засуетились ни с того, ни с сего? Погостим недельку – и назад, домой. Куда мы без наших деток? Да и им без нас некуда...

Я вышла из маршрутки. Пересела на 21-й автобус и через пятнадцать минут вышла на конечной рядом с домом. Лифт мягко поднял меня на девятый этаж. Открыла дверь, а на пороге две мои красотули – Джина и Муська. Джина с ходу сунула голову в сумку.

Я со смехом поинтересовалась:

– Ну что, хозяйка, проверила – ничего я не забыла купить? Не волнуйся, пожалуйста, есть для тебя гостинец, и для Муси имеется.

Муська, услышав своё имя, оставила в покое мои ноги, привстала на задних лапках, упёрлась передними мне в колени и выгнулась дугой.

Джинины лапы на груди, Мусины – на колени. Обе заглядывают в глаза и улыбаются.

– Ах вы мои дочи! Сейчас разденусь и буду кормить. Потерпите минутку!

А вечером, когда вся семья собралась за ужином, я рассказала мою историю.

Помолчав, со смехом добавила:

– Если бы ещё минут двадцать я пообщалась с этими милыми старичками, то...

Именно так: Герда и Кай сейчас бы кувыркались на нашем паласе.

Судьба

В последнее время почувствовал я непреодолимое желание к Господу нашему обратиться. Не так, как раньше – от случая к случаю, а как бабушка учила – каждую минутку с ним в сердце проживать. Знаю, что сразу не получится – грешен и соблазнов для меня много заготовлено. Но это уже мелочи. Проснулся на днях и отца Михаила вспомнил – полгода не виделись. Вот, думаю, надо позвонить и поговорить. А вечером сына с невесткой на вокзал подвёз, и вот те, пожалуйста, идёт отец Михаил навстречу, улыбается, руку крепко пожал, в глаза смотрит. «Ну что, Анатолий, пришёл-таки? Вижу, что пришёл». Я ему: «Так, мол, и так... Только вчера подумал...» А он: «Божий Промысл! ОН всё о нас знает и всегда готов прийти: надо только позвать, попросить и не забывать покаяться. Принять от НЕГО жизнь чистую и не создавать кумиров на земле».

И тут, в один день, два человека, две судьбы.

Вчера утром иду в гараж за машиной, а навстречу давнишний знакомый – Володя. До перестройки работали на одном предприятии: он завгаром, я в снабжении руководил. Потом перестройка – это когда всё в тартарары улетело. Сразу всех в безработные записали. Пошли мы по разным «бизнесам» деньги «искать». Он книгами торговать, я магазин открыл.

Оказывается, он с 92-го года с книгами и «новой» женой живёт. Хотя нет: уже пять лет, как по судам скитается – правду ищет. Вот наивный дядька! В конце лета, пять лет тому назад, полез Володька в подвал своего нового кирпичного коттеджа на берегу Ангары проветрить помещение

перед закладкой нового урожая картошки и других овощей на зиму.

Глянул за фундамент печи, чтобы убедиться и порадоваться, что на совесть всё сделано, а разглядел блестящий уголок целлофана. Потянул за него и вытащил на свет мешок денег – 7 миллионов рублей и 10 тысяч евро. Новая жена бухгалтерию вела в книжном бизнесе. Пересчитал – и в Иркутск на своём жигулёнке получить посылку с книгами. Нет чтобы мешок с собой забрать, потом разбирайся хоть до старости: откуда, да как, да почему?..

Вернулся с красивыми книжками – ни жены, ни мешка, ни денег. Говорит, а руки ходуном ходят – весь скукожился и постарел, вот-вот слёзы брызнут из уставших и поблеклых глаз. Да мужик-то ещё в силе – красавец! Из казаков кубанских. А вот как провернуло его через эти миллионы с рублями и евро окаянными...

Все мыслимые и немыслимые инстанции прошёл – президенту писал. Десятки слушаний, и всё бесполезно.

А жена новая на раздел коттеджа кирпичного на берегу Ангары подала. У самой дворец достраивается. Со всех сторон у Володьки погирбель.

Иди, говорю, в церковь – она в двух шагах – покайся и отпусти ты эти миллионы жене «новой», а для «старой» ещё заработаешь. «Старая» у тебя красавица и сыновей твоих в люди вывела. Туда надо путь держать. Простят – Слава Богу! Не простят – всё на сердце полегчает. Родные люди всё-таки. Поймут сыновья батьку, и жена красавица до сих пор одна...

Даже слушать не хочет – деньги, деньги, деньги... Столько лет угробил, полжизни – и в дураках остался...

У «новой» жены сын – парень разбитной – всё по ветру пустит: прокутит и в карты просадит.

Вот такая грустная история.

Сколько сил положил бедолага, сколько времени попусту растрчено. А если не попусту? За всё отвечать приходится, и неизвестно, как Господь перед нами звёзды в другой раз раскинет. Может, в другой – для «старой» нашей жёнушки

куда как половчей лягут... звёздочки-то? Вот, и соображай тут: к президенту писать жалобы или с сыновьями родными жизнь налаживать, к жене своей, совсем даже не старой, вроде как случайно на чаёк забежать. А там и пельмешки в четыре руки полепить... Думай, Володька, думай!

А вечером в квартире двери меняли. Приехали спецы – два парня – вынули старую, установили новую «евродверь», заделали щели, подготовили всё для следующей бригады. Умеют наши работать – приятно наблюдать за мастерами. Подходит ко мне старшой и говорит: «Я тут разговор ваш услышал или спор – сколько, мол, дней понадобилось Богу для создания Земли и всего живого на ней». Ну, поговорили... Это понятно, что у человека и Бога нашего разные понятия о времени, и о днях в том числе. У НЕГО минута, а для нас 1000 лет минуло, к примеру.

Этот парень весь светится: глаза голубые, глубокие, а лицо светлое, тёплое. Они все такие, кто верует сердцем и по-настоящему. Смотришь на него – и смотреть хочется.

Разговорились: Денис его имя, бывший наркоман. Отец с ружьём, говорит, меня караулил дни и ночи напролёт. Хотел своими руками освободить от зависимости бесовской. Довёл всех до белого каления. Устали от меня люди, а я от себя устал... Из дома всё вытащил, отсидел в тюрьме. Оттуда и протоптал тропинку в Храм, к Вере своей. В тюрьме с Боженькой встретился – лицом к лицу. Как и что, не стал пересказывать. Жена тоже бывшая наркоманка – пять лет как венчались. Двоих детишек Боженька подарил – мальчика и мальчика. «Для меня, говорит, воскресенье – это всегда праздник: я в любом случае на службе в храме, а по другую сторону ОН за мной наблюдает и радуется за мою нынешнюю жизнь. Отец с внуками возится. Счастливы мы все вокруг нашей Веры. И встречаемся мы не напрасно – я сегодня товарища подменил – снова, значит, Божий Промысл... Не противьтесь... Рука протянута... Примите руку ...»

На прощанье мне пожелал: «Не останавливайтесь! Жизнь свою Господу надо доверить – раз и навсегда... Большой грех жить без Бога, ещё больший – познать ЕГО и отвернуться...»

И ещё так сказал: «Я разных людей повидал и по эту сторону и по ту. Человеческое счастье зависит не от того, сколько у тебя денег, а от того, сколько в тебе Веры...»

Сию вот, соображаю: два человека – две судьбы... пять лет жизни...

Инвалид

Снег валил всю ночь не переставая. На улице непривычная для Сибири теплынь. Вроде Прибалтика ни с того ни с сего в наши края пожаловала. Утром машины и люди чертыхались в жидкой серой каше.

Кто придумал соль под ноги сыпать? Дворники всю жизнь со снегом управлялись. Выходили ранним утром: с прибаутками, весёлым ворчанием, в руках ладные метёлки из тальника и огромные фанерные лопаты (пёхла).

Да где ж наша зима заблудилась? Откуда такая слякоть к нам нагрянула? Хотя время ещё есть для лютости морозной.

Дождёмся – потом охать будем и пищать от стужи студёной. Так всегда бывает – человеку чего-то не хватает, чем-то он недоволен. Не угодить каждому, а всем – и подавно.

Два мужика приподняли инвалидную коляску – и парень очутился в салоне автобуса.

Лет тридцати пяти – сорока от роду. Лицо сухощавое, на щеках здоровый румянец. Одет в синий пуховик, шею уютно облегает мягкий высокий воротник свитера из плотной, тёплой шерсти. Собачья, а может и верблюжья. Руки в кожаных стареньких полуперчатках. Крепкие пальцы выглядят наружу. На голове вязаная шапочка «Адидас» красного цвета с отворотами. Одна нога до колена торчит из-под пуховика, второй – вовсе нету.

Инвалид проехал вперёд, в сторону водителя и о чём-то заговорил с женщиной на переднем сиденье. Потом медленно покатился по салону – от одного пассажира к другому.

И только когда парень оказался напротив, я сообразил, что тот попрошайничает.

И даже не попрошайничает – он как бы предлагает людям сделать выбор:

– Вы можете помочь, а можете и отказаться – я не в обиде. У каждого своих забот хватает, а тут я со своими... Так что не взыщите – нужда гонит... пропади оно всё пропадом...

Инвалид обратился к двум женщинам, увлечённо обсуждавшим проблемы утренних пробок на улицах города:

– Женщины, извините, что вмешиваюсь в ваш разговор. Я не пьяница, не наркоман и не бессовестный тунеядец. Судьба так распорядилась с моей жизнью, что я полностью завишу от милосердия людского. Люди у нас добрые. У многих нет возможности, чтобы доказать это на деле, но я понимаю их. Мне не на что купить хлеба. Всё, что на мне, – только благодаря вам, люди добрые. Я одет – значит могу выходить на улицу в мороз. Я не погибну с голоду в расцвете сил. Я живу, слава Богу! Мне ещё хочется пожить. Не знаю почему и для кого, но хочется.

Возможно, ненадолго меня хватит, но пока я пытаюсь выжить любой ценой. Нет, не воровать, а выходить в любую погоду на улицу и обращаться к людям за помощью...

Это непросто, но по-другому – никак. Кто сколько может... И кто сколько не может... Я не в обиде, люди добрые...

Инвалид подкатился ко мне – наши глаза встретились. Парень вздрогнул, меня тоже прошиб мороз. Я машинально протянул полтинник. Он подставил привязанную к шее плоскую жестяную банку.

«Из-под чая... индийского... со слоном», – отметил я.

Парень прокатился дальше – к задним сиденьям. Послышались какие-то слова. Потом он вернулся и остановился около меня.

– Это вы...ты?... – проговорил он медленно, заикаясь.

– Ну я. А ты кто? – ответил я вопросом на вопрос.

– Ты же Михалыч? – прошептал парень, – друга не узнаёшь, Михалыч?..

– Серый?... Ты какого... тут делаешь? А Танюха где?

– Кака «Танюха», Михалыч? На меня только соседка и обращает внимание. Ей под шестьдесят. Добрая очень... одино-

кая... Сжалилась надо мной: готовит, стирает... жалеет, как своего. А так бы я давно... загнулся. Дай Бог, ей здоровья! Пятый годок... душа в душу...

Я остолбенел. Ступор со мной приключился. Потом потрогал у Серого ноги, повернул коляску к себе спиной и ещё раз пошарил рукой под его пуховиком в районе поясницы.

– Нету ног! Три дня тому назад были, а тут - нету!

Народ зашумел:

– Вы что делаете, мужчина? Как вам не стыдно?.. Вы ещё разденьте инвалида на морозе... Никакой совести и сострадания!..

– И раздену! Это мой друг – Серёга! И не может такое приключиться за пару дней, чтобы он без ног оказался и без своей Танюхи.

Люди крутили пальцами у виска. А мне было наплевать. Инвалид смутился и тоже собрался было сойти на следующей остановке.

Вежливо обратился ко мне:

– Миха... мужчина, придержите, пожалуйста, коляску за ручки сзади!

– Я после операции, браток. Извиняй! Да куда я тебя не отпущу. А ну смотри мне в глаза и повторяй: «Я – Серёга! Я знаю Михалыча полтора десятка лет! Мы вместе рыбачим на нашем озере с кувшинками и мельницей!» Повторяй и вспоминай, где ноги оставил.

Парень внимательно прислушался к шепотному мужику. Что-то знакомое шевельнулось в груди, потом горячей волной толкнуло в горло. Слезы выглянули в уголках глаз. И вот уже одна за другой сорвались с ресниц и побежали по щекам, дальше смочили пересохшие губы, нырнули вниз... и спрятались за воротом верблюжьего свитера.

Будто рвалась какая-то паутина... Серёга повторял и повторял: «Я – Серёга... на озере с кувшинками... и мельницей...»

Тепло заструилось по жилам. Вот-вот сердечко оттаёт и затрепещется птицей... «Я знаю Михалыча полтора десятка... Мы вместе рыбачим...»

...Вспомнился тот вечер, когда он, Серёга, с Танюхиным братом, Валеркой, рванули в соседнюю деревню за водой.

Серёга неделю отмечал свой «дембель». Танюха уговаривала остановиться: «Серёженька! Серёженька... пожалуйста... хватит!..»

Куда там! «Гулям!.. Дембель!.. Имею право!..»

С дамбы слетели на обратном пути. Серый помнил, как железный кузов ЗИЛка накрыл его, как крышкой гроба...

...Всё, что было потом, никакого отношения к Михалычу не имеет. Серёга после больницы переехал к бабушке в город и помогал ей как мог. Или она ему... Отдала себя всю без остатка.

– Пять лет как бабулю похоронил. С тех пор так и мыкаюсь: живу не живу... «Стою над пропастью, на краю ... стою». Знаю, что в любой момент могу шагнуть... Поэтому, наверное, и держусь... Каждый день – последний...

...Симпатичная девушка подошла сзади, наклонилась и больно поцеловала в шею, отвернув высокий ворот свитера. Парень вздрогнул, попытался отодвинуть дамочку. Но та впилась намертво.

– Михалыч, да помоги ты мне отлепить эту ненормальную! – взмолился Серёга.

...Михалыч выглянул из спальника и тоже чертыхнулся, поймав проворного муравья у себя за ухом. Рыжий злодей вцепился, как ошалелый. Михалыч нащупал «фулигана», захватил пальцами и бережно откинул в сторону от костра.

Серёга кое-как поймал своего и тоже отбросил подальше в траву.

Потом друзья переглянулись.

Михалыч с усмешкой протянул:

– Серёга, полтинник верни! Ишь чо удумал... на колясочке разъезжать в рабочее время. Сам себе режиссёр нашёлся!

Серёга часто-часто заморгал. Потом вытаращился на друга, поскрёб затылок, грудь, ощупал ноги. Наконец успокоился, икнул, выдохнул из груди спёртый воздух, по-детски всхлипнув, и весело затараторил:

– А не поехал я в тот раз за водкой с шурином. Он колясочкой управляет с тех пор. А у меня зато Танюха есть и ты, Михалыч.

Михалыч прищурился:

– Ты зубы-то не заговаривай! Гони полтинник! Тоже мне... инвалид нашёлся... «Кто сколько может... у каждого свои проблемы...»

Серёга достал из рюкзака плоскую жестяную баночку с привязанным к ней шпагатом и вытряхнул помятый полтинник.

Слон с банки косился на Михалыча.

– Индийский чай-то, тьфу ты! – чертыхнулся Михалыч.

– Ну, дела... – прошептал парень.

– Ничо не говори, – тоже шёпотом ответил Михалыч. – За-вари-ка лучше чайку индийского да покруче – с мятой и жи-молостью. Приснится же такое!..

Дочь

Танюшка проснулась и вздрогнула: «Где моя мама?»

Только вчера она спокойно могла дотронуться ручкой до маминого сердца. Оно приветливо улыбалось ей каждую минутку, посылая тёплую мамину кровь в маленькое дочкино сердечко. Они сокращались синхронно – мамино и Танюшкино. Было так радостно и надёжно переворачиваться в уютном мамином домике, обнимая мир мамиными руками.

Ну, где же мамочка?

Очень болела шейка и онемели ножки. Танюшка вспомнила, что тётя в белом халате вчера вечером объявила: «Здесь спинномозговая грыжа. Срочно в Иркутск! Там давно ждут именно такой экземпляра».

Танюшка не придавала этим словам никакого значения, она очень волновалась за мамочку. Ведь ей пришлось не сладко вчера. Роды оказались сложными. «Но ведь я из всех сил старалась пройти этот путь побыстрее, и если бы не эта грубая тётя, которая чуть не оторвала мне голову, я бы сама всё проделала безо всяких осложнений. Да что ж это такое! Почему не приглашают ко мне мою маму?»

Танюша попыталась кричать, но нестерпимая боль острой иглой ударила в позвоночник: «Они что, искалечили меня, что ли, и решили спрятать концы? Смиловитесь, люди добрые! Приведите маму! Я хочу к маме!»

Дверь отворилась и в палату вошли трое. Тётя – доктор, которая поставила диагноз, – медсестра и какой-то мужчина. На мужчине халат сидел куце, а сам он не внушал доверия: постоянно переминался с ноги на ногу, переспрашивал, тербил себя за нос, дёргал за ухо и почему-то прятал глаза от Танюшки.

– Видите? Она не жилец! Вам нужны эти проблемы? Подписывайте «отказ» и езжайте в свою деревню... коров пасти, – соврала докторша.

– А если она того... нормальная, а я тут грех на душу возьму, тогда как? – прошептал дяденька.

– Грех будет, если вы её домой полуживую доставите и жену этим горем в гроб загоните. Вот это будет грех! Вам же русским языком сказано: не протянет она и неделю. Не верите? Забирайте прямо сейчас!

«Папка!» – догадалась Танюшка.

– Папка, заberi меня отсюда! – пищала на своём языке бедная девчушка. – Они тебе врут...

– Хорошо, я подпишу. Только у меня просьба: жене скажите, что она умерла, – еле слышно ответил папка.

– Договорились! Исполним в лучшем виде, – отрезала докторша.

– Подписывайте!

Танюшка обомлела.

– Папа, папочка, не верь им! Это они специально всё подстроили! У них какой-то интерес имеется на мою жизнь. Я вспомнила, как они обрадовались, что наконец-то получился «нужный вывих». И их, наконец-то, оставит в покое злой дядька, пишущий диссертацию в этом самом Иркутске.

Но крик слышали только её и мамино сердце.

Наталья никак не могла очнуться. Она только через несколько лет узнает правду от одной нянечки из Дома малютки. А сейчас горе тащило её на дно глубокого колодца, закрывая свет и топя радость материнства в ледяной лжи.

– Я не верю вам, ироды! – кричала обессилившая от физической боли и раздавленная глухим бесправием деревенская женщина. – Верните мне дочь! Господом Богом прошу, не берите греха на душу! Проклянута весь ваш род до десятого колена! Сгинете в одночасье – и следа от вас не останется! Отдайте мне моего ребёночка, девочку мою родненькую!

Но каждый день ей монотонно докладывали заведомую ложь: «Состояние ребёнка ухудшается с каждым часом. Про-

ведена экстренная операция на позвоночнике. Делаем всё необходимое, но... ребёнок обречён. К тому же выявлена водянка головного мозга. Ходить, говорить, жить, – это всё не для неё, не для вашей Тани. Смиритесь, женщина! Вы молоды, здоровы, и у вас ещё будут дети».

А через пять дней объявили: «Мамаша, ваша дочка умерла...»

Всё это время Наталье кололи лекарства, от которых она не могла «проснуться». Язык немел, не было сил подняться с кровати, голову будто придавили к подушке мешком с песком. Всё плыло и переливалось разными цветами. Наташа понимала: она навсегда в... колодце. А радуга – это только сон.

В этот же день Танюшку перевезли в Иркутск. А утром она познакомилась с дядей – будущим профессором медицины. Он писал диссертацию на Танюшкину болезнь.

Денис Борисович. Так его уважительно величали коллеги по цеху. Доктор не стал церемониться и дожидаться опытного коллегу. Он без наркоза провел операцию по удалению «грыжи». И, конечно же, напортачил. Повредил нерв, отвечающий за деятельность тазобедренного сустава.

Танюшка умирала от боли. Скальпель кромсал крохотное тельце бедного человечка, ища «уникальные открытия» и «интересные темы» для диссертации.

Сколько их было, тех операций? Танюшка сбилась со счёту. Однажды, когда в очередной раз её принесли в операционную для Дениса Борисовича, она твёрдо решила: не умирать! Назло всем врунам и предателям выжить!

«Не выйдет у тебя ничего, Денис Борисович! Я выдержу всё. Мы с мамочкой ещё порадуемся на нашу жизнь. Как там она, моя родная мамочка? Мы будем вместе! Я обещаю, что не подведу тебя, мамочка!»

А тем временем «нужные экземпляры» поступали и поступали. Детки умирали на следующий день после операций, и редко кто доживал до послезавтра.

Танюша же вопреки всем прогнозам шла на поправку.

Не умирала! И всё тут!

Даже скальпель отказался кромсать бедную девчушку. Однажды он выскользнул из сильных рук доктора и до кости располосовал ему ладонь, серьёзно повредив сухожилие.

Денис Борисович взвыл на весь этаж и, выбегая из операционной, угодил умным лбом в дверной косяк. Учёный ушёл на больничный. А Танюшку перевели в Дом малютки.

Началась настоящая жизнь. С надеждами, радостями, улыбками, теплом и добротой.

Девочку перестали мучить. Повидавшие виды нянечки только удивлялись на её характер, на её стремление выжить во чтобы то ни стало.

Танюшка стала любимицей и душой коллектива. Правда, ходить начала поздно. Но это и понятно – скальпель поработал на славу. Хотя что-то он всё-таки подправил, сам того не понимая, когда доктор отвлёкся, чтобы записать очередное «открытие».

Четыре года минуло с тех пор, как в жизнь к Наташе заглянула беда. В семье рос сын Димка. Он на два года старше Танюшки.

Наташка снова забеременела – мечтала-то о дочке. Но в один из дней прямо на работе её скрутило пополам, а в больнице объявили, как приговор: «Выкидыш».

Приехала домой, упала на подушку и зарыдала горькими слезами: «Проклял кто меня, что ли? Танюшка, ты? И правильно – так мне дуре и надо. Не уберегла свою доченьку. Нет мне прощения!»

И вдруг телефонный звонок. Голос в трубке объявил, не объявил, а приказал: «Вам необходимо в недельный срок явиться в Дом малютки для подписания документов. Адрес – Иркутск...»

– Какой ещё Дом малютки? Какие документы? Вы кому звоните?

– Приезжайте, мамаша, тут ваша дочь для вас картины рисует. Талантливая девочка растёт, вот только с родителями не повезло! - жёстко отчеканили на другом конце провода.

Трубка загудела... вопросами?

«Это что было? – растерялась Наташка. – Да неужели?..»

– Егор! – взывала обезумевшая женщина, подзывая мужа.

Вошёл Егор и, заподозрив неладное, ткнулся глазами в половик. Потом захватил лицо широченной ладонью, потёр переносицу и давай ошипывать себя, будто гусак после купания.

– Где Танюшка, кобель окаянный? Ты со своими бабами совсем мозги через это место растерял. Пришибу ирод, если сейчас соврёшь! Признавайся, иуда, твоя работа? Предал дочку? Живьём в землю закопал?

Егор не на шутку струхнул. Такой свою жену он не помнил. Наташка – женщина видная, красавица каких поискать. Только вот муж достался – кобель кобелём. Всё по чужим дворам шастает, да лучшей жизни ищет.

Сколь раз на порог не пускала. Так нет же, родственники умоляли за него. И сын просил простить папку.

В дом пустила, но не простила. В деревне без мужика тяжело. Так и жили: то он уходит, то вернётся. И снова на усадьбе мастерит чего-то. Руки золотые, но характер... И не характер это, а натура кобелиная. Всю душу вымотал изверг. Решила для себя Наталья: сын подрастёт – и баста, прогони! Опостылел муженёк.

Рассказал Егор всё как на духу. И самому легче стало. Замаялся он столько лет с ложью на сердце жить.

«Будь что будет! И так запутался в своей жизни, как карась в сети. Эх, пропади ты всё пропадом!» Повернулся широкой спиной к Наталье и пошёл со двора куда глаза глядят. С тех пор его никто не встречал. Сгинул мужик.

Назавтра, в 10 часов утра, Наташка стояла перед кабинетом директора Дома малютки. На стук вышла пожилая женщина с добрыми и уставшими глазами.

– Вы Танина мама? – тихо спросила она.

– Да, я... – ответила Наташа.

– Входите! И давайте поговорим о её судьбе. Нам нужен ваш «отказ» для того, чтобы направить девочку в Сиротский приют. Подпишите, пожалуйста, и прощайте.

А Наташка светилась от счастья. Она обняла женщину за плечи, прижалась к ней как к самому родному человеку

и зарыдала. Слёзы лились ручьём. Она плакала, причитала, смеялась и снова плакала. Наташа пересказала всю свою жизнь – от родов и до вчерашнего дня. Горе отпустило. Оно махнуло чёрным крылом и исчезло меж пушистых сосёнок, спрятавшись в молодом ельнике от ослепительного солнца...

Потом Наташа и Антонина Матвеевна пили чай и плакали от радости обе.

– Девочка необыкновенная. Вы поймёте это сразу. Она помнит вас. Она живёт надеждой, что вы к ней приедете. Со здоровьем есть проблемы, но это не страшно. Она талантлива и умна. Она чудесная и... очень сильная девочка. У неё железная воля и доброе сердце. Мы сами страдаем, ожидая расставания с ней. Я очень рада, что у неё есть такая мама – любит её и так же, как Танюшка, мечтает о встрече. Идёмте к дочери. И дай вам Бог любви и терпения!

Наташа шла по коридорам Дома малютки, а навстречу выбегали малыши. Они хватали своими ручонками за её пальцы, произнося только одну фразу: «Ты моя мамочка?»

«Танюша!» – позвала Антонина Матвеевна, заглядывая в актовый зал, откуда лилась музыка, а детки шли хороводом вокруг баяниста – весёлой девушки с косичками на кучерявой головке.

Из дальнего угла комнаты поднялась красивая девочка. Она, как медвежонок, на кривых крепеньких ножках «покатилась» навстречу Наташке.

«Красавица моя», – прошептала счастливая Наташка.

«Мамочка-а-а-а!» – заглушая аккордеон, пронеслось по Дому малютки, сжимая от радости сердца маленьких жильцов.

Мама и дочка встретились через пять лет. Танюшка родилась для счастья. Злые тётки ошибались, когда ломали нежную шейку, думая, что, передавая «нужный экземпляр» в профессорские руки, они добавили радости в свои жизни...

Сегодня Танюшке исполнилось шестнадцать лет. Она превратилась в красивую барышню. Маму Наташу она не подводит, как и обещала.

Учится на одни пятёрки. Правда, пока на домашнем обучении. Учителя настаивают, чтобы девочку определили в

обычную школу, но Наташа против. Детки могут обидеть Танюшку, хотя она ничем не отличается от «обычных» ребятшек. Есть небольшие «недоработки». Например, не до конца разгибаются пальчики на ногах. Но они с этим справляются. У Танюшки «железный» характер. И ещё она что-то знает такое, от чего людям становится светлее на сердце рядом с ней.

Наташа сама расцвела, как майская роза. Располнела в меру, глаза светятся святым женским счастьем, морщинки и всякая грустная чепуха исчезли с красивого личика.

Она живёт любовью к своим деткам.

Брат Димка сначала насторожился, а потом влюбился в свою косолапую сеструху. Ножки, правда, уже выровнялись и очень даже соблазнительно мелькают из-под короткой юбочки.

Отец так и не объявился. Наверное, не смог осмелиться взглянуть в глаза дочери. Ушёл в тайгу. Там и живёт. Один живёт. С Богом разговаривает.

Димка и Танюшка управляют по хозяйству. У Димки «золотые» руки отца, а сердце – наполовину мамино, а наполовину Танюшкино.

На очередной медицинской комиссии добрый доктор сказал: «Такие операции делают в Германии. Нужно вживить чип, чтобы заработал оборванный нерв. И стоит эта операция 400000 р!»

Наташка призадумалась. Но Танюшка обняла её за плечи и твёрдо сказала:

– Забуди! Мне другого счастья не надо. Меня скальпель отказался полосовать шестнадцать лет тому назад. Я люблю вас и с такими пальчиками на ногах.

Они счастливы вместе! Наташа, Танюшка и Димка. Всё остальное неважно...

Сегодня Наташка пришла на работу сама не своя.

«Что с тобой, Наталья? Чего такая счастливая? Никак влюбилась?» – интересуемся. Обступили её со всех сторон.

А она и говорит:

– Ой, бабы, не знаю, чо и думать. Вчера, под вечер, калитка в ограду звяк... Наш кавказец лапы кверху... И скулит, как дворняжка.

Мы глаза таращим в темноту. А по двору медведь гуляет. Потом доски на крыльце жалобно так заскрипели. Я уж и скрип этот забывать начала. Дверь приоткрылась – и чо вы думаете? – Егор на пороге. Да такой распрекрасный мужчина, я вам скажу. На прежнего совсем не похожий. Глазищи – во! Ручищи – во! В хате теснота от него, и грудь сдавило...

Тарелки в сторону отодвинул и рюкзак на стол. Прокопчённый рюкзак, в дырках весь. Запах костра. Свежо так стало и хорошо в доме. А он и говорит: «Это подарок тебе, доча. Прости меня, если сможешь! Я не собираюсь вам мешать. Живите и мне на радость. Погляжу только на вас – и назад, в свою тайгу. Привык один. Не хочу по-другому. Это тебе, доча. Распорядись. Ты знаешь как. Тут 500000 рублей. Честно заработал. Прощевайте, родные!» Развернулся – и был таков.

– А ты? – спрашиваем.

– А я... с вами чай пью... – отвечает Наташка.

А сама... сама не своя...

А нужны ли мосты?

Был у нас дом на заимке. Это около ста километров в сторону Саян. Тайга от края до края. Дорога проходит через распадки. Когда заберёшься на сопку, машины у подножья как соринки.

Подъёмы длиннющие и крутые. Зимой на цепях, летом только в сухую погоду, иначе никак. Без рук останешься – с бездорожьем тягаться.

Чем дальше от большака, тем меньше хочется возвращаться. Когда дорога неожиданно выскальзывает из цепких объятий тайги, попадаешь в сказку.

Взору открывается долина вдоль поймы таёжной речки. Вокруг сопки покрытые дремучим лесом. На заливных лугах пасутся кони. Гуляют свободно, без пастуха. Хозяин любит своих коней, он называет их лошадками. Они не знают работы – рождены для любви.

Хозяин молод, умён, богат. Он всегда помогает землякам.

Мужики на заимке – все, как на подбор, богатыри. Живут лесом. Охота, рыбалка, ягоды, орехи, грибы. Во дворах полным полно домашней животины.

Жёны красавицы всё больше по хозяйству управляют.

Работа спорится, как песня поётся. Всё ладится на заимке. Изо дня в день люди в заботах – легко, с удовольствием, под смех, улыбки, шутки.

Летом приезжают погостить дети, внуки – студенты, школьники. Заимка оживает детским смехом. Радует и веселится до утра.

В речке рыбы много. Но рыба доверяет только местным. Видать, знают слова волшебные, но об этом молчок! Никому!

Ягоды, грибы, орехи и... медведи. Медведи с деревенскими разговаривают запросто. Выросли-то вместе. Знают друг дружку с малых лет.

Городских шугают от ягодников, не позволяют пакостить в лесу. Рыкнет такой – и на всю жизнь запомнишь, кто в тайге хозяин. Аппетит на малину навсегда пропадёт.

Осенью, когда городские прут в лес с водкой, ружьями, спичками и топорами, деревенские разбирают мост. Речка-то крутого нрава – с порогами. Летит с сумасшедшей силой. Машину мигом переворачивает.

Заимка закрывается до зимы. Никакие уговоры не помогут.

Медведи стерегут броды, но это так, для куражу. О бродах знают только местные. Да и к бродам через бурелом не пробиться.

Когда был ещё пацаном, мы с отцом на «Ирбите» приезжали к местным мужикам. Бруснички пособирать, кедровыми орешками запастись на зиму. Отца весь лесной люд знал. Он был токарем-расточником высшей пробы. Движки оживлял на любой технике. Настоящим мастером был.

Я благодарен Богу, что мой отец и моя мама были моими родителями. Они всегда рядом. Мы никогда не расстаёмся. Я это точно знаю. Они наблюдают за мной. Оберегают. Приходят по ночам: поговорить, повспоминать, посмеяться и... поплакать.

Моста в то время ещё не было. Технику переплавляли на паромчике. Обычно пару мотоциклов или легковушку. Но только по знакомству и только с разрешения старосты.

На берегу стоял домик «Скупка золота». Принимали золотой песочек. Река-то золотая. Сейчас домика нет. Золото есть!

Кони рождены для любви. Люди красивые, добрые, весёлые. Оберегают свою заимку. Заимка в благодарность за это хранит их секреты...

Сибирские нескладушки

Глава 1. Рябчики

Рябчиков в этом году, как никогда, видимо-невидимо. Справный рябчик, весёлый. А всё потому, что ягода уродилась, лето тёплое, да и вообще: ни пожаров, ни наводнений, ни заразы никакой. Год на год не приходится, но этот на удивление щедрым оказался, будто по заказу.

Снег вдоль дорог весь как есть их лапками притоптан. Вроде тюль накинули на сугробы – такие узоры наплели.

Собаки кружат, кружат, а потом плюнут, пометят территорию и в тайгу. Мол, были мы тут, оценили ваши старания, но нам бы чего посерьёзней или кого. А разгадывать ваши загадки на снегу, извиняйте, сплошное издевательство, честное слово. Белку погонять аль соболя закружить – это да, занятие для взрослых, а вот узорами любоваться – только время терять да ноги бить.

На Севере любой птице живётся вольготно. У нас утка, гусь, куропатка спокойно жируют, без нервов. Кроме лисицы, по большому счёту, и опасаться-то некого. Да и боровая дичь – того же глухаря в тайге – что пчёл на лугу.

Глухарь важный, любопытный, бесстрашный. А когда токует, тут уж совсем об осторожности забывает. Глаза закатит, пощёлкает крепким языком и рассыплется мелким бисером в песне призывной. Клопочет она у него в глотке. От избытка чувств не успевает в мелодию сложиться. Не то что стрелять, пошевелиться опасаясь.

Хотя в этот самый момент у него уши закладывает от предвкушения встречи с невестой своей единственной. Зазыва-

ет её родимую к семейному очагу, готовится во всеоружии. Какое там об опасности думать, когда весна... Подснежники вон, и те не в силах удержаться. Так и норовят из сугробов выпрыгнуть, с солнышком тайком перемигиваются.

И день самый главный приближается, он уже у порога. В этот день все смыслы вселенские в одной точке пересекутся. Он так и называется – смыслом жизни для всего сущего на земле и на небе.

Хоть из пушки пали – не услышит глухарь. Страсть – вина всему. Что у них, что у нас – одна беда и радость одна. Солнышко весеннее жару добавляет. Оно после лютых морозов кровь в кипятки обращает. Вот и душим от кипятка по жилам. И неважно – человек ты или ты свободен и за спиной у тебя крылья. По краю идём, пропасти не замечаем, будто и вправду летать научились.

Птицы, звери, да и рыбы не отстают, тоже продираются по диким речкам. На перекатах о камни острые брюхо себе вспарывают. На смерть не оглядываются. А смерть в эту пору интерес к нам теряет. Живите, мол, люди добрые. Не моё это дело – чтобы к жизни жизнь прибавлять. Разбирайтесь тут сами. У меня забот и без вас... Круглый год кручусь как заведённая. Кто бы меня пожалел? Хоть сейчас отдохну, на солнышке косточки отогрею. Весной я руки умываю. Тут Матушка-Природа руководит. С неё и спрос.

...К глухарю надо подбираться осторожно, перебежками. И то, когда он поёт, задрал голову на зорьку. Шагов восемь, десять успеешь пробежать – и замри. Он шею вытянет, осмотрится по сторонам пристально так, все тени под кустами проверит – и по новой за песню. Невесту зазывает. Красиво ухаживает за своей копалушкой красавец таёжный. Любо-дорого наблюдать за ними. Есть чему поучиться. Так, чтобы на всю жизнь. Им любовь один раз отмеряют. Какие уж тут варианты? Нет у них и в помине вариантов этих.

...Я намерен дядьке Вите расхвастался, как на рябчика в забайкальской тайге охотился. Мол, это целое дело: с манком, потом место надо удачное выбрать, со временем угадать. Рябчики на весёлый манок наперегонки чешут и такое

представление устраивают, в пору шапкой от них отмахиваться, а иначе затопчут.

Травил, в общем, по полной. Эта способность у нас, у вокзальной шпаны, по наследству передаётся с молоком материнским. Видать, железная дорога влияет на фантазии наши, будь они неладны. Особым способом наши мозги к глазам подключены. События разные видим не так, как нормальные люди. Ну, те, к примеру, которые по панельным квартирам сидят и в тёплых туалетах книжки про любовь читают.

В день по сотне поездов пролетают в обе стороны. Едут люди... Куда? Зачем? Вот мы и придумываем за них разные истории и приключения. До сих пор не пойму: хорошо это или плохо?

Она и сейчас, железная дорога, не так далеко от меня пробегает. Продолжает влиять: и на глаза, и на мозги, и на мои фантазии.

Поговорить-то не с кем у костерка под звёздами – зима за окном. Сам себе сочиняю эти самые нескладушки. Глаза прикрою и слышу – стучат колёса по рельсам, а в окнах вагонов лица из моего детства мелькают... Сочиняю свои истории, сочиняю ... Или не свои?

...Слушал меня дядя Витя, слушал, а потом и говорит:

– Завтра надо на заимку скататься. Собирайся, Валерка. Часов в пять тронемся.

– А чо там собираться? Я в свой «Патруль» соляры до горловины утоптал, цепи на колёса накинул, масло проверил, патроны перебрал, ружьё протёр насухо, чтоб на морозе не подвело – и готов.

Дядя Витя – якут по национальности, в годах мужик, мудрый и правильный охотник. Лишний раз к ружью не притронется. «Стреляем, Валерка, для того чтобы жить, а не наоборот». И на рыбалку выходит, когда припасы заканчиваются. Берёт столько, сколько на пропитание надобно.

Выехали в 5 часов. На улице февраль. Зима в самой силе. В эту пору метели с ног сшибают, снег ледяной крупой глаза выщёлкивает. Света белого не разглядеть. Беда – если от зимовья отбился. Тут уж в пору к мишке в берлогу проситься.

А вдруг да повезёт – сжалится косолапый: обнимет, обогреет, даст лапу пососать.

Но сегодня, как по заказу: небо в звёздах, луна над головой, небосвод рукой достать можно. Красота! Летим по сказке, ангелов будим, а сами втихаря стихи про любовь сочиняем. Беда с нами, мужиками!.. Не хотим мириться с судьбой своей. Нам приключений подавай. Не желаем на печи валяться, стареть не желаем. Нам бы в старости да молодыми умереть! Глупые, наверно, потому и не жалеем себя. А как тут пожалеешь, когда портки на пятидесятиградусном морозе скидывать приходится. Север!

Это в тёплых туалетах про любовь читать вольготно. Мы ж тут про эту самую любовь поэмы за один присест сочиняем. На разных скоростях летим. Тут жизнь как пуля... «Есть только миг между прошлым и будущим...»

На Севере не заскучаешь. У нас, брат, как на передовой: замешкался – и прощай на веки вечные. С Севером только на «вы», и никак по-другому.

...Катим по вырубкам, вдоль просеки. Дизель у «Патруля» надёжный, мощный мотор. Работает ровно, густо. Молодцы японцы! Приучили русского мужика к настоящей радости. Не на пузе под машиной ползать по уши в мазуте с матюгами да нервами. Показали нам, как удовольствие можно получать от общения с настоящей техникой. К хорошему человек быстро привыкает и навсегда. Мы привыкли. Хочется верить, и мы навсегда.

А дядя Витя мне по плечу хлопает:

– Притормози-ка, Валерка, я осмотрюсь малость.

Торможу. Он метров тридцать прошёл вперёд. Сначала правую сторону осмотрел, потом левую обследовал. Забрёл в ельник, покрутил головой – и назад, к машине. Вытащил солдатский термос, открыл крышку. А там кипяток. Я молчу, наблюдаю. Сам в себе ответов не нахожу: зачем дядьке вода горячая понадобилась? Чай, что ли, пить собрался?

А дядя Витя, тем временем, бутылку из-под шампанского из мешка достаёт. Я снова виду не подаю, а сам в догадках путаюсь: на кой она ему пустая?

Слышу подзывает:

– Подсобляй, Валерка, чо zenки таращишь!

Даёт мне воронку с ручкой – а сам кружкой солдатской в бутылку воду наливать. На меня косится, ухмыляется. Я молчу, посапываю, воронку держу.

Солнышко выглянуло. Оно такое яркое на тот день выпало, мы аж залюбовались. Оба об одном и том же подумали.

О чём? О рыбалке! О чём же ещё! В широком смысле, конечно. Это и разговоры по душам у костра, это и зорьки с сумасшедшим клёвом на таёжной речке. Да мало ли забот у настоящих мужиков по тайге припасено. Делать не переделывать. Тут не то что лета – жизни не хватит и с половиной тех дел управиться. На Севере не стареют. Молодыми умирают. И в семьдесят, и в восемьдесят, да и в девяносто с печки на свои ноги прыгивают. Если доживёшь до таких годов. Всяко может случиться...

А дядька Витя бутылку пробкой заткнул и пошёл дырки в снегу прожигать сантиметров по сорок – пятьдесят глубиной. Руку вертикально с бутылкой в снег пропихнёт, а на обратном пути не спешит вытаскивать, бутылку-то, а аккуратно края оплавит на стенках. Они у него на трубы стеклянные похожие становятся.

Я залюбовался: как это у него ловко получается. Вода остынет, он её в колею – и снова кипяточку в бутылку. Таким манером штук двадцать насверлил тех дырок. Одна краше другой. Потом принёс туесок с мороженной брусникой и по пригоршни в каждую насыпал. Тут уж и я допёр, что к чему...

– И что, полезут в эту потеху рябчики? – спрашиваю дядьку.

– А ты посмотри, как они снег вокруг притоптали. Тут хошь не хошь, а в ней очутишься – в норе-то. Утром возвращаться – вот и проверим наши придумки...

Проведали заимку. Печь протопили в зимовье, подправили ворота. Мишка наведывался недавно, видать, проснулся. Пошкодничал малость. А так всё на месте, всё прибрано. Скучает усадьба без хозяйской руки. На лето сюда переберёмся. Это дальний кордон, он для зимы не годится. Переметёт дороги, кукуй потом до весны, да и зачем нам такая экзотика?

Летом – другое дело. По реке, на лодке – день делов, и на месте. Тридцать вёрст от дома, по воде – все сорок наберётся. Красоты первозданные, дух захватывает. Тут уж точно понимаешь: не зря на свете появился. Такую красоту, где ещё встретишь? Да нигде. Она у нас поштучно хранится – для каждого в единственном экземпляре. Для нас, для детей наших, внуков и правнуков – одна-единственная, дубликатов не выдают.

Соображай, как с ней обходиться. А я скажу: трепетно и только у сердца хранить, чтобы, не дай Бог, что не случилось с ней, с красотой нашей. Что тогда внуку ответишь? Как объяснишь? Мол, не уберёг, родной, продал за долги или пропил сдурю? А он что скажет, внук-то? Страшно представить, ЧТО...

Вечерком потолковали у горячей печки, планы уточнили на весну, отвели душу, порадовали.

Утром назад. Добрались до того места, где ягоду в норки рассыпали, и пошли проверять. И вот ведь какая история – почти в каждой норе по рябчику.

Очумели бедные кверху хвостами торчать. Достанешь его на свет Божий, на снег опустишь, а он в ноги тебе головкой тычется. Крыльями невпопад машет и всё норовит на спину запрыгнуть.

Видать, страху натерпелся за ночь, а нас как есть за спасителей принял. И спешит бедняги укрыться от кого пострашней.

Когда подошли к крайней ловушке, поняли, откуда такой страх у птичек. Снег разрыт, а вокруг перья кровавые разбросаны. Лиса наведывалась под утро. Рябчики от пережитой жути совсем сдурели. Мне не по себе стало.

– И чо с ними делать, дядька Витя? – интересуюсь.

А он на меня смотрит с прищуром и тоже спрашивает:

– А ты, как думаешь, Валерка? Чо из них сварганить можно, из бедолаг этих?

Рябчик – птица красивая, но больно наивная. Дурак дураком, между нами говоря. Если манком искусно орудовать, он на брови сядет, в рот заглянет, нос потеревит, макушку расклюёт. И так и эдак пристроится – будет искать, куда «певец» схоронился? Звук есть, а исполнителя нет! Не порядок, мол, это...

И тут же сам отвечает:

– Да куда их девать? Им надо жирку нагуливать да потомство на свет произвести. Пусть очухиваются да летят по своим делам. Надо только дырки эти засыпать, а то неровен час они снова в них заселятся. Глупые создания. Смех с ними и грех, честное слово. Рябчик, он больше снегирь, нежели рябчик. Его для красоты в тайгу жить определили.

С этими словами дядя Витя высыпал из туеска остатки брусники под сосёнку.

– Поклюйте, отведите и вы душу, птахи Божьи...

А день всё ближе и ближе... Самый главный день. В этот день все смыслы вселенские в одной точке пересекутся...

Какое там об опасности? Клокочет песня в глотке, не успевает сложиться в мелодию. Одна беда у нас, и радость одна...

Глава 2. Дверь

Валерка заснул моментально. Прикрыл глаза и тут же провалился в тёплую, мягкую глубину. Картины одна за другой проплывали перед глазами. Знакомые картины – снилась дорогая сердцу тайга. Но не хватало терпения, не осталось никаких сил, чтобы любоваться этой красотой. Запомнить, чтобы когда-нибудь рассказывать и пересказывать.

Кому? Детям, внукам! Кому же ещё?

С вечера вымотался так, что рухнул, будто подкошенный. Какие там сны!

Зимовьё дышало смоляным духом. Узкое оконце от края и до края заполнила голубоватая луна, в печке мерцали розовые угли, река тут же, у самого порога, постукивала на мелководье разноцветными камешками.

Всплески, звуки – и снова тишина. Таёжная тишина, какой нигде не услышишь. От неё звенит в ушах. Хочется петь и... плакать. А с непривычки и волосы на голове шевелятся. Жутковато с непривычки. Вроде совсем один остался – ты и эта самая тишина.

Валерка привык, он без неё не собирался жить. Повезло парню, что оказался здесь, в тишине, в тайге... в своей тайге.

После войны совсем захирел, сам себе был не рад. Казалось, всё – сломалось внутри детство, навсегда ушло. Переломил пополам радость, растерял покой. Как дальше жить, когда правда с неправдой перемешались?

А вот случилось такое – попал в края волшебные, в страну Якутию. Оживляет Север настоящих мужиков, возвращает их в детство, навсегда возвращает. Ожил и Валерка, радоваться снова научился. Потому и спит с улыбкой на лице, без кошмаров спит.

Да только не в этот раз!

Неделю тому назад они с дядей Витей закончили ремонт в зимовье на речке Мая. Перекатали, считай, заново избушку. Как начали от самого оклада, так под крышу и вывели.

Добрый домик получился. Стены из бревёшек, пол и потолок из лафета настелили, углы в «лапу» сцепили, крышу на две стороны и даже печку по новой технологии соорудили. Из железа рифлёного сварили с двойными стенками. Между стенок расстояние в самый раз – в полкирпича – отмерили. Потом кирпичи туда опустили, в карманы эти, и, как полагаётся, глиной скрепили. Получилась печечка на загляденье. Трубу тоже кирпичную сложили. Любо-дорого посмотреть! Да хоть и зимой живи – не замёрзнешь! Осталось дверь навесить.

Валерка настоял:

– Зимовьё новое, надо и дверь новую!

Как словом, так и делом. Вчера и дверь закончили мастерить. Ладная дверь получилась, крепкая.

Мужики смеялись:

– Об эту дверь мишке когти только точить. О том, чтобы изломать, и не мечтать косолапому!

Дядя Витя ещё предупредил:

– Ты, племяш, только дверь навесь так, чтоб она вовнутрь отворялась. Понял, Валера?

– Понял я, понял! Чего ты, дядя Витя, вроде я двери никогда не цеплял, в самом-то деле.

Медведь, он толкаться не приучен, он под себя привык тащить. Опасаться-то ему некого в тайге. Хозяин, он и есть хозяин. Потому и двери крепят на такой манер, чтобы они вовнутрь отворялись – против его медвежьей логики, так сказать.

Погрузили мужики дверь в лодку, инструмент туда же. Ну, и снасти какие Валера с собой прихватил для рыбалки.

Барс тут как тут – запрыгнул в лодку и сразу вперёд проскочил, на любимую скамеечку. Весёлая лайка, смышленная – молодая ещё, правда. Третий сезон по тайге стажируются. Толк с неё будет, однозначно.

...К обеду добрались до зимовья.

Часа три провозился Валера с дверью. А может, и все четыре, зато примострячил её как надо. Вроде тут и была. Одна беда – в дверном проёме с обеих сторон четверти выбраны.

Север! Если на зимний промысел собрался – белку там, соболя добыть, к примеру, – можно и вторую дверь навесить. Не такую капитальную, а чтобы тепло в избушке удержать. Да и сквозняки не так донимают при двух-то дверях. На рамку деревянную оленью шкуру растянешь, как на пальцы, и готово.

Вот эти четверти и подвели Валеру. Он дверь эту, на первый взгляд, верно приладил. Но это только на первый...

Само собой, торопился душу отвести на зорьке вечерней. Речка-то – вот она, в десяти метрах от зимовья: хариуса столько, что дна не видеть.

Азарт! Руки так и пляшут от нетерпения. А может, руки-то и по другой причине плясали? Чували недоброе, вот и подрагивали, подсказать пытались хозяину, мол, перемудрил ты, дружок. Ох и аукнется нам твоя спешка!

Запарился Валера. Попробуй поработать с листвяком. Будто из железа дверь. И домик аж звенит от крепости.

«Завтра закончу, куда спешить?» – подумал парень. Наверняка так подумал. Хорошо хоть изнутри скобу железную привернул на сквозные болты, а снаружи берёзовую ручку толщиной в руку гвоздями прибил.

Если бы наоборот? И представить страшно...

Порыбачил, значит, отвёл душу, уху сварганил по всем правилам, стопарь опрокинул за благодать таёжную, поку-

рил у костерка, чайку попил ароматного с листом брусничным и полез на нары.

Луна в окошко светит, тишина. Глаза без спроса под чуб убегают. Правда, ныло что-то в груди. Неприятно так дохнуло холодком изнутри. Но разве до этого, когда душа почти в раю?

Барс тоже набегался до метляков в глазах. Примостился у порога, в калачик свернулся и только ушками шевелит иногда, да глаз, нет-нет, да и блеснёт из темноты. Сторожит! Молодец!

И вот надо ж было такому приключиться! Часа в три ночи зарычал Барс. Шерсть на загривке дыбом, весь как струна перетянутая. Валерку тоже подбросило на нарах, будто пружина под ним распрямилась. Война приучила раньше смерти просыпаться, потому и живой вернулся с той войны.

Барс у двери мечется, рычит. Не скулит – это хорошо! Смелый пёс!

И тут Валеру вроде током шибануло. Слова дяди Вити в ушах эхом отозвались: «Ты только дверь навесь так, чтобы она вовнутрь отворялась. Понял, Валера?..»

Избушка дрогнула... потом снова...

«Видать, косолапый пожаловал знакомиться. Не мог же он с полным брюхом по нашу душу заявиться», – успокаивал себя и собаку охотник.

Дело-то было по осени. И слава Богу, что не в голодную пору для медведя. Он, видать, от сытости решил размяться малость. Натура у него любопытная и шkodливая. Вот и соображай, чо у него на уме?

Как назло, весь инструмент снаружи остался. Ружьё в углу, но это на крайний случай. Ночью в косолапого палить – себе дороже. Не дай Бог зацепишь – пиши пропало. Садись тогда на первый попавшийся поезд и кати куда глаза глядят. Потому как Мишка тебя из-под земли достанет. Он такие обиды не прощает. От всех удовольствий откажется, пока обидчика не выследит и не накажет.

Валерке только и осталось – вцепиться мёртвой хваткой в скобу и упереться плечом в дверной косяк.

«Господи, помоги! Отведи беду от меня и моей собаки! Я исправлюсь, я...»

Луна погасла. Вместо неё в окошке появилась медвежья лапа. Медведь сорвал москитную сетку, ощупал стену с внутренней стороны, всадил чёрные когти в бревно и закричал от натуги. Но домик не поддавался – старались-то на совесть.

Тогда он просунул страшную пасть в узкое оконце и рывнул так, что похолодело всё внутри, а сердце упало к пяткам.

«Вот гад... перепугал-то как! – психанул Валерка и заорал что было духу: – Уйди, паскуда, что я тебе плохого сделал! Иди своей дорогой, не лезь ты к нам!»

Медведь обошёл избышку и остановился напротив двери.

«Ах ты чёрт рогатый!..» – выдохнул Валера и напрягся, ожидая самое страшное.

Медведь царапнул железными когтями по двери... раз... потом ещё... ещё... и, наконец, захватил ручку с наружной стороны. Рванул так, что у Валерки от боли в мышцах потемнело в глазах:

«Только бы не выпустить скобу! – пронеслось у него в голове. – Руку бы не оторвал, сука!»

А медведь, видать, сообразил, что Валера «напортачил» с дверью, и снова потянул на себя. Затрещали суставы, вылетая из привычных мест. Валера стонал, матерился и молился одновременно.

Со второго или с... пятого раза косолапый выдернул все четыре гвоздя из листовенных досок двери. В глазах туман! Трещало всё, что только может трещать в молодом организме.

Валера висел на скобе по другую сторону двери, сжимая немymi руками железяку. Он боялся только одного, что вывихнутыми пальцами не сумеет управиться с патронами, не совладает с ружьём. Рук он не чувствовал. Суставы горели огнём.

«Вывернул гад руки... Только бы пронесло в этот раз... Ну, уйди, а! Будь другом...» – шептал Валера медведю через новую дверь.

Услышал медведь, проникся. Потоптался ещё малость, обследовал поляну перед зимовьём, прошёлся до лодки, попил из реки, потом отряхнулся, пофыркал от удовольствия и ушёл.

Так и есть – без злобы приходил, для знакомства. А когда понял, что это только домик новый, а люди свои, местные, успокоился и подался по своим делам.

Когда домой по реке возвращались, Барс от Валеры не отходил. В ногах сидел, прижимался спиной. Родными стали за одну ночь. Проверили друг друга. Теперь вместе на веки вечные.

Спасло их то, что медведь сверху вниз лапой по двери бил. Если бы сообразил да на себя потянул – обнялись бы они с Валеркой у порога. Это как пить дать – вытащил бы парня наружу.

Такая силища! Он сохатому шутя, одним ударом лапы хребет пополам переламывает. Куда с ним руками тягаться? Людей только смешить...

Суставы Валерке вправлял якут – дядька Егор. Он родственником приходится дяде Вите.

Выл Валера на все голоса под Егором. Но зато потом будто заново родился. Распрямил его Егор так, что парень даже ростом сантиметров на пять длиннее стал.

А слова эти нет-нет да отзовутся эхом в Валеркиной голове: «Ты только дверь навесь так, чтобы она вовнутрь отворялась. Понял, Валера?»

Север! Тут, брат, ухо надо ох как остро держать! Каждое слово на вес золота!

Глава 3. Лабаз

Валерка чертыхался от досады: он представлял, как косолапый катается по мягкому моху, задрав лапы к небу, и похохатывает, подсматривая за ним из надёжного укрытия. Парень вертел головой во все стороны и никак не мог «зацепиться» глазом за какую-нибудь маломальскую подсказку, за «вещдок», так сказать, который вывел бы его на разгадку досадного конфуза.

Это мягко сказано. Издевается над нами зверюга. Нашёл лазейку змей подколодный! Надо отваживать, иначе не отстанет.

Валера был в больших претензиях к медведю, потому как тот намедни изловчился и утянул самое дорогое из припасов. Мишка стащил любимую сгущёнку. И какую сгущёнку: 10 банок «Филимоновской» и 15 «Назаровской». Оставил раскуроченный горбовик, нетронутую тушёнку в количестве 11-ти штук и расплющенные банки из-под сгущёнки.

Валера сидел на лабазе и соображал вслух:

– Ну и как косолапый умудрился сюда залезть? Это ж крепость неприступная, дядя Витя. Угораздило ж его самого себя превозмочь?

Парень грозил пудовым кулаком в сторону тёмной сопки и приговаривал:

– Ну ты и стервец, Потапыч! А ещё соседом называешься! В дверь по ночам ломишься, гостей пугаешь, шходишь почём зря. Ни стыда у тебя, ни совести! Я ведь без сгущёнки не жилец, если тебе легче от этого. Слопал бы тушёнку, так нет – мою любимую сгущёночку оприходовал. Всё, я тебя после этого знать не знаю!

А медведь, и впрямь, ни одной банки с тушёнкой не тронул.

– Как он их различат? По весу, что ли? Или читать обучился? Газетки-то нет-нет да и попадутся в тайге. Кто под кустом забудет, а кто и нарочно выбросит. Вроде от веса лишнего избавился. А медведь, он отродясь любопытный, да и по рангу ему положено грамотку знать. Хозяин всё ж таки – статус, так сказать, обязывает...

И чо только в голову не залезет с досады! – удивлялся Валерка на свои мысли. – То ли я сам так рассуждаю, то ли это медведь мне свои идеи под кепку подбрасоват? Вот ведь хитрован... И чо тут скажешь? Заставлят уважать себя за такую смекалку.

Слабость у него, видите ли, к сладенькому... А я-то при чём тут? Мне тоже обидно с «бородой» остаться. Это ж кому сказать – какой раз обул нас на босу ногу...

А медведь разговелся на сыто брюхо, втихаря подтрунивает над мужичками и над собой:

– Не просто мне живётся... Ох, не просто при такой-то тяге к сладкому... Башку свою добровольно пчёлам отдаю на

съеденье, лишь бы медком разжиться. Полакомиться вдоволь, а там – будь что будет. Не совладать мне с собой – ох, не совладать на этой почве. Надеюсь, поймёте меня и вы, люди добрые. Поймете и простите. Соседи всё ж таки. Чай не первый год друг от дружки бегаем. А по большому счёту привыкли – и вы ко мне, да и я без вас затоскую. Вместе-то веселей в северных широтах. К другим-то уж не привыкну. Сроднились мы с вами, крепко сроднились. Своими стали за столько-то лет взаимных уступок и обоюдного уважения. Почитай, с малых лет от беды вас стерегу. С понятием оказались – и вы с понятием, и я, слава Богу, с понятием.

Всегда рад помочь дорогим соседкам. Чем могу... – ухмылялся Мишка, с удовольствием облизывая «Филимоновскую» сгущёнку с волосатой лапищи. – Или это «Назаровская»? Точно «Назаровская». Она погуще будет «Филимоновской», да и на этикетке написано, вон... «Назаровская»...

Медведь поглаживал «весёлое» брюхо и с лёгкой грустью припоминал былые времена:

– Виктор-то и сам в молодые годы любил почудить. У меня поначалу голова кругом шла от его придумок. Потом сообразил: не со зла куролесит соседка. Это у него от природы беспокойной и нрава весёлого «каблуки дымятся». Экология, опять же. Чистая она у нас, экология-то! Много кислорода, и природа живая. Сохранили тайгу кое-как, слава Богу!

Насмотрелся я на его представления. Бывало, уши огнём полыхали от нервов. В реку их кунал, чтоб не пыхнули, как лист прошлогодний берёзовый. Таки номера откалывал! Умом чуть не тронулся, пока по привычке к его повадкам... Привычкам ли, если на человеческий манер выражаться... Чудил Витёк в юности, да и в крепкие годы давал жару. Глаз да глаз за ним ... Еле поспевал приглядеть. Он, поди, думает, сны ему снились с моим участием? Ну и пушай себе думает. Что было, то было... мало ли. Так уж повелось промеж нас – удивляем друг дружку по очереди. Сегодня я веселюсь. Другой раз поглядим: кто кого опередит, да что отчебучит. Так и живём бок о бок столь годов. Деды жили в мире, родители,

да и детки уж подросли. Чего нам делить? Север большой! Места всем хватит, если чужих не пустим. Наши-то с понятием. И Виктор, и племяш его, Валерка, – хорошие люди, не злопамятные, отходчивые. С юмором и выдумщики те ещё. Завтра с оглядкой буду ходить. Чо-нибудь удумают, чтоб повеселить себя и мне накостылять понарошку.

Хорошо! Я тоже без злобы переживу ихнюю радость. Так и живём – без задних мыслей. Спокойно живём, надёжно. Когда в согласии, чего не жить-то? Без стрессов бы ещё научиться. Так нет же – сгущёнка эта меня с панталыку сбила. Пропади она пропадом. Ну да ладно, будет что вспомнить...

Рассуждал косолапый, икая и поглаживая урчащее брюхо. Он никак не мог уgomониться и продолжал мысленно потешаться над Валеркой:

– Ничо, потерпишь. Нет, чтобы самому догадаться... Давно бы поделился своей «Филимоновской» и этой ... как её... ага, «Назаровская»! Тут же написано... А то «по весу, что ли, или читать научился?» А ты как думал? Конечно, знаем грамотку да и соображаем не хуже вашего. Поживи-ка рядом с вами – и не тому обучишься...

Вы вот, догадайтесь, как я к вашему лабазу дорожку протоптал? Потеха с вами, соседи дорогие!

По всему видать, сообразят в этот раз. Обозлил я молодого. Ох и рассердился он! Такой же сладкоежка, как и я, Валерка-то...

А лабаз – это простое и надёжное сооружение, как всё, что когда-то изобрели наши мудрые предки. Его главная цель-задача – уберечь припасы от любых посягательств со стороны ушлых соседей. Тут веками друг к дружке приспособливались. Люди к зверю, зверь к человеку. К местному-то населению тот же медведь с уважением относится. Он видит: не прячет человек свои припасы по норам, не запирает на семь замков. Вот они, над головой. Метра на три подпрыгни выше ушей – и они твои. Но на то он и лабаз, чтобы Мишка уважал.

А делов-то... Всякий таёжник смастерит настил в виде палубы промеж трёх-четырёх сосёнок. Его только повыше

надо задрать да закрепить понадёжней. Ну и сосёнки лучше подобрать потолще. Каркас собирают из крепких жердин. На него другие стелют, помельче, с вылетом поболее метра. Мишка по стволу вверх легко карабкается, а тут на тебе – башкой в жерди и упрётся. Передними лапами тянется, тянется, чтобы за край настила ухватиться. И каждый раз срывается на землю с досадным кряком.

Жерди заострены книзу, когти скользят. За них и одной-то лапой не ухватиться, а двумя и подавно. Со стороны посмотреть на мишкины старания – умора, да и только. Тут главное – мелочей не пропустить. Зверь – а это чаще медведь – обязательно найдёт слабину, и всё, останешься без сладенького, как в этот раз.

А Валера продолжал ломать голову:

– Как он добрался до горбовика со сгущёнкой? Или стоял тот у края? Третий раз за месяц чистит лабаз. Издевается однозначно, дураками нас выставил на всю округу. Ну, нет, я тебе устрою грустный финиш. В этот раз не сомневайся, сосед наш дорогой. Отольются тебе наши слёзы. Ох, отольются!

Валера понемногу успокоился и даже повеселел от знакомого чувства. Азарт!

– Косолапый от безнаказанности бдительность притупил. Внаглую прёт. Нам всё не с руки было. Дел накопилась по горло. Дела переделали – настал твой черёд, засранец плешивый! – хохотнул парень на сопку.

Сапёр и разведчик – он готовился к ответному ходу. Внимательно осматривался, изучал подходы и уже что-то заприметил подозрительное.

Дядя Витя тоже расходился не на шутку. Заело самолюбие у бывалого охотника:

– Утёр нам Мишка сопли лопатой. Эх ты, растуды твою туды, обнаглел басурман немытый. Ну, гляди мне, попадётся под горячу руку, закаताю я тебе промеж ушей кругляк свинцовый. Ох, доведёшь ты меня до греха!

А сам покрикивал на парня:

– Ты сюда слухай, Валерка. Опять ведь кобенисся. Или забывал, как в прошлом году дверь на зимовье шиверни-на-

выверни примостырил, а ночью с Мишкой боролся по разные стороны баррикад? Он к тебе на чай просился, а ты чой-то не захотел сахарком поделиться. Руки-то он из тебя до полу повыдёргивал. Еле на место потом приладили. Забыл, чо ли?

Валерку аж передёрнуло от воспоминаний:

– Да помню я, помню, дядя Витя. Мне тот год за три зачтётся, а то и за все пять. Будь она неладна, дверь эта...

А дядя Витя настаивал на своём:

– Выноси край лабаза подале, тебе говорю, и жерди пуши книзу стеши. Чтоб зацепа для когтей не оставить. Пушай корячится под облаками, а потом летат оттель белым лебедем, пока бока не изжулькат. О пеньки рёбрами зыкать и ему, поди, не с руки.

Шумел дядя Витя, тыча ухватистым прокуренным пальцем на настил:

– Вот стока пригорода, слышь ты? – рубил он ребром ладони в изгиб локтя.

Валерка прыснул в усы:

– Знатный размерчик. Понял я, понял... Не надо мне сто раз повторять, дядя.

К медведю на воле отношение иное, нежели в цирке или в зверинце каком. Медведь совсем уж не стандартного поведения зверь. Не зря его хозяином тайги окрестили. Тут для него законов писать некому, он сам себе закон. Лишнего не возьмёт, но и территорию свою стережёт зорко. Наказывает редко, да и то, если непонятливый какой, настырный, или совсем тупой под грозну лапу попадётся.

Народ местный его привычки давно выучил, поэтому проблем промеж своих почти не бывает. Медведь своих за своих и принимает.

Валера приподнялся на лабазе и распрямился во весь рост. А росту парень был богатырского. Ни много ни мало под два метра. И если нарядить его, к примеру, в медвежью шкуру, то от Мишки сходу и не отличишь. Да и силушки ему за пятерых отмерили, а то и за всех шестерых. Кто её подсчитывал – его силушку? Хотя, нет вру, в прошлом году попытались подсчитать. Но это отдельная история...

Парень внимательно присматривался к кустам вокруг лабаза. Сантиметр за сантиметром изучал местность, потом обратил внимание на сам лабаз, и сразу бросилось в глаза подозрительное.

– А это ещё что за новости такие?! – воскликнул парень.

И правда, между жердями застряли обломанные ветки берёзы с пожухлыми листочками. Откуда они тут взялись?

– Ты, дядя, наверху веником берёзовым не шурудил случаем?

Дядя Витя глаза выпучил:

– Ты кого городишь, племяш? Какой веник? Нет, конечно. Делать мне больше нечего, как с веником по деревьям скакать.

Лабаз от зимовья метрах в тридцати схоронился – между рекой и сопкой. От реки не видать. Тут кусты черёмухи стеной стоят. А от сопки и подавно некому любоваться.

Это охотники так рассуждали, когда продукты целёхонькие были. Сегодня другое дело.

Валера внимательно осмотрел сопку, что напротив, и обратил внимание на неприметный выступ. Он вроде балкона, террасы ли из склона выпирал. На балконе том три берёзки примостились. Крайняя справа толстовата будет, средняя – в самый раз, которая слева – совсем жиденькая.

– Дядя Витя, если всё так, как я подозреваю, то Мишка наш просто профессор! Клянусь, я из трёх банок сгущёнки одну ему буду выделять в знак признания его высокого культурного уровня.

– Ты это о чём, племяш? – поинтересовался дядя, а сам быстрёхонько перебирал варианты.

– Не может быть... – прошептал он.

– А ты сам попробуй пригнуть среднее деревце в мою сторону.

Дядя Витя только крикнул:

– Да неужто додумался до такого поганец хитрожо...?

Ворча всякую всячину, охотник добрался по склону до берёзок. Он только руками развёл:

– О-о-о... ё-о-о...

На бересте виднелись следы от когтей, а мох вокруг был приотптан и разворочен.

– Старался, видать, упирался тут на славу, - усмехнулся дядя Витя.

Он поднатужился и потянул ствол берёзки на себя, но деревце не поддалось. Тогда внимательно осмотрел ветки, ствол, кору.

– А он ведь хитрован тот ещё. Допёр, что надо ближе к верху ухватиться. Глянь сюда. Когти-то почти на середке оставил. Тут она ему и поддалась. И как угадал-то, как раз в край выступа задними лапами упёрся. Ну и давай шурудить по нашему лабазу берёзовым веничком, как ты говоришь. Горбовик-то одним махом смёл, а мешок с мелочёвкой за сучок зацепился. Во чертяга ушлый... уважаю!

– Чо делать-то будем? Может, берёзу спилим? – спросил Валера.

– Не-е-е... мы ему тем же макарон нервы испортим. Мешок и горбовик к жердям накрепко примотаем. Пусть и он покопытит. Если прикормить, как ты мечташь, обнаглеть однозначно. Придётся чо? Правильно – в конфликт вступать. А так, может покряхтит да попустится. Уйдёт своей дорогой подобру-поздорову. Вот тебе и зверь! Человек бы умней не придумал!

А косолапый послушал-послушал – и ушёл. Да и как не уйти, когда весь разговор, слово в слово... Хохотнул, потянулся с удовольствием и ушёл. Недалече, правда. Тут его земля. Ему и решать: куда идти, а где остановиться.

Подумал только про себя: «А ходить с оглядкой буду. Накостылять не наkostenяют, зато пакость какую сочинить – это они мастера... Факт! За ними не заржавеет. Особенно старший! Ухо надо остро держать. Валерку только жалко – ишь, как убивается без сгущёнки. Ладно, так и быть, выручу».

Медведь не спеша спустился к речке. Мучила жажда. «Видать, переел сладкого. Пить охота – мочи нет!»

...Утром дядя Витя распахал Валеру ещё до рассвета:

– Вставай, племяш, получи посылочку!

Когда Валера вышел из зимовья, он увидел дядю с двумя банками сгущёнки в руках. Тот ржал, как жеребец, и приговаривал, икая:

– Эт-т-то тебе передача от кос-с-солапого! Одна банка «Филимоновской» и одна... охо-хо-хо... «Назаровской». Он их чуток поцарапал. Видать, когда читал, то когтём водил по буквам. Ну, примерно, как мы с тобой в своё время.

«Охо-хо-хо!..» – хохотали вместе и от души дядя Витя и Валерка. А из кустов черёмухи им вторил густым басом и тоже хохотал их весёлый сосед – Потапыч.

Хорошо, когда с понятием – и зверь с понятием, и человек тоже с понятием.

– Ты слышишь кого, дядя Витя?

– Да, слышу я, слышу... Мы, почитай, лет двадцать друг дружку слушаем. Хороший сосед, добрый, но больно шкодливый. Весь в нас с тобой.

И снова: «Охо-хо-хо!..» И в ответ: «Хо-хо... Охо-хо...» Из кустов черёмухи... басом...

Глава 4. Ефим

История эта по весне приключилась. В аккурат у нас картошку сажать собрались. И надо ж так угадать было – подвезли семенную с Большой земли. Особый сорт вывели для нашего Севера. Давно обещали. Не прошло и года, доставили. Народ радуется. Вся деревня, считай, собралась у магазина. Мужики покуривают, бабы языки точат, девки зыркают глазищами, парни подковами искры высекают, старики кряхтят, ребятишки шныряют туда-сюда – все тут. Кто с кулями, кто с корзинами, другие ведрами гремят. Шутки, смех, подковырки. Настроение хорошее, одним словом.

Тут эта оказия и вышла.

Живёт у нас на деревне мужик – его Ефимом кличут. Женат на якутке коренной. Расторопный мужичок во всех отношениях. И земли у него родовые имеются (жена-то якутка), и послабления для охоты и рыбалки у Ефима за милу душу. Он

вроде и не якут, а с другой стороны – да хоть с какой на него любуйся – самый натуральный якут и есть. Рыбак и охотник заядлый. Без тайги ни в какую. Тут большинство так рассуждают: всё, мол, стерпим, пока живёт тайга родимая...

И была у Ефима страсть такая – не страсть даже, а самый что ни есть натуральный талант. Мастак он был большой споры разные выигрывать. Да чего там «был» – он и сейчас в порядке. Говорят же: знал бы прикуп, жил бы в Сочи... Ефимка знал! Правда, Сочи ему по барабану. Был он в тех Сочах в молодые годы пару раз – вспоминать, говорит, неохота. «Баня общественная – те Сочи ... – так и говорит, – вонь, пот, толкотня и народу вроде гнуса на нашем болоте – глазу негде передохнуть».

А задумал Ефим Валеру нашего «частым гребешком причесать». Имел он давний зуб на дядю Витю. Тот лет десять тому назад спор выиграл у Ефима. Об этом и не помнил уж никто, но только не сам Ефим. А спорили на ящик водки. Надо было с четырьмя мешками картошки на горбушке пройти десять шагов. Каждый шаг – литр водки. Дядя Витя прошёл в тот раз.

Эта «заноза» Ефиму покоя не давала. Зудила и зудила. А тут случай подвернулся. Подзадорил он мужичков – мол, за исход ручаюсь. Стопроцентный навар предвидится. А мужики по опыту знали: с Ефимкой спорить – себе дороже. Его на мякине не проведёшь, потому и приняли его сторону.

Спорили на ящик водки, как и десять лет назад. В магазин завезли «Столичную». На вкус водочка – аж сластит. Не катанина палёная – натуральный продукт, качественный. Лишились мужички всякого покоя и душевного равновесия. Такой водкой лет двадцать как нутро не радовали. Давно уж на самогонку перешли всей деревней, потому и мозги сберегли, да и здоровье, слава Богу, в порядке.

А водочки дармовой страсть как охота, а она денег стоит. А деньги в наших краях на вес золота. Порох, свинец, снасти для рыбалки – это кровь из носу, в лепёшку разбейся, а купи. Без этого пропадёшь с тоски. С голоду может и не того, а вот без тайги родимой загнёшься однозначно.

А тут и мотор на лодке пора менять, кому и лодку, тому снегоход, другому ружьё новое, да мало ли... Не до баловства, в общем. Грех – лишний рупь на водку тратить.

Хотя, чего душой кривить, и у нас бывает – уходит какой мужик в запой крошечный. Тут уж совсем другой жизненный отсчёт. Каждый поймёт – есть причина, образовалась ни с того ни с сего. Или наоборот – поджидала беда, крепла день ото дня, захлестнула, как петелька на шее. И нет никаких сил с ней по-трезвому ладить. Устали силы терпеть... кончились силы...

Валеру аккуратно к спору подвели. Охотники – они умеют капканы да петли расставлять. Так всё обустроят, что и волчара матёрый не успеет глазом моргнуть, как на берёзке повиснет. Обидно, когда в капкане или с петлёй на щиколотке. Под картечью – тут ещё надо поглядеть, кто кого. А так нечестно это, обидно до слёз ...

Так и с Валерой: слово за слово – и ты вдруг по уши в «теме». И тоже, как тот волчара, до слёз... и никак, чтобы на попятную.

Дядя Витя только руками всплеснул: «Ну, племяш, попали мы с тобой в переплёт».

А Валерка ухмыляется... как полоумный... Потеха с ним!

Мужики руки потирают, подбадривают – мол, молодец фронтовик, держит марку, – перемигиваются, слюну сглатывают, губы облизывают.

Соорудили для такого дела приспособление навроде коромысла. Подцепили к нему шесть кулей картошки. Не четыре, как в прошлый раз. Смотрят на Ефимку, ждут распоряжений.

А Ефим условия спора диктует: «Если ты, к примеру, восемь шагов шагнул с кулями на горбушке или шесть, то с тебя ящик водки причитается. Ну а если вдруг ты после десяти решил дальше идти, то дальше только десять! Иначе – с тебя опять же ящик водки и плюсом столько литров, сколь во второй десятке нашагал».

То есть надо только по десять шагов прибавлять – по ящику «Столички», одним словом.

Мужики приподняли «коромысло», Валера подсел...

Мешочки подобрали крапивные – по семь вёдер в каждом. Прикинули на вес – и дружно хохотнули. Были уверены: сковырнётся парень на первом же шаге. Куда с таким весом разгуливать?

И только один мужик в споре не участвовал – Володька! Ухмылялся тихонько и покуривал в сторонке. Он по зиме с Валерой на пилораме листовенничные баланы на доски распускал. Рамщики под хмельком были. Мороз за пятьдесят. Тут без сугреву никак – задубеешь вмиг. И надо ж было случиться – соскользнуло бревно с двух тележек разом. Мужики и так и сяк. Ни в какую!.. Бревно в обхват толщиной. Шести-метровые подобрали – один к одному бревёшки... Поставка на раме до отказа раздвинули. Мат, нервы... сопли о землю...

Подходит Валера, подхватывает бревёшко с толстой стороны – со стороны комля. Мужикам на другой конец кивает. А их четверо, Володька пятым пристроился. Мужики глаза повыпучивали, когда Валера легонько так бревно назад на тележку погрузил. Они впятером никак, а он в полторы руки, будто мешок с опилками приподнял играючи. Потом отодвинул их в сторонку и другой конец тем же макаром на вторую тележку закинул...

Почему в полторы руки? А левая у Валеры осколками покалечена. На ней только три пальца и осталось. Со стороны недостатку совсем даже незаметно. Приноровился Валера. Ловко управляет с разными таёжными предметами, а с ружьём и подавно. Да чего там – мастерски управляет. Он и пятерым фору даст в любом деле, да и вшестером за ним не поспеть.

Он и тут – приподнял «коромысло», качнулся малость из стороны в сторону, поймал равновесие и зашагал, будто баба от колодца полны вёдра чистой водицы понесла. Спокойно пошёл, вразвалочку. Задницей только покручиват. Для форсу, что ли? Умора с ним – с Валерой этим...

Отмерил десять шагов, постоял и ещё десять шагнул...

Куда деваться? У мужиков слюна на губах повысыхала. Засосало под ложечкой. На Ефима глазами зыркают. Под чу-

бами у мужиков предчувствия нехорошие. С каждым Валеркиным шагом кулаки всё пуще и пуще свинцом наливаются. Ох и наkostenяют они Ефиму – как пить дать наkostenяют!..

Но спор – дело святое! Два ящика «Столичной» – вынь да положь! Царский подарок! Считай, на весь сезон запаслись друзья-товарищи-родственнички окаянные качественным продуктом. Смех и грех с этим Валеркой, да и с дядькой его тоже не соскучишься. Умыли Ефима, и мужиков умыли. Вот вам и «задарма», «рупь на водку грех менять», «сластит водочка»!

А кто её пробовал? У этих и спросим как-нибудь. Будь они неладны, шулера закадычные.

А мы-то раскатали губу, «на халяву» позарились. Тьфу ты... растуды твою туды... Не запить бы с горя!

Дядька Витя в молодые годы и сам по десять шагов отмерял. В этот раз племянник подсобил. Здоров парняга!

Валера ведь ещё на десять шагов нацелился. И прошёл бы... Отговорили его мужики. Дружно отговаривали. Чуть было сами на «коромысле» не повисли. И повисли бы. Куда столько «Столички» в одни руки? Да и магазин осиротет без водки.

Этого быка трёхпалого не остановить, так он не один километр отшагат. Медведь столь не упрёт зараз, сколь Валерка на горбу везёт. Шулер! И старый – шулер, и молодой подстать старому уродился – натуральный шулер...

Эх, Ефимка, разминай бока – кулаки исчезались, никакой мочи нет!..

Том

Глава 1. Бушлат

У Тома, нашей молочницы, есть сын Серёга. Серёга – прапор на ЦДСе (Центр дальнего слежения), сейчас за штатом.

У Серёги сын Сашка, ему 4 месяца. Сегодня крестины. Есть ещё дочка Вика, ей 12 лет, и первая жена, Наташка. Наташка родом из Одессы.

В гарнизонах часто случается так, что жёны сначала выходят замуж за сибирских мужиков, а уже потом сбегают со столичными, а бывает и наоборот – от столичных бегут к таёжным красавцам. Серёгина сбежала с москвичом.

Когда ещё жили вместе, ездили в отпуск в Одессу. В Одессе жили Наташкины мама и бабушка – тёщина мама.

Отец Наташкин тоже служил в наших краях. Он променял одесскую жену, Серёгину тещу, на сибирскую красавицу. Где-то у Байкала живут. Люди говорят, хорошо живут.

В Одессе были два домика: у бабушки и у Наташкиной мамы.

Серёга в Одессе любил форсить в моряцком бушлате. Бушлат от Наташкиного брата моряка как память остался. Погиб брат. Затонули всей командой в море. Наташка уговарила продать оба домика в Одессе и перетянула мать и бабушку в Иркутск, в «хрущёвку», на 24 квадратных метра.

Когда в Одессе собирали контейнер для Иркутска, бабушка притащила потрёпанный бушлат.

– Зачем? – спрашивают одесские родственники.

– Серёже нравится. Он всегда его носит в Одессе.

Нашли место и для бушлата.

Бабушка через четыре месяца умерла в иркутской «хрущёвке» от тоски по любимой Одессе.

Наташка живёт в Москве.

Одесская Серёгина тёща, Наташкина мама, всё больше у Тамары – у Серёгиной мамки – в тайге. Трясётся и хлопочет над Серёжиным сыном. Поехала вот с новой Серёгиной тёщей в церковь крестить Сашку...

Бушлат висит в избе на самом видном месте – над Сашкиной кроваткой. От него веет морем, каштанами и пахнет бабушкиными пирогами с вишней.

Глава 2. Голубика

Какое лето собираемся с Томой за голубикой. И каждый раз одно и то же: всё некогда, Михалыч, да некогда. А потом: «Ой, а я уж сбегала. Выпала свободная минутка, я и пробежалась до болотца». И так из года в год. Хитрит баба! На днях за парным молочком заскочил, ну и напрашиваюсь:

– Тома, позови с собой на болотце-то или подскажи, далёко ль до ягодки?

Сам усмехаюсь про себя.

– Да нет, Михалыч, рядом. Рукой подать, километра два, три, ну, от силы четыре будет. Вверх по Чернушке.

Чернушка – это речка, она в Белую впадает. Через мой огород бежит. Ковшом почерпнёшь и пьёшь с песней. Зубы ломит, челюсти сводит, а душа поёт.

Это не из бутылки пробкой запечатанной, это из середины Земли Сибирской – от самих Саян вольно бежит водица. Ледники жизнь раздают всем, кому повезло рядом жить.

А я снова интересуюсь:

– Тома, а по какую руку от середины-то?

А она серьёзно так и тоже, видать, со смехом еле справляется:

– А посередке и будет, Михалыч, в самый раз посередке.

– Так там же Чернушка посередке? – я тоже серьёзно, ей подыгрываю.

Не удержалась Тома, рассмеялась:

– А ты вместо удочки лукошко возьми, голубика тебя и признает.

– Ну, Тома!

– Ну, Михалыч!

Смеёмся с ней на пару.

Ладно, сам найду – километра два-три, от силы четыре. Хы! И не отказала вроде, и расстались с улыбкой, а ягодку уберегла.

Этот голубичник ей ещё мамка показала, а мамке – её мамка. Я не в обиде. У меня свои голубичники имеются. Тут у каждого своих не оберечь. Так, шутим друг с дружкой. Не полезу я на её «огород» и болтать при посторонних не стану. Ей ещё Сашку растить, внука своего.

А голубика с парным молочком да с домашним хлебушком – это сила! Год за три прибывает.

Глядишь, лет через пяток Сашка и сам в бушлате зафорсит и в Одессе с Викой встретится, с сестрёнкой своей.

А тут Тома звонит:

– Михалыч, надо к матери в Мишелёвку, что-то прихворнула мамка. За молочком пораньше подскочишь? На автобус надо успеть. Серёга-то на грузовичке в лес за вениками укатил.

Мать Томина с сыном, Томиным братом, и невесткой в Мишелёвке живут. Внуки повзрослели и разъехались кто куда, в поисках работы и лучшей жизни.

Успела Тома на автобус...

Сегодня рассказывала:

– Подхожу я к мамкиному дому, а там уж «скорая» у ворот поджидает. Калитка открыватца, выходит мамка – 89-ти годов от роду – в рыбацких бреднях, с косой наперевес и с кровавым давлением то ли 220, то ли 240. Врачей отодвигат в сторону и в сад ягоду обкашивать. А ягоды той аж двадцать соток. Рядами к самому лесу: смородина, малина, вишня и так по сибирскому списку.

Боятся у нас люди болеть и врачей боятся. Говорят: в больницу нельзя больному попадать, никак нельзя – войдёшь в одни двери своими ногами, а выйдешь в другие на чужих.

Вот и стоим в калитках с косой наперевес да в бреднях рыбацких. Еле стоим, зато на своих и до последнего. Потому и живём долго, и хоронят нас здоровыми. А на поминках, как на празднике, самогон с улыбкой по жилам бежит.

Горе всё за калиткой караулит: когда мы без сапог да без косы появимся. Нет, не дождётся!

Мы друг дружку где под локотки, где под зад коленкой – да в баньку, да на полог, да берёзовым веничком, а где и крапивкой. А после баньки чаёк с мятой, мелиссой, малиновым вареньем. Мёдок тоже продукт знатный!

А поутру, на зорьке, по росе – до горизонта с косой в весёлых руках. Вжик да вжик, вжик да вжик. Когда болеть-то? Травка ноги щекочет, роса коленки бодрит, и так жить захочется, что и помирать неохота.

А тут и перышки к солнышку затопорщатся. Расправишь крылья, стряхнёшь росу на мягкую траву, взметнёшь вместе с жаворонком дальше зорьки. Голова кругом, в груди трели весёлые, глаза в слезах от счастья. Посмотришь с высоты на Тому, на Сашку, на бабу в саду, на голубику, на Чернушку и поймёшь – повезло тебе и в этот раз, ты родной сын своей Матушки-Сибири.

Так и есть! Кому-то она Сибирь неприветливая, а для нас – матушка родная.

Глава 3. Маня

Заехал я вчера к Томе за парным молочком. Встретились, как родные. Год, считай, не виделись, месяцев восемь точнее.

Ох да ах!

Как да что? Здоровье, новости, дети, внуки? Говорим, говорим, а она вдруг вся лицом сникла, а потом смеяться давай. И слёзы.

– Ты чего это, Тома? Никак захворала? – спрашиваю.

А она:

– Ой, Михалыч, и не говори! Такой грех на душу чуть не взяла, не приведи, Господи, пережить кому.

И давай рассказывать. А у самой то слёзы по щекам прыгают, то смеётся сквозь те же слёзы. Ох уж эти женщины!

Слово за слово – и я незаметно заразился её историей. За компанию, значит, страсти переживаем.

– Манечка, кормилица моя, та, что младшее, с боками крутыми. Така она у меня ласкова, така ладная, не хулиганиста нисколючко. И молочка аж по два подойника наливает, и доить-то её одна радость. Титьки мягоньки, руки отдыхают. Не лягатца. А мычит, будто песни поёт. А приключилась така беда – перестала молоко давать. Три литра – и баста. Добра коза по пять отдаёт, а она – три. Ну, я распахивалась совсем. А тут одно за друго цеплятца.

Серёга мой в Екатеринбург поехал квартиру выбирать. Только деньги прокатал. Отказался. Не понравилась ему квартира. Да и куда в таку даль переезжать? В Иркутск бы – другое дело. Ещё одна у него попытка осталась. Откажется – и не видать ему ни квартиры, ни сертификата этого. Кусай потом логги. Пропади они пропадом со своими порядками. Придумали, как людей зря мучить. Я колочусь одна, сил никаких нет. Дочу доить – старушку эту, хоть и любимица моя, но она, поди, старей поповской собаки. Потом полдня руки отмять не могу. Хожу как инвалидка. Пальцы не держут, всё на землю выпадают. Беда с ней одна. Серёга получит квартиру от Армии, я дом продам и тоже в благоустроенну перейду. Устала я жилы рвать на хозяйстве этом. Молодая была – другое дело. А сейчас? Ну её к лешему экзотику эту. Ещё прадед дом срубил, дед тут жил с бабулей, отец с мамкой. А мне теперь расхлёбывай? Надоело, брошу всё. А тут ещё это. Ну, в общем, маялась я, маялась с Маней, а потом вызвала ветеринара. Приехал молоденький, при галстукке. Весь напмаженный, нервный. Где-то оно, может, и того, модно даже форсить в таких нарядах, но только не перед моими коровками. Маня у меня до чего смирная, и то так на него зыкнула. Я испужалась за этого интеллигента заполошного. Зашибёт ведь ненароком. Потом попробуй оправдайся, что ты не того. Мол, не ты это, а корова твоя на дух его помаду не переносит.

А он ещё с расспросами давай зудить: «А сколько лет коровке? Чем питается? Стул у неё какого цвета? Без задержек ли?» Я его матюгнула разок. Не поняла вначале, что он натурально интересуется. А тут и Маня сама взялась отвечать этим самым стулом ему под белы щитблеты. До коленок забрызгала лепёшками обыкновенного цвета. Я ещё внимание обратила: хороший цвет, натуральный, без примесей.

Фельдшер щёки утёр, очочки в футляр спрятал и говорит: «Старость это, медицина тут бессильна. Так и будет теперь по нисходящей изо дня в день. На убыль у неё все жизненные процессы нацелились. На мясо её надо, пока не поздно. А то сама хвост откинёт. Убытки понесёте».

Он, конечно, по-научному мне лопочет. Но я поняла: состарилась моя красотуля раньше время. Эх, как жалко-то! А куда деватца? Така жись! Сама вон – за день накручусь, а ночью хоть на стенку лезь. Болит весь организм – спасу нет. Продам всё и в благоустроенну. А почему нет, Михалыч? Вода горяча, уборна тёпла. Хоть организм под старость лет уважу да побалую.

Серёге объяснила: так мол и так, состарилась Маня, убытки предвидятся. А он тоже, с этой поездкой, злющий весь – денег-то не мало на ветер выбросил. Переживает за деньги, а больше за Маню. Он её любит – спасу нет. Сашку на спину ей усадит да катает по двору днями напролёт. Не корова, а нянька, честно слово. Неделю Серёжка настраивался. И попить успел с горя, и протрезвел с него же, с горя этого окаянного.

Настроился кое-как, решился, с вечера предупредил: «Готовь, мать, воду, посуду и всё, что полагается». Утром чернее тучи из избы вышел. Я гляжу, он в стайку, нож за голяшкой торчит. А Манечка эту неделю на свет не выходит, от него прячется. Чует, не с добром Серёга. Я у печки на пол уселась, слёзы ручьём, вою белугой, от горя вою. Слышу, дверь в хату отворилась, на пороге Серёга. Морда на две части треснула от радости. Ну, думаю, всё – тронулся сынок на нервной почве от переживаний.

А он: «Иди, мать, погляди, чего твоя Маня удумала с перепугу-то». Я понять ничо не могу, глаза таращу на него, сопли

по щекам утираю. А он снова: «Не дрейфь, мамка, всё путём у нашей Мани. Иди, иди давай, тебе говорю». Решилась и я. Всё одно, от него толком не добьёшься, дурак дураком. Через порог стайки переступила кое-как – и тут же села у двери. И ноги подкосились, и руки обнемели от такой картины. Стоит моя Маня вся гордая, улыбатца мне навстречу, а рядом ангелочки эти – тёлочка и бычок. У обоих звёздочки во лбу. Кучерявы, что твои барашки. Я там чуть не померла от радости. Целовать их давай. Маню обнимаю, прощение прошу. Она меня языком облизала, хвостом ниже спины шваркнула от души. Я и очнулась. Обрадовалась прям вся – нянькой стала. Уберёг Боженька, не довёл до греха. Ох как я ему благодарна, Заступнику нашему!..

И я рядом с ней стою, переживаю. Всплакнул за компанию, не без этого.

А Тома мне:

– Ты погоду, Михалыч, история-то не вся, тут и продолжение имеется.

Старушка-то моя, которая Доча. Она, и правда, в годах немолодых, любимица моя. Молочко сама, видать, научилась сахарком разбавлять. Сладкое оно у ней. Сашку сколь раз от титек отрывали. Ползком по двору за ней гонятца. Одного Сашку и не трогат. Оближет только, а он из ползунков выскользнет и на четвереньках меж лопухов мелькат, что твой кролик. Ухохочешься с ними. Она и руку мне ломала, и чо только не чудила за столь-то годов. С характером моя Доча. Алкашей на дух не переносит. Сколь раз с рогов снимали моих квартирантов. То одного воспитат, то другого подцепит под мягко место. За это её ещё пуще люблю.

А я понять не могу, запутался:

– А что учудила Доча-то? – спрашиваю Тому.

Она смотрит на меня:

– Дык отелилась Доча, тёлочку подарила. Видать от переживаний за Маню решилась на рискован шаг. Изловчилась моя умница на старости лет. Помощница. И помогают-то всякий раз, в самую трудную минуту. А разве я не того, не говорила? Ох ты, Боже мой, совсем из ума выжила – страсти таки...

Многодетна я стала, Михалыч. Надо льготу хлопотать на ребятшек.

И покатилась смеяться. Хорошо Тома смеётся, весело. И плакать умеет заразительно.

Насмеялись и напереживались на пару с ней. Ну, Тома!

– Вот така история, Михалыч. И куда тут денется? Кака там благоустроена квартира, когда така семья? Буду терпеть. Ох ты, Боже мой, не видать мне тёплу воду из крана!

И засмеялась весело так, и слёзы... Ох уж эти женщины!..

Попрощались мы с Томой. А она мне в сторону леса кивает, рукой направление указывает.

Я глянул в ту сторону и на душе потеплело. На полянке, у самого леса её коровки пасутся, а рядом трое теляток скачут. Резвятся, копытят кого-то, козлят наперегонки. Весело им. Радуются. Вокруг красота... приволье... простор. Живи – не хочу.

Мне показалось, что во лбу у них разноцветные звёздочки сверкают. Присмотрелся. Так и есть – сверкают!

Глава 4. Алёшка

– Тома, а это у тебя кто гостит? – поинтересовался я в другой раз, заметив на её дворе незнакомого мужика.

Тот выглянул из-за поленницы и тут же исчез, будто растворился. Был – и нету.

Тома только руками всплеснула:

– Ой, и не говори, Михалыч. Гостит, так и есть, гостит. Везёт мне на гостей этих... блаженных. Куда бы ни заявилась, обязательно мне кавалера сосватают. Это всё мои бабёнки-подружки стараются. Мы ведь друг дружку сто лет знаем, помогаем, чем можем. Таки же, как и я, фермерши-одиночки. Прости меня, Господи. Спросишь: где мужики наши? Были мужики, да вышли все. Надорвались раньше время. Вот и выкручиваемся правдами да неправдами. Без мужика в хозяйстве, сам понимаешь, ох как несподручно. Пропадёшь без

мужика, с тоски завоюешь. Хоть самого завалящего, главное – чтоб не сволочью оказался.

Мы и приноровились подбирать их по кюветам да канавам... бедолаг бездомных.

Тома весело засмеялась своим же словам. Это ж надо так сказать: «по кюветам»...

– Хотя какой уж тут смех – беда сплошна, а не веселье. Не все приживаются. Есть которые совсем одичали. Те среди бомжей приспособились жизнь коротать. Каких только судеб не повстречала за последни годы. Таки рассказы пересказывают – волосы под косынкой шевелются. Мы мужиков тех, бездомных, бережно, как горшки глиняные, из рук в руки передаём. Кому нужней – тому в перву очередь. Не подумай чего, Михалыч. Я имею в виду, чтоб он не заместо гуся лапчатого по двору шатался, а толк с него как от работника был. Ты и сам видишь, сколь у меня работы. Тут не то что о женихах думать – захворать некогда. Придётся здоровой свой век доживать. А этот, Алёшка, прижился у меня мужичок. Бога не стану гневить, не мужик – золото. Как от таких деревня отказыватца? Они ж без земли – что рыба без воды, не жильцы – задыхаются в неволе. В городе таки, как Алёшка, если один из сотни приживётся – и то удача. В городе они в самое натуральное рабство попадают. Наивные. Верят каждому слову. Как говорит мой Серёга: осталось последнее, осталось извести под корень генофонд русский. Потом ни армии, ни флота, ни той же милиции не останется. Не из кого выбирать будет. Да и сама Россия потравится заграничной кенгурятиной. Тьфу ты, пропастину эту жрать. До чего народ довели. Да и нам, бабам, что прикажешь без мужика делать? То-то и оно – нечего сказать.

Если тебе пересказать Алёшкину историю – кровь в жилах заохлодет. Этих пару годов, как он в городе очутился, кому и на две жизни многовато будет. Он и женат-то никогда не был. Так и прожил полвека со своим трактором в обнимку. Родом из Алтарика, Аларского района. С детских лет на земле. Одна запись в трудовой – тракторист. Столь дел мне по хозяйству переделал, сколь мои работнички за все года не

осмелились. А он, считай, за зиму управился. А началось всё со смерти его матери. Пришла беда – отворяй ворота. Так и с ним. Сестрёнка уговорила дом родительский в деревне продать. Она в городе живёт, тут рядом, в Усолье. Семья большая – трое деток, мужик на шее. С работой, ты и сам знаешь... хреново, одним словом. Чо её винить? Каждый, как может, с нищетой воюет. Она этот шанс по-своему потратила. Бог ей судья. Остался Алёшка без крыши над головой. Приехал к ней, потыркался-потыркался. Работы нет по его специальности. Беда мужику без работы... На глазах высыхат. Сестра кое-как устроила на оптовый рынок. Там кавказцы заправляют. Алёшку приняли грузчиком фуры водой минеральной загружать. Однажды ночью свалился мужик с самого верха и головой в асфальт воткнулся. Он непьющий, а ребята нерусские ушлые. Ему в беспамятстве влили стакан водки в глотку – и в больницу. Хирург, когда голову осмотрел, рукой только махнул: «С такими ранами не живут» – так и сказал.

Алёшка выжил. Чо-то, наверно, растерял из головы, но ему и того, что осталось, хватат с лихвой.

Потом пошёл гроши зарабатывать – то одно, то друго. Я уж полуживого его из гаража забирала. Сторожил там кого-то. Зима, мороз за сорок, а он без печки, без обогревателя... Всё пацаны местные украли. Чайник – и тот утащили. Ни стыда, ни совести. О жалости я и не вспоминаю. Изверги какие-то, а не дети.

Мне бабёнки так и сказали: «Забирай его, Тома, или закончет мужик. Безобидный он, на блаженного похожий».

Ходит, улыбатца, а у самого руки как кочерыжки и кофтёнка нараспашку. Снег с ладошки ест. Всё шпана растащила, постарались. Ждут, когда загнётца, а он хоть бы хны – просыпатца каждое утро живой... с улыбкой. Синий, худой, полуголый, а живой. Им же и машет кочерыжкой, тряпкой перемотанной, привечат каждого по-доброму. Смотреть тошно на это смертоубийство.

Приехали мы с Серёгой за ним. Заходим в каморку, а в ней холодней, чем на улице. Сидит бедолага, бормочет чего-то, а лицо аж голубым отблёскиват. Ничо не сказал, поднялся и

пошёл к машине. Потом обернулся и говорит Серёге: «У тебя, паря, картечь в стволах? Если картечь, то хорошо». А по щекам слёзы бегут. У меня чуть сердце не лопнуло от горя. Он ведь подумал, что мы его добивать пришли. Не хотел подранком мучиться, мечтал, чтоб картечью, в ранену голову, дуллетом – и к мамке своей поскорей. Довели мужика до ручки...

Да что же это с людьми делатца, Михалыч, а? Они ведь его на смерть обрекли, люди-то. И не одного его. Тыщи неприкаянных по дорогам бродят. За кусок хлеба, за тарелку похлёбки руки золоты продают. Деревни все поголовно пустыми глазницами на свет белый смотрят. Вокруг ни леса, ни ягодника, ни зверя, ни птицы не осталось. Все разом с ума посходили. Озверел народ, одна злоба кругом... Господи, повернись к нам, вразуми грешных, ополоумевших!..

Мне не по себе стало. В груди тоже столько всего накопилось. Стою, бормочу да плююсь под ноги...

А Тома продолжает уже с улыбкой на лице:

– Я с Алёшкой этим нутром отогрелась. Не уныват мужичок ни в какую. Чо-нибудь да учудит. Дня не проходит, чтоб не отчебучил чего. Смех с ним и грех, Михалыч!

Зимой-то Чернушка вспучилась сначала, из-под льда вывернулась, а когда корка сверху схватилась, она снова под лёд спряталась. До воды не доберёшься. Я Алёшке и говорю: «Руби ступеньки во льду. Сначала в верхнем накате, потом во втором, и так до воды».

Как без воды-то? Да никак. Он, правда, прорубил аккуратно так... ступеньки. Потом полез с ведром за водой. А в речке напор, сам знашь, с ног сшибат. Хорошо, я за ним попёрлась: как чуяла, щас учудит чо-нибудь. Так и есть, он на карачках подполз к проруби. А это всё там, внизу происходило, на последней ступеньке. Наверху только его задница и торчит. Ведро само большо выбрал. Ну и чо ты думаешь? Зачерпнул полно, а удержать не смог. За ведром в ту прорубь и нырнул. Сам короткий, широкий – ему и расшипереться нечем, чтобы затормозить как-то.

Серёга сверху орёт: «Мамка, ты его за валенки, за штанину хватай – утонет ведь. Щас под лёд утянет – и пиши пропало».

Я сама раскатилась, рядом с ним приземлилась, оседлала только его обутики. Они с него сразу послетали. За штанину хватить – она в руках осталась, а он на меня голым тылом светит. Тыфу ты, страмом размахиват из стороны в сторону. Серёга от хохота с берега покотился, а мне не до смеха. Держу его за что попало. Потом смелости набралась, ухватила, за что раскачиватца, и вытянула ведь на верхний ярус. А куда деватца, когда под рукой только и есть, что маятник его? Секунды решали – жить или помереть...

Хохочешь? А я со страху видать крепко дёрнула за это дело. Орали-то все вместе – не разберёшь по-отдельности, кому что надобно. Алёшка громче нас старался. Думала со страху, а он по другой причине оказыватца.

Материть меня взялся почём зря, штаны отбират, кричит: «Отдай штаны, вредна баба».

Я когда на берег выкарабкалась, черенок из метлы выдернула и минут пять гоняла его по ограде. Охаживала от души по всем его сторонам. И верхней досталось, и нижнюю не обошла.

Разогревалась и в воспитательных целях. Не терплю, когда при мне матерятца. Особенно, когда со зла. По-доброму и сама могу узоры заплести из ярких слов. А вот по злобе – зубы бы повыщелкала. Серёга у меня, какой герой под хмельком, и то – при мне ни гу-гу, чтоб матерщиной...

Тома вдруг подхватила и затараторила:

– Потом доскажу, Михалыч. Мамку сейчас привезут. Совсем забыла. Она у меня выдумщица та ещё. Глаз да глаз за ней. Сам знашь. Надо во дворе все дырки затыкать. В прошлом годе косу нашла, весь огород мне скосила. Привыкла... без косы ни шагу. Скоро девяносто годков. Своей жизнью живёт мамка. И не знат никакой-такой перестройки. Не слышала о ней никогда. Она всё коммунизм достраиват. Охо-охо... мамулька моя светлая...

Глава 5. Будем живы – не помрём

К Томе я заехал через пару дней. Долго стучал в калитку, покричал от души. Хорошо кричится на просторе. Успокаиваешься. Внутри что-то отрывается и улетает далеко-далеко... к облакам. Душа распрямляется, рассыпается на мелкие осколки. Они потом назад возвращаются радостным узором. Вроде калейдоскопа. Чёрное исчезает, остаётся голубое, розовое и много-много зелёного.

В городе так не покричишь. Потому и ходим скукоженные, по сторонам оглядываемся, боимся, как бы не закричать случайно. Чёрное в глотке держим, чтобы было чем ответить на... чёрное.

Слышу, к калитке кто-то подходит. Не Тома. Её походку я выучил. Она, как девчонка, легко порхает, земли не касается. Я удивляюсь и люблю эту её лёгкость. Дай, Боженька, ей здоровья, радости и вторую сотню разменять со своими манями и дочами. И разменяет. С такой закалкой, как у Тома, она к той сотне с маминой косой придёт и в Серёгиных бреднях. Род её будто из лиственницы рассеялся. Крепче не бывает.

Задвижка звякнула, и в проёме показался знакомый мужик.

«Алёшка», – догадался я. Улыбка на всё лицо, а во рту зубы через один, в разные стороны отвернулись, через лоб широкий шрам. Досталось мужику!

Видать, Тома предупредила, что я подъеду. Подждал гостя, готовился погутарить.

Росту невысокого, зато в плечах – та самая сажень косяя. Чувствуется – силён дядя. Руку ему протянул, он свою навстречу. Ладонка вроде из корня берёзового выстругана. Сухая, шершавая и ни на какие пожатия не поддаётся. Так и есть – будто живую деревяшку в руке подержал. Представил, а если бы он давал от души? Да ладно, удержал бы... Тоже, поди, из того же теста замешан, потому и тянет к земле, что вырос по деревенским законам. И хорошо, что так, что о других законах не слыхивал.

– Здорово, добрый человек! – поприветствовал я мужика.

– Куды там! И здоровше видали! – весело подхватил он.

– Анатолий! А тебя как звать-величать? – поинтересовался я.

– Считаю, тёзки мы с тобой, дядя Толя. Алёшкой меня обозвали не спросясь.

– А почему сразу – дядя Толя? Давай на «ты».

– А я и так на «ты», – улыбнулся Алёшка.

А тут и Тома подошла. Поздоровался и с ней.

– Это он на радостях такой разговорчивый да весёлый. ВТЭК сегодня прошли. Третью группу дали. Будет у Лёшки пенсия. А сколь эта минималка-то, Лёшка?

Лёша малость подумал, чего-то прикидывая, а потом уверенно ответил:

– Пятерик для начала.

Тома переспросила:

– Тебе кто доложить-то успел? Третья группа! У мужика мозги набекрень, пальцы на руке не шевелятся, забывают, зачем ширинку расстёгиват, а они – третья группа!

Помолчала и спокойно добавила:

– Да хоть и так – всё одно с копеечкой. До пенсии-то, как медному котелку, ещё столь годов колотитца.

А Алёшка подмигнул мне, потом Томе и выпалил:

– Это они вначале третью дают. У них правила таки прописаны. А через год-другой видно будет, в каку сторону перетянет. А может, я женюсь да выздоровлю подчисту?

Мы с Томой переглянулись, потом посмотрели на Лёшку и разом прыснули.

Тома смеялась и приговаривала:

– Подчисту. Это ж надо придумать. Женитца он и подчисту. Ну, ты точно того – выздоравливать развернулся.

Потом успокоилась, промокнула весёлые слёзы краем косянки и рассказала такую историю:

– Тётка у меня есть, Степанида, мамина сестра родная. Старенька уже, но така молодец. И по хозяйству, и у плиты. Воду из ковшика не расплескат в потёмках, как говоритца.

Одна жизнь прожила, без мужика. А кака красавица была в молодости. Таки женихи увивались. Не выбрала, кому доверитца, поберегла сердечко для других целей. И не пожалела

ни разу. Так и говорит: «Моё счастье при мне радуется... ни конца ему ни краю»... Любила тётя и в поле работать, и хозяйство у ней завидное, а особенно детишек жалела. Души в них не чаяла. У ней их восемеро росло на радость. На лавочке, у дома вся деревенска молодёжь по вечерам собиралась. Тянуло к ней, как на мёд летели. Она и молочком напоит, и кваском угостит, и песни попоёт там же – с молодёжью. Есть такие люди – к ним издалёка народ приходит. Сами не понимаем, откуда така тяга – идём, и всё тут.

Лёшка встрепенулся:

– Тома вот така же. К ней, дня не проходит, чтоб не зашёл кто. «Спасибо» занести иль попросить на время. Помнят люди добро. А она жизни выручат, с того света возвращат, когда совсем помирать охота.

Тома посмотрела на Лёшку, улыбнулась и продолжила:

– Везде Степанида попевала. Без мужика рожала, без мужика растила. Все ребятнишки как на подбор. Что девчонки, что пацаны – помощники, и с уважением. Это мы потом прознали, что она их из города привозила. Забирала из Дома малютки. Говорили, что и мужичок у ней был. Это чтоб перед комиссией показывать. Мол, полный комплект – семья. И даже в паспорте запись имелась, что они «в законном». Для отвода глаз придумала тётя. Ни разу его в деревне не встречал никто. А она ради чужих ребятишек на всё была готова, без них ей свет не мил. Ни один не подвёл, все в люди вышли. Теперь уж внуками её задарили да правнуками. Столь приезжат на лето... Весело гостят. Хорошие ребятишки. Откуда, Михалыч, такие люди берутся?

Лёшка снова оживился:

– Тома, ты откуда взялась на мою голову? – он аккуратно приобнял Тому за плечи.

А Тома, видать, хотела дать мужику подзатыльник, но вспомнила, что тот на плечах раненую голову носит, передумала. Стряхнула его ручищу и погрозила кулаком.

– Веришь, Михалыч, бывало, зимой в моём курятнике таких бездомных по шесть человек зимовали. А куда их девать? На мороз выгнать? Значит на погибель верную. Ничо,

не обеднели. Глядишь, когда свечку у иконки кто зажжёт. Всё мне полегче.

Тома вдруг засуетилась и давай прощаться:

– Дочу доить надо, а то рассердится. Вот барыня-то. И всё-то у ней по расписанию – минута в минуту. Попробуй замешкаться. Ведь дожётся, когда выдоишь её, а потом подойник на подол разольёт, чтоб в другой раз nepовадно было. Сколь мы с ней дружим, а она нет-нет да напoмнит о характере. Я не в обиде. Люблю её, мою помощницу.

Мы остались с Алёшкой вдвоём.

– Какие планы, Алексей, на ближайшее будущее, если не секрет? – поинтересовался я.

– Поживём – увидим, сколь проживём. Мне сегодня, дядя Толя, полтинник исполнился. А я себя салажонком желторотым представляю. С полтинником на горбушке, а дурак дураком.

Лёша смотрел на меня серьёзно, грустно смотрел.

Я снова:

– Это как понимать, Алексей? Есть вопросы – задавай. Люди свои.

– А я потому и поговорить решил, что вы с Томой знакомые давние. Тома так и говорит: «Мы с Михалычем из одного лукошка родом». Доверяет она тебе. Вот и я спрошу: «Скажи-ка мне, дядя, куда нам податься из деревни людям деревенским? И пошто така нелюбовь к нам у наших же? Извели народ, нарочно угробили, планомерно истребили. Мы ж не дурни безголовые, видим, что выметают нас, как мусор из избы. Сначала колхозы, совхозы разогнали, потом давай дешёвым спиртом травить. А кто выжил – тех с земли согнали, за гроши с потрохами выкупили. Мы снова в крепостные подались. Так получатца? Только помещик нонче того – всё больше не из наших. Чужие на нашей земле хозяйничают. Злые они, жадные... пришлые, одним словом. Никто не защищает нас, всем мы поперёк горла. Это как понимать, Михалыч? Всю жизнь деревня мамой была для города. Чo изменилось-то? Или, как говорит Тома, кенгурятина да молоко порошковое по вкусу пришлось? А не поймёт никто, что это тот же спирт, только для городских.

Городские-то умней – их и травить придумали по-умному. А чо там греха таить, и в городах с работой туго. Кака причина? Говорят, много людишек расплодилось. Мол, наша половина мешат жить вольготной той, второй половине.

Я растерялся. А что ему разъяснять, когда сам всё понимает. Растерялся от того, что простой мужик мне всё по полочкам раскладывает. У самого на сердце одни рубцы.

Так и есть – выметают народ, будто мусор. Из своего дома выгоняют. А сколько сгинуло? Кто, куда? Уходят люди, срываются с намоленных мест, навсегда покидают родную сторону.

Мне намеренно замечание сделали: «Не стоит повторять об одном и том же. Да, есть проблемы. А у кого их нет? Надо о романтике, о счастье безоблачном, о рассветах и закатах, о том, что жизнь прекрасна. Хватит безнадёги».

Согласен – надо!

А с этими как быть? С Алёшками да Пашками? И с теми, которые по шесть человек в курятнике у Тома зимуют? Сделать вид, что их вовсе нет? Может, и нет уже. Зимы у нас студёные, да и Тома всех не успевают укрыть.

Они ж сибиряки, земляки, наши люди – те, которые по шестеро в курятнике. Мы с ними сотни лет бок о бок живём – в радости и в горе.

Забыть? Значит, живём похоронить?

Я и сам из них, и предки мои с Дона, и Лёшкины из соседней станицы. Потому и слышим друг друга, доверяем, выручаем, чем можем, и соображаем, как быть дальше?

Алексей мне и говорит:

– Я в деревню возвращаюсь. Дом назад выкуплю. Сегодня на рынок с Томой заходили, я там своего соседа повстречал, Ганю. Его изба с моей по соседству. Доложил Ганя, что новые хозяева собираются мою хату продавать. Городские. Думали так просто в деревне... Не договорились с землицей. Заросла она, родимая, крапивой да полынью.

А Ганя мне новость сообщил. Скупает угольный разрез наши наделы. Мне тех денег хватит и дом откупить, и хозяйством обзавестись. Пенсия, считай, в кармане. Машину куплю, женюсь... Таку, как Тома, в дом приведу. Есть на при-

мете. Наша, деревенска. Пока голова целая была, всё не решался, а тут вроде просветление озарило...

Женюсь. Ганя вон – тоже женился. А меня лет на десяток постарше будет... Я, помню, пацаном был. А у Гани черёмуха богата в огороде росла. Здоровенный куст, и ягода на нём больше на виноград смахивала. Сладка – спасу нет. Я к нему один только и лазил. Куст-то ближе к моему забору рос. Однажды залез и трескаю за обе щёки, а тут на тебе – Ганя в огород выходит. Пригнала его нелёгкая. В кусте и корову можно спрятать. Густо разросся. Я затаился. А Ганя присел на скамейку за баней, улыбатца. Сам в трусах семейных, кирзачи на босу ногу, майка только и держится, что на лямках. Поджарый мужик, крепкий. Бабы-то нет... Кто его раскармливать будет. Прищурился на закатно солнышко, потом повертел головой из стороны в сторону и говорит: «Ну, Ганя, ну, молодец! Картошки-то, картошки... Баня нова...»

Вокруг никого, а он радостью своей делится. Гордость его распирает. Я тогда не сообразил, с кем это он разговаривает. Сегодня дошло, на рынке, когда встретились с ним. Он вроде перед землицей своей отчитывался. Всё, мол, в порядке – ни полыни, ни крапивы... Тут я, и всегда буду при тебе...

Так что, Михалыч, домой надо ехать, а уж там, с Божьей помощью, и женитца, чтоб така, как Тамара. Давно меня дурака поджидат. Ганя ей доложит, что жених богатый свататца едет.

Мы посмеялись от души. Алексей меня погостить пригласил. Я согласился. Пожелал ему удачи и счастья в семейной жизни. Он протянул свою ручищу, я свою навстречу...

Попрощались, как давние знакомые. Алёша прикрыл калитку. И я услышал его приятный баритон:

*Ой, то не вечер, то не вечер – мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось, ой, да во сне привиделось...
Налетели ветры злые да с восточной стороны
И сорвали чёрную шапку с моей буйной головы...*

Мама

Мама слегла, когда ей пошёл девяносто третий годок. И не то чтобы мы не ожидали этого. Такой возраст. Опять же всю жизнь на ногах. Работа, заботы, радости, переживания, снова радости. И так до последнего дня, до последнего вздоха. Без жалоб, без стонов, без больничных, без ахов, без охов.

Мы не смогли припомнить, чтобы она когда-нибудь болела. Лежала бы на кровати с компрессом на голове, с градусником под мышкой, и чтобы на прикроватном столике вместо книг таблетки, порошки и прочая аптечная ерунда.

Чай с малиной, мята, зверобой, берёзовые почки, сосновые побеги, мёд прямо с пасеки от дяди Лёши, травы, травы, настои, соки... Это да. Без этого никак. Свои сборы, свои заготовки. И всё с единственной целью – не пустить в дом «никаку холеру»: ни простуду, ни грипп, ни ангину, ни «всяку всячину».

А самое главное – улыбка на красивом мамином лице, улыбка и ни одного дня для себя. Для нас старалась, для людей, для детишек. Изо дня в день любимое занятие – кому-то подсобить, помочь, согреть. Бесконечное и такое желанное «надо».

Мы, конечно же, советовали нашим родителям, наперебой старались с вескими доводами:

– Отдыхайте, мамочка! Отдыхайте, папочка! Что вы такие беспокойные, на самом-то деле?

Работа, мол, не волк... и прочее...

На что отец и мама отвечали:

– Обошли наше поколение этим самым «отдыхайте». Для вас его подкапывали – для детей, да внуков. Вот вы и отдыхайте. Мы-то приучены работе радоваться.

Есть работа – слава Богу! Значит, с хлебушком, значит, поживём ещё, не помрём с голоду. Горе не захлестнёт петлёй океанной, стороной обойдёт и в этот раз.

Таких, как они, теперь уж не встретить на улице. Их по окраинам искать надо, подальше от городов да столиц. Там искать, куда нынешние порядки не добрались. Где старые традиции чтут, где дедовским укладом живут, где работа на первом месте.

Хочется верить, что остались такие люди. Наши люди, русские. Они с молитвой встают, с молитвой ложатся, с Верой в наш Мир приходят и уходят, передав свою Веру детям своим и внукам...

Истории моих родителей схожи, как две капли украинской крови. Оба из кулаков. С такими же несчастными погнали их этапом в Сибирь. За пару коровёнок, за козу, да петуха с курами, за десяток гусей и десяток уток. Гнали как врагов, штыками кололи, издевались, предателями обзывали.

За что? За то, что руки в мозолях? За то, что спины сгорбили от непосильной работы? За что???

Добрая половина не дошла. На дороге лежать осталась. По кюветам да в чистом поле закопали. Мы и закопали. Полёживают себе, бедолаги, на чужбине. Ни могилы тебе, ни креста на той могиле. Дети, в основном, старики и кто послабей. Умирали тихо, с горячей слезой в чистых глазах. Те умирали, у кого сердца без родной Украины биться не пожелали...

А мамочка за три недели до того, как уйти, вдруг вспомнила всё самое-самое важное в своей жизни. Проснулась как-то с ясными очами и заговорила. Память к ней вернулась и что-то ещё...

Я потом поняла, прощала она всех обидчиков и сама же у них прощение просила. За то просила, что так долго обиду в себе несла. С каждым в отдельности разговаривала. Вспоминала до мельчайших подробностей то, что волновало её, по ночам будило, покоя не давало долгие годы...

– Соколик-то мой ясный (это она о папе) как-то по весне объявил мне: «Василисушка моя ненаглядная, прости меня – помирать я собрался. Прости, что оставляю тебя

одну-единёшеньку на белом свете. Детки помогут, конечно, они у нас добрые выросли, слава Богу. Но у них своя жизнь. Тяжело тебе придётся без Соколика своего. Не обессудь – пора мне... пришло моё время. Неделю тот же сон вижу. По другую сторону стою, тебя поджидаю, далеко не отхожу с того места. Нас там много таких. Ждём вас. Отказываемся поодиночке шагать. Там тоже с понятием – разрешают подождать. Я дождусь».

Я поняла... Он ведь такой был – что скажет, то и сделает. Через месяц простились. Полежал мой Соколик недельку на спине, полежал, потом жаловаться давай – непривычный бока-то давить. А в воскресенье заулыбался, расправился весь. Лицо просветлело, меня обнял, поцеловал и ушёл. Я на него люблюсь, молодым вижу, и знаю, уверена в нём – ждать будет, дождётся. Обещал. Куда мы по отдельности-то?..

Сокол мой ясный, иду! Уже скоро. Сама истосковалась. Плохо без тебя. Душа замирает, как к тебе просится. Поди букетик из ромашек в руке держит. Я его какой день во сне с этим букетиком вижу. Не завяли бы цветочки...

И тут мама рассказала мне эту историю. Дело было в тридцать седьмом году. Мама медсестрой работала в госпитале. Тогда эпидемия за эпидемией разгуливали по земле. Народ, как косой, выкашивало...

– В госпитале сутками дежурили. Да чего там – неделями жили без выходных. Об отгулах и не заикались. Домой сбегаешь на пару часиков ребятишек попроведать, покушать приготовить на скорую руку, бельишко простирнуть – и бегом назад, к больным.

Люди по-разному к своим обязанностям относились. Положено отдыхать ночью? Кто-то и отдыхает. Это правильно. Иначе не выдержать такого напряжения. Хоть часок, а прикорнуть надо, силёнки восстановить.

А у меня характер беспокойный отродясь. Вот я с этими шприцами, обвешанная, как новогодняя ёлка гирляндами, всю ночь и мечусь от одного больного к другому. К концу смены ни рук, ни ног не чувствую. Хоть саму под капельницу

укладывай. Заполошная была, наивная. Думала так: останвлюсь на минутку и всё – погаснет солнышко, погибнет мир, не наступит счастливое завтра. Смешно? А мне нравилось незаменимой быть, нужной всем позарез.

Заведующим хирургическим отделением в те годы был профессор Нодельман. Строгий мужчина, своенравный, жёсткий и не всегда справедливый. Не замечал таких, как мы. Презирал он нас, что ли? Наверное, были причины. А может, сам в страхе жил? Боялся чего? Не скажу... Время такое было.

Как-то вызывает он меня к себе и требует принести историю болезни какого-то больного. Я иду в регистратуру. Перерыла всё на десять рядов – нет такой истории. Захожу к нему в кабинет: так, мол, и так, нет истории. Он губы скривил, сквозь меня смотрит... потом почти шёпотом: «Ба-рахло ты, а не медсестра... » И отвернулся, будто меня нет вовсе. У меня ноги подломились. Такая обида захлестнула, сердце сдавило тисками. Я чуть было там и не померла от обиды.

И всё – с того дня на работу я больше не вышла. Ко мне и посыльные приходили, и коллеги. Уговаривали, предупреждали. Время-то страшное, тридцать седьмой заканчивался... Тогда ведь не разбирались особо. Поступил сигнал – в два счёта за колючкой окажешься. А то и к стенке поставят. Сколько народу извели. Подумать страшно... А я ни в какую. Характер. Дурёха была. Могла только так на лесоповал угодить.

Позже мне рассказывали, что Нодельман несколько раз отправлял посыльного и всегда с одним наказом: «Чтоб сию минуту на работу явилась эта... медсестра». Трудновато обходиться без заполошных. Их незаметно, когда они по всей ночи со шприцами да пилюлями носятся. Без них туговато. Нормальные на таких условиях долго не задерживаются. Нормальным нормальные условия подавай.

Потом уж мне справку выправили добрые люди. Больничный лист заполнили, как полагается. В кадрах увольнение оформили по собственному желанию. А у меня это его: «Ба-

рахло ты, а не медсестра» – отметину выжгло на сердце не заживающую. Будто калёным железом прикоснулись. Нет-нет, да заноеет, закровоточит болью... обидой ли... Память! От неё не укрыться. Убить можно словом, а уж искалечить и подавно. Он меня ранил, тяжело ранил Нодельман этот...

Я в детский сад на работу медсестрой устроилась. Пятьдесят лет с детишками прожила бок о бок. Ни одной инфекции не пропустила в родной садик. Доставалось от меня и нянечкам нерадивым, и воспитателям невнимательным. Где форточку забудут прикрыть, где нарочно откроют (душно, мол) да мало ли? А я тут как тут. Заполошная, от меня не спрячешься. В кабинете не сидела сиднем. Утром детишек встречаю, температуру всем измеряю, ноготки осматриваю, язычок, у кого горлышко, под маечку загляну. И родителям передавало от меня. Внушение тут же сделаю, если ребёнок не ухожен или грубость услышу с их стороны. Дверь в медпункт не закрывалась. Руку на пульсе держала, как говорится. Отметило меня наше государство – наградили Орденом Трудовой Славы. За профессионализм, за трудовую доблесть, за характер мой беспокойный, за то, что никаких карантинных не пережил наш детский садик.

Получается, ошибся Нодельман, не прав оказался. Обидел меня незаслуженно в тридцать седьмом.

Соколик-то мой больше десяти лет меня поджидает. Он тоже у меня из заполошных. Характер у него отцовский. Из дуба его выстругали, а уж крылья соколиные он сам отрастил. Тесно ему на земле было, вот он и летал... и летает за облаками.

Спал по три, а то и по два часа в сутки. Не успеет через порог переступить – уже посыльный в дверь стучит:

– Яковин, на выход! Паровозы стоят!

В 4-5 утра вернётся, а к восьми снова на работу, на свой Паровозовагонный спешит. Начальником цеха работал. Четыре класса образования, а его в начальники. Своим умом догонял науки. Книжки охалками перечитывал. Не проходило недели, чтобы он где-то не улучшил, что-то не усовершенст-

вовал.

Заслуженный рационализатор и изобретатель он у меня. Все его изобретения и рацпредложения живыми рождались, не пылились на полках. Грамотные люди из комиссий так и говорили:

– Не знаком Яковишин с науками, потому и изобретения его на свет живыми появляются.

Живут и здравствуют его придумки по сей день.

Утром над городом по три гудка гудели. Каждый на своё предприятие зазывал. Если в доме «ходики» останются, мама дверь распахнет и прислушивается: «На ТЭЦ гудит – 7 часов, на фабрике – значит 7.30, на Паровозовагонном затынул – 7.45».

Так и жили. Гудел гудок над страной, приглашал на работу, для каждого свою мелодию исполнял...

Помню мы папочке на день рождения электрическую бритву подарили. Вот уж он рад-радешенек был. Ухаживал за ней, протирал тщательно, тряпочкой бархатной оборачивал.

А когда уж лежал и только молча поглядывал на нас... прощался да молился. За нас молился... за себя, за все годы старался. С Боженькой секретничал.

Гляжу на папу, а он лежит тихо, смотрит далеко, губами шевелит, а голоса нет.

Я наклонюсь над ним, а папочка улыбнётся и шепнёт мне:

– Бритва... бритва...

Я её ему в руку вложу, он и успокоится, заснёт на устах с улыбкой. Рука подрагивает, он улыбается. Спокойный такой. Непривычно его таким видеть.

А когда папа умер, я бритву в бархатную тряпочку обернула и ему в гроб положила. Он так и умер с улыбкой. Папка наш...

Мама мне тогда ещё сказала:

– Да ты зачем, доча, её папе отдаёшь? Она ему там без надобности.

Но я на своём настояла, не захотела папочку обижать. Он ведь не от жадности о бритве помнил. Он волновался, что «угробят» совершенный механизм по халатности и недосмотру.

Такой вот у меня папка был. Мечтал, что все люди когда-

нибудь научатся быть ответственными за всё на свете...

Последний месяц мы провели с мамой вдвоём. Заходили родственники, из детского садика приходили попроведать коллеги по работе, да и так – забегали старые знакомые.

Но вечера были наши с мамой. Она ослабела за последние денёчки, всё больше спала. И тоже улыбалась во сне, как папка. Наверное, с ним разговаривала, оба радовались, что скоро увидятся и пойдут дальше.

Куда? Да, откуда ж мне знать куда?..

Папочка наверняка знает, проводит мамочку. Я верю, что любимые никогда не расстаются. Они сквозь все жизни вместе идут. И смерть им как жизнь, только по другую сторону жизни.

Я всё боялась, как бы мамочка с кровати без моей помощи не выбралась да не покалечилась ненароком. В магазин ухажу, обязательно кровать креслами подопру так, чтобы и щелки не оставить. Но мамочка не была бы моей мамочкой, если бы её вот так запросто можно было запереть.

Прихожу как-то из соседнего гастронома, забегаю в спальню, а мамы нет на месте. Я туда, я сюда... Потом в ванную заглянула, а она вся кровью перепачканная сидит на полу и руку бинтует.

Я её тихонько к кровати проводила, бинт убрала, а под ним рана резаная и косточки виднеются. Боже мой! Я к телефону: так, мол, и так, травма... такой возраст... врача на дом. Срочно!

Уговорила кое-как «скорую». Прибыли, правда, быстро. Укол поставили, обработали, как полагается, швы наложили, объяснили, что да как...

Что произошло? Я и сама толком не разобралась. Поняла только, что руку мамочка покалечила папиным охотничьим ножом. Где она его раздобыла? Да, там и раздобыла, куда сама от нас припрятала. Подальше от деток, подальше от внучат.

Купила я в аптеке лекарства по рецепту и давай маму лечить. Подошло время швы снимать. Я звоню в поликлинику, объясняю снова: травма...такой возраст... врача на дом.

И ни в какую! Дозвонилась до заведующего хирургическим

отделением. Голос раздражительный в трубке:

– Нодельман у телефона. Говорите.

Не ответил, обрубил:

– Что мне ваш возраст? Это ваши проблемы, не мои. Такси закажите. Я вам не такси. Я один, а вас вон сколько, и каждый со своими проблемами.

Я чуть не плачу. Плачу, какое там «не плачу»:

– Не спустить мне мамочку с пятого этажа. Она и не ходит сама практически. Да вы поймите, она ведь тоже медицинский работник, как и вы. У неё стаж больше пятидесяти лет, она наградами правительственными отмечена.

Сама заикаюсь, слова горло царапают.

А он снова рубит:

– Ваши проблемы. Не морочьте мне голову!

Куда я только не звонила. И только когда обратилась в Совет Ветеранов, всё переменялось моментально.

Мама в Совете Ветеранов была на особом счету. Уважали её ветераны. Она ведь столько лет с ними дружила по-настоящему. Навещала больных, в гости заходила, как к лучшим друзьям. Они и были лучшими. Кому укол, другому капельницу, третьему таблетки, а часто просто поговорить, повспоминать былые времена, поддержать человека, когда тому совсем неважно становится. У нас это «неважно» на каждом шагу глаза режет.

У людей по-разному судьбы складываются. Бывает так – жил, всем нужен был, хлопотал без передыху, помогал всем нуждающимся. А состарился. Сам не заметил, когда жизнь у края остановилась. И всё! Один-одинёшенек полёживает на своём диване такой дедуля. Деньки подгоняет, спешит, переживает, что задержался сверх положенного. Всем всё раздал, что мог. Для себя только диван и оставил. Опостылел диван, да и сам себе опостылел. Лишним себя чувствует, ненужным. Такие вот мысли у ветеранов.

А кто поддержит? Хорошо, если есть кому. Да, только некогда на стариков время тратить. Вот и спешила мамочка к таким ветеранам. Помогала хорошим людям спокойно свои денёчки доживать, с надеждой. Чтобы уходили не одиноки-

ми...не сиротами.

Не всегда получается в один день да на небо, в одиночестве приходится век доживать. Родной без родного, любимый без любимого. Парит твой ненаглядный по небу, на тебя любитесь, успокаивает, как может, поддержать пытается.

А мы на земле не всё понимаем. Далеко до любимого, да и шуму вокруг много. Не расслышать его слов. Обрывки фраз долетают... во сне разговариваем. Верим, что дождётся, верим, что встретимся. Без неё никак – без Веры.

Но тяжело в одиночестве время коротать, сомневаться начинаешь, сил никаких не остаётся для терпения. И такая тоска навалится. Один-одинёшенек на проклятом диване... слёзы душат, обида... боль сердце когтями рвёт.

Тут и постучит мамочка в дверь. Она умела развеять и страхи, и сомнения. Веру в добро возвращала людям, в то, что дождётся любимая, встретит любимый. Слова пересказывала, которые из-за шума не расслышать. Как такое забудешь? Такое не забывается. Такое люди помнят.

Переговорила я с председателем Совета Ветеранов, а минут через пять звонок:

– Говорит заведующий хирургическим отделением Нодельман. Какие проблемы, уважаемая?

Я всё по порядку: травма... столько лет... никакой возможности... врача на дом.

– Хорошо. Ждите. Выезжаем, – отчеканил знакомый голос.

Я воды тёплой в тазик налила. Маму аккуратно губкой протёрла с мылом душистым земляничным. Любила мама запах земляники. Она гребешок мне в руку суёт, мол, причесаться надобно, чтобы Нодельмана встретить во всеоружии.

Я причесала. Волосы у мамы богатые, кудри тяжёлые на плечи ложатся. И сесть она начала поздно. Всё смеялась да шутила:

– По ночам подкрашиваю. Рано встаю, поздно ложусь, всё успеваю, и ещё время остаётся.

Потом повязали голову красивой косынкой цвета небесного, переоделись во всё нарядное.

Я и не подозревала, что мамочка поняла, кто к нам едет.

У меня эта фамилия – Нодельман – в одно ухо залетела, а в другое вылетела. Я только потом сообразила, почему мама так разволновалась. И кто такой этот Нодельман, вспомнила.

И вот – звонок в дверь. Я растерялась, тазик с мыльной водой за изголовье кровати убрала. Спрятала с глаз долой. К кровати стул пододвинула, маму повыше усадила, а за спину подушки подложила пуховые. Открываю дверь. Заходит мужчина (доктор) и девушка (медсестра). Мужчина плащ мне на руки бросил и зашагал вглубь квартиры. Я вдогонку кричу:

– По коридору, направо...

Медсестра тоже мне курточку подаёт. Я пока вещи развешала... захожу в мамину спальню, а доктор в изголовье устроился, на спинку кровати облокотился, с мамой разговаривает.

А медсестра уже швы снимает. Мама улыбается, а сама к голосу прислушивается Нодельмана. Потом вполоборота обернулась и говорит:

– А вы, юноша, на дедушку очень похожи. Не зря говорят: яблоко от яблони. Вы ведь и не приехали бы ко мне. Зачем? Столько лет старушке. Кому она пожалуется? Какой с Вас спрос? А бабуля-то знаменитой оказалась. Так что Вы, доктор Нодельман, на будущее повнимательней будьте, поосторожней как-то, что-ли. Так ведь можно не успеть с соломкой. Не угадать, куда её постелить и когда.

Я онемела. Глаза то на маму, то на доктора перевожу, а понять ничего не могу. А доктор тоже остолбенел, дар речи потерял. Потом неловко так назад попятился. А там таз с мыльной водой. Я рукой машу, предупредить пытаюсь. А голоса нет. Ну, он и сел со всего маху в мой тазик с земляничным мылом.

Ему бы замереть, так нет же – он встать попытался сразу. Ситуацию под контроль взять, что ли. Да так неуклюже, что вместе с тазиком и стулом наклонился – сначала на одну сторону, потом на другую, потом назад... В таком положении и замер на несколько мгновений. Ноги пола не касаются, вода из таза в штаны впитывается, глаза из орбит выпирают. Мы на него уставились и тоже замерли. Ждём. Вода, видать, впи-

талась в штаны, равновесие перетянуло доктора дальше... назад. Он и полетел через спинку стула. Грохот, крик...

Я не нашлась, чем подсобить, и брякнула первое, что с языка слетело:

– Доктор, а вы обмочились!..

И рот ладошкой прикрыла. На маму смотрю, а у неё слёзы на глазах, и смеётся мамочка, как раньше смеялась, весело смеётся. Руку перевязанную другой рукой придерживает.

Доктор, наконец, вскочил на ноги, а тазик сзади прилип, как банка лечебная. Он его отрывает, а тот ни в какую. Кое-как справился и к дверям вприпрыжку.

А мама ему вслед:

– Дедушка ваш покрепче был. Он на людях в тазики задницей не садился. Я это точно знаю. Дома другое дело, но об этом нам неизвестно. Поаккуратней, молодой человек, повнимательней! Спасибо вам большое, что уделили внимание старушке! Теперь и помирать можно со спокойным сердцем. Простила я Вашего дедушку, совсем простила. Вы мне помогли в этом деле. Дай Бог Вам здоровья! Не держите зла, юноша. Прощайте!

Я эту историю родственникам рассказала. А зять – младшей сестрёнки муж – он у неё смешливый. Палец покажи – он уж готов со стула на пол укатиться. Мамочку отпевать должны были утром. Вот мы ноченьку с ней и разговаривали. Прощались. Вспоминали жизнь мамину, доброту её, характер беспокойный. Когда дошла до того места, когда тазик к Нодельману приклеился, то не только зять, а вся родня со смеху покатилась. Ночь глубокая, мамочка под образами лежит, у нас траур, плакать надобно, а мы всей роднёй в хохот до слёз. Я давай успокаивать зятя, а он ни в какую. Нервы ещё у всех... Что соседи-то подумают?..

Порадовались мы за нашу мамочку, от души порадовались. С лёгким сердцем она к папе ушла. Царство Небесное моим мамочке и папочке! Царство Небесное!..

Другие времена

Часть 1

Глава 1. Валюшка

В конце войны мы переехали в двухэтажный восьмиквартирный дом. Дома принадлежали железной дороге. Коридорного типа, по две семьи в секции, кухня на двух хозяев. Нашими соседями оказались Александр Ермолаевич и Хаврония Селивёрстовна Кулики.

Старший Кулик – инвалид, сапожничал. Своим мастерством славился на всю округу. Туфельки шил – куда там фабричным. Каждая новая пара – шедевр, произведение искусства, да ещё в единственном экземпляре. Штучный товар, так сказать.

Хаврония Селивёрстовна – мы её тётей Надей величали – трудилась на Паровозовагонном заводе сменным мастером.

Дочь Валюшка проводником на скором «Москва – Владивосток» в купейном вагоне с голубыми шторками на окошках колесила по необъятным просторам нашей Родины.

Любой мало-мальский полустанок с закрытыми глазами угадать могла. Её хоть ночью разбуди, она по петушиным голосам станцию распознает. Бабушек, что торгуют на перронах горячей картошкой да пирогами с той же картошкой, по именам величала и отчествам.

Александр Ермолаевич частенько ворчал на кухне за ужином:

– Не работа это, а сплошное баловство с грехом пополам. Одной против сотни пассажиров выстоять, и не факт, что в другой раз повезёт с какой сволочью не встретиться.

Потом глаза прищурит и добавит с усмешкой:

– А в мавзолее сколь раз была? И не вспомнит уж сколь. Забегу, говорит, поздороваюсь с дедушкой Лениным, горсточку ирисок на мраморной стенке оставлю – и бегом по магазинам заявки исполнять. Ухохочешься с ней. Он, Ленин-то, поди, нашу Валюшку издали привечат, ворочается от нетерпения, беспокоится, как бы в дороге не случилось чего, не приведи Господи. Прикормила ирисками, вот он и ждёт её по расписанию. Как тут опоздать, когда сам Ленин волнуется? В другое-то время он бы её на перроне с цветочками встречал. Не судьба, видать!

А сам улыбается в густые усы, глаза щурит от удовольствия. Рад за свою Валюшку, доволен, что самостоятельная доченька и добрая очень.

Ириски эти – «Золотой ключик» – и правда, вкусные. Только одна беда – зубы можно живьём повываскивать, такие прилипучие и занозистые – спасу нет.

В вагоне у Валюши порядок. Одних благодарственных записей две тетрадки исписано. Начальство её ценит! Мягкий вагон доверили. И она не подводит – всегда опрятная, приветливая, с доброй улыбкой и весёлыми глазами. Хорошо с ней, уютно в дальних поездках людям добрым.

Славная дочка у Куликов выросла, справная невеста. Замуж ей пора, времечко подошло, расцвела, как цветочек аленький. Не ягодкой надо замуж, а цветочком поспеть.

Цыганка в Ярославле нагадала. Так и сказала:

– Будет тебе жених, красавица. Осенью свадьбу сыграете. Добрый хлопец, богатырь!

Так прямо и заверила:

– Осенью!

Валюшка за голову схватилась: тут кого до осени? Конец июля! Не успеешь оглянуться...

Разволновалась девка, давай цыганку пытаться:

– Ты намекни хоть, тётя, местный он аль на дороге встретится?

Цыганка только усмехнулась, глазами сверкнула темнее ночи, а на прощание крикнула:

– Ты, милая, об него какой год запинаешься. Потому и не выются вокруг тебя женихи, что медведь у калитки сторожит. Глаза-то раскрой свои карие, оторви их от звёздочек – с ним и встретишься. Богатырь! Это тебе подсказка, чтобы сердце уберечь от пустых хлопот. Запомни: богатырь!

Крикнула и растворилась в вокзальной сутолоке.

Валюшка пять раз повторила: «Богатырь, богатырь, богатырь... богатырь, богатырь...» И уже на третьем повторе её осенило: «Тимоша, что ли? Вот так номер, туз козырный», – брякнула она невпопад. Потом вдруг покраснела до кончиков... и прыснула в косынку: «Прости меня, тётя Груня, не обессудь свою соседку заполошную, это не я, это цыганка нагадала. А Тимоша – он и есть натуральный богатырь – тут ни дать, ни взять. Мой Тимоша... цыганка нагадала!»

И закружилась девчоночка по перрону, словно балерина. «У меня жених нашёлся – Ти-и-и-мо-о-о-ша-а-а-а...» – одними губами кричала Валюшка, да так, что у тёти Груни в Улан-Удэ сердечко остановилось с перепугу, а Тимоха поперхнулся огромным вареником с картошкой.

Вареники, будто подушки на кровати, возвышались горкой над столом и аппетитно желтели золотистыми боками, подрумяненные в чугунке на топлёном сале с поджаренным луком...

Глава 2. Витёк

Сын у Куликов, Витька, с характером уродился малец. Старше Валюшки года на два-три. Справедливый парень, страху в нём и в помине не было. И не понять сходу – на радость, на беду ли таким удался?

Как говаривал Александр Ермолаевич: «Нашему Витюхе надо было года на три-четыре пораньше на свет Божий появиться. Не угадали, промахнулись мы с матерью малость. Такие парни для войны задуманы, им в мирное время жить одна морока».

На дух не переносил Витёк подлецов любых мастей. Особо не разбирался, жалел тратить время на пустое занятие.

Встала, к примеру, какая сволочь на пути, Витькина финка тут как тут – ладошку теребит, торопит, чтоб не опоздать, не даёт хозяину засомневаться. Блеснёт тусклым светом, заглянет худому человеку туда, где совесть живёт, разбудит её, улыбнётся холодным оскалом – и назад, за голяшку.

Подлецы частенько хорошими людьми становились после встречи с Витьком и его финкой. Урок на всю жизнь усваивали. Самая никудышняя совесть проснётся, когда столь страху за один раз...

А сколько людей на путь поставил, с того света да на этот «прокатил»? Уважали парня и по ту сторону колючки, и по эту. Два срока за свою финочку схлопотал. Третий не в счёт, но об этом позже.

Молодой, горячий, ловкий. А что тут удивительного? Вырос-то среди отцовских ножей, сам сапожным искусством заразился. На зонах такие штиблеты мастерил – не хуже тятиных – загляденье, не штиблеты.

Александр Ермолаевич шибко гордился сыном, крепко любил своего «фулигана». Придёт, бывало, Витёк на «побывку», а в нагрудном кармане пиджака сберкнижка, а в ней деньжищи «пищат», им тоже не терпится на волю выпорхнуть.

Косая сажень в плечах, ноги колесом, наружностью монгол монголом. Красавец! Всё в нём ладно скроено да подогнано. Девки головы теряли, стоило ему из-под козырька пятиклинка весёлыми глазами сверкнуть. Чингисхан в натуральном виде. Спасу от него никакого ни девкам, ни вдовам. Как мухи на мёд, слетались со всей округи. И пока не отведают медку – не утолят голод земной с небесным пополам – не угомонятся.

Годами Витёк жил на свежем воздухе да на режиме. Ему только на пользу отсидки эти.

«Мои университеты», – смеялся парень. А учителя какие! Таких на воле и днём с огнём не сыскать. Не фальшивят, не прогибаются. Крепко усвоил, как выжить и... человеком остаться.

Зоны в то время интересными людьми заселяли. От воров в законе до героев фронтовиков, от простых мужиков до

дворян-интеллигентов, от учёных философов до истинных староверов. Все под одними звёздами в мёрзлую землю ложились. С разорванными сердцами, с молчаливым криком, с единой надеждой, что заступится Господь за родных, не позволит отдать на поругание любимых.

Верили!

Гнули мужика русского, ломали пополам, не глядели на медали, не замечали орденов, срывали погоны, рубили головы.

Витёк не отворачивался, боялся правду проглядеть – всё, что видел, что слышал, запомнил на всю жизнь. Страшную правду те люди знали, пополам с кровью она. Бежать от неё некуда и поговорить не с кем.

Колючку не замечал. В его молодые годы колючка – что туль на окне. «Жизни впереди столько... Успею пожить, успею испытать. Какие мои годы?» – рассуждал Витёк.

В военное время у Александра Ермолаевича в мастерской частенько собирались фронтовики. Заходили на огонёк покалеченные солдаты. Кто на костылях, кто на тележке самодельной, кто без руки, кто без ноги, а кто и без того и другого. Поговорить, повспоминать, поддержать друг друга и тех, кому совсем не вмоготу. Отогревались чайком, а когда и водочкой, песни пели, слёз не стеснялись.

Много разных мыслей накопилось у людей бывалых, вопросов серьёзных. А куда с ними, с вопросами? И с ней куда, с правдой своей, солдатской? Не закричишь на весь мир, и пожаловаться некому.

Такие статейки за правду подбирали. В одну сторону статейки. Уйдёт такой человек – и с концом... Редко, кто возвращался. А те, кому повезло уцелеть, не факт, что и себя помнили. «Непомнящими» становились – Иванами, Петрами, Степанами...

Может, и помнили что, но виду не подавали, замыкались в правде своей, до последнего вздоха молчали. За родных боялись. Бога молили, чтоб защитил от палачей, от своих... «палачей». За детей молились, за жён, за любимых.

Так и шли в одну сторону, не мечтая, когда-нибудь вернуться.

А Витёк тут как тут – всё слышит, всё запоминает и, кажется, видит то, что видеть не должен.

Среди фронтовиков был один, не похожий на других. Не из местных. Заметно было, что провернула его жизнь, не пощадила. Дала понять – супротив неё лучше не перечить.

Степаном Яковлевичем звали-величали солдата. Из казаков родом, разведчик, из пластунов. Таких, как он, с детских лет войне обучают. Около года он в гости к Александру Ермолаевичу приходил. Этот год Витьку и посвятил. Многому обучил паренька – благо ученик на лету всё схватывал. Степан полюбил мальчишку, к себе приглашал:

– Тебе, Витюха, к нам надо подаваться на Дон. Уж больно ты на нашего смахиваешь, на пластуна. Науку воинскую экстерном сдашь на отлично.

А пацан, и правда, с финкой, как циркач, управлялся. Она продолжением его рук стала, грозным и справедливым.

У Степана одной руки до локтя доставало, но эту его недостачу совсем не заметно было. Нет руки, а приглядишься – вроде на месте.

Он как-то по весне в магазин зашёл, купил пару бутылок водки для компании честной да закусить кое-что. Деньги-то «общественные» на руках были. А тут шпана великовозрастная откуда ни возьмись. И не шпана даже, а самые что ни на есть бандиты. Настоящие. Из таких, которые кодлой на инвалида. А самое обидное то, что они языки распустили. Словами плохими Степана Яковлевича унижить попытались.

Предложил Степан извиниться парням. Куда там? Они пуще прежнего: «Доходяга, орден чужой нацепил, мы тебя сейчас заставим г...о жрать».

И кто тут сдержится? Кому после этого жить захочется, не сломав хребет извергам?

Степан не был исключением, скорее наоборот, для таких, как он, УК сочиняется. Сломал пятерых за один выдох. Да,

видать, не рассчитал малость. Руки-то не одинаковые. Он и постарался правой рукой помочь укороченной левой. Но та и сама не подвела – управилась на славу.

Перешагнул обидчиков, оглянулся, сплюнул с досады. А потом улыбнулся и похвалил себя: «Молоток ты, Стёпка! И рука-то видать прирастает, когда в ней надобность появляется. Вот чудеса в решете...»

Зашёл в избу, разлил водку по гранёным стаканам, орден рукой согрел. Улыбнулся честной компании, Витюху обнял, поцеловал в темя, попрощался с однополчанами и ушёл. Никто его больше не встречал. Совсем ушёл. На свой Дон видать подался. Куда же ещё?

Глава 3. Тимоха

На той же площадке, напротив Куликов, жили тётя Груня (Глафира Прокопьевна) со своим ненаглядным Тимошей. Глафира Прокопьевна всю сознательную жизнь отработала в торговле. На тот момент заведовала райпотребсоюзским магазином.

Женщина видная – красавица. Из забайкальских казачек. Энергичная, обстоятельная.

Одна беда – детками не успела обзавестись. Валюшку Куликову любила, как доченьку родную. Угощала разноцветными «Монпасье» из красивой баночки, прижимала к груди, целовала в завитушки и вздыхала: «Ох ты, Боже мой, за что мне така судьбинушка? Пошто нас с Петрушей разлучили так скоро и пошто навсегда?»

Муж её, Пётр Васильевич, погиб под Москвой. Тогда половина сибирских батальонов полегло, защищая Белокаменную. Прошли по Красной площади, на Кремль обернулись, сообразили, что к чему – и всё, больше уж не встретились друг с другом ни площадь Красная, ни бойцы Сибирские. Какие мужики домой не вернулись!

«Могилы братские – кресты да звёздочки. Эх, время времечко – друзья да недруги...»

Как только языки поворачиваются у нынешних супостатов супротив нашей победы сомневаться?

А в те годы одна половина России с войны не вернулась, другая половина за первую жить спешила.

Тимофей был родом из Ярославля, потому, видать, цыганка и разглядела судьбу Валюшкину, что земляки они с её суженым.

На войну призвался в первый месяц, хотя в ту пору ему только 17 лет и исполнилось. Но когда он в кабинет к комиссару заглянул, тот о документах и не вспомнил. Тесно в помещении сделалось от Тимохиной стати.

В роду у Тимофея Перегудова только и были что кузнецы. Дед – кузнец, прадед – кузнец, прапрадед – кузнец, и так до седьмого колена одни кузнецы. До того самого времечка, когда первый раз молот по наковаленке ударил. Родич Тимохин тем молотом и ударил. Кто бы сомневался, да только не ярославские. Блоху подковать? Этот номер в роду у Перегудовых спокон веку забавой считался.

Полюбил Тимоша тёплую кузнечку с малых лет. В ней, как в люльке, засыпал под распрекрасный звон железный, на сказку похожий. Ни песочницы, ни куколки тряпичные не привлекали мальчугана, ни рогатки дальнобойные. Хотя нет, тут как раз, наоборот, без рогатки из дому не выходил.

Потому и воевать в танкисты попросился. Но военные в комиссии только переглянулись, а потом дружно рассмеялись. Седой полковник вежливо разъяснил пареньку: «Эх, парень, не сконструировали такой танк, чтоб тебя с головой в нём спрятать. Давай ко мне в артиллерию. Мне такие богатыри позарез как нужны!» Было бы предложено...

Так со своей «сорокопяткой» и прошагал Тимофей Перегудов войну Великую, от края и до края. Много чего повидал на дорогах фронтовых. Настоящим воином стал.

Не думал солдат, не гадал живым вернуться, уцелеть не мечтал. Сколько раз с глазу на глаз со смертушкой своей переглядывался. Пощадила родимая. Чуток полоснула под конец войны пулемётной очередью по могучей Тимохиной груди, орденами да медалями украшенной. Дохнула на сердце

богатырское стужей студёной – и отступила. Видать, приглянулся ей парень, решила в запасе придержать молодца.

Да и пушечка-«сорокопятка» не подвела ни разу. Не напрасно он её на руках, будто невесту, носил. Жалел лишний раз в грязи испачкать, всё норовил горбушку свою под её тыл подставить. И за наводящего, и за заряжающего управлялся. Не брала его ни пуля, ни картечь. Так, царапинки да шишки с синяками.

Командир батареи любил пошутить: «Тебе, Тимофей Перегудов, лошади не полагаются, ты сам за пару коренных управляешься. У всех, как у нормальных людей, под кашу котелки приспособлены, а у тебя – каска с горкой. У солдат винтовка за плечами, а ты с «дегтярём», вроде с зонтиком, разгуливаешь. Тебе не напослать, ты с ним и в баню погрёшься, и на ... к невесте на свидание. Ну что за бугай уродился? Как немцу с тобой воевать? Он, немец-то, с твоей стороны уж попустился фронт испытывать на прочность. «Паулюсы» об тебя всю эмаль с зубов скрошили. Гитлеру оскомину на загривке набил. Он, Гитлер-то, как прознает, что ты на бугорке каком объявился, руки к земле опускает. Генералам своим советует: «Не-е-е... – предостерегает их, – с этой горки лучше не соваться. В том месте Тимоха Перегудов фронт сторожит. Обождём, пока он по нужде отойдёт. Как приспичит Тимофея, тогда и войну продолжим...»

И только самурай японский, камикадзе по-ихнему, изловчился и чуть было весь артиллерийский арсенал собой не подорвал.

Тимофей его упредил, но ту очередь из крупнокалиберного на себя принял. Половину наград пули насквозь прошли, а другую – в могучую Тимохину грудь вбили.

Их потом доктора на одно блюдечко раскладывали: пули, медали, ордена и Тимохины косточки.

Японца победили, а Тимофей в госпиталь угодил, в Улан-Удэ. Выходили парня. Как не выходить, когда его такая жизнь поджидала распрекрасная! Такая судьба счастливая!..

Глава 4. Встреча

Из госпиталя Тимофея выписали ближе к весне. А зимой, когда ещё числился в лежачих, его навестили отец и мама. Живы-здоровы, слава Богу! Погостили больше месяца, жили тут же, при госпитале, ухаживали за сыном, насмотрелись на своего родненького, звали с собой, в Ярославль.

Но не отпустила солдата Земля Сибирская. Чувствовал парень, не случайно в этих краях очутился. Кто-то его тут поджидает. Кто? Вот вопрос, от которого волны горячие простреленную Тимохину грудь будоражили.

Город Улан-Удэ, будто гнездо ласточкино, на скале прилепился. Так ему в первый день показалось, когда глаза открыл и с солнышком перемигнулся. Показалось, и всё тут... Симпатия у них родилась взаимная, будто старые друзья встретились через много лет.

В госпитале познакомился Тимофей с хорошим человеком. Оказалось, мужчина этот на Паровозовагонном заводе главным инженером работает. Иннокентий Степанович, так его величали. А как услышал инженер, что солдат – кузнец в седьмом поколении, так сразу и предложил:

– Давай к нам, герой, нам такие богатыри тоже, ох как нужны нынче, позарез как нужны. И с жильём поможем, и коллектив у нас дружный, и традиции соблюдаем правильные. А девчат сколько! И какие девчата! Сам убедишься. Не пожалеешь, гарантирую!

А мы знаем: было бы предложено...

К тому времени, как родителей провожать, Тимофей уж на своих двоих бодренько передвигался. На медведя походил после спячки: осторожно шагал, побряхтывал да метляков с глаз ладошкой сметал. На поправку шёл, силы день ото дня прибывали. Да и как не прибывать – красота-то вокруг какая. Тут жизни хоть сколько отмеряй, а её всё одно мало покажется.

Сибирь!

В те годы сибиряки всё больше на кедрач походили, на берёзки да на сосны вековые. Никто не мешал кверху тя-

нуться, до самых облаков вырастали. С Богом разговаривали, из его уст истину принимали.

Было времечко! Эх!..

Обнял Тимофей родителей на перроне, успокоил:

– Не на войну, на работу призываюсь. Не переживайте! Душа не на месте. Успокоюсь малость, осмотрюсь, чует моё сердце – неспроста я тут остановку сделал. Вон, и Байкал к себе манит, хотя виделись мы с ним только из теплушки.

По громкоговорителю объявили:

– На первый путь прибывает скорый поезд «Москва – Владивосток», стоянка десять минут.

Прогрохотал паровоз, накрыл с головой тёплым туманом, оглушил приветливым гудком, зашипел, перевёл могучее дыхание, успокоился, чихнул пару раз и остановился.

Распахнулась дверь в мягкий вагон, а на пороге девица-красавица. Глазищи карие, добрые, сама смеётся, на ласточку похожая. Тимофей аж перепугался: сейчас взмахнёт крылышками и упорхнёт к сопкам синим, такая она чистая и лёгкая.

Ноги подкосились, присел солдат на фанерный родительский чемодан, обтянутый коричневым дермантином. И тоже, вроде паровоза, чихнул ни с того ни с сего, потом кое-как выдохнул из пораненной груди:

– Она... её ищу... выходит, нашёл... не потерять бы...

Отец покосился на сына, потом на проводницу, улыбнулся, обнял мать и указал взглядом на весёлую девчину:

– Не оплошат Тимоха – нашей будет! Хороша девка, живая, кровь с молоком... Ух!

Потом окликнул девушку (а это, как вы догадались, была Валюшка Кулик) и грозно – то ли в шутку, то ли всерьёз – предупредил:

– Будет свататься сынок наш, ты уж не откажи, милая. Он парень на все руки мастер, только за девками ухаживать не научился. Война! С фрицем без стеснения, ломал его пополам, а с девками... трусоват пока. Ты его того – сама надумь да подтолкни коленкой под одно место. Я ни тебе, ни ему не прощу, если нас с матерью внуками не порадуете.

Валюшка рассмеялась, руками всплеснула, покраснела от волнительного переживания, но ответила серьёзно:

– И что мне прикажешь с ним делать, свёкор дорогой?

Подумала малость и добавила:

– Хотя... я соображу, что... к чему...

Но Тимоху разглядывала внимательно и, видать, осталась довольна его внешностью и скромностью.

– Хорош! Не откажу, подтолкну, так и быть. Таких женихов нынче и днём с огнём не сыскать. А ты, добрый молодец, запомни – я ведь местная, из города Улан-Удэ буду. Даст Бог, свидимся. Узнаешь? Надеюсь, не отвернёшься?

Тимоха привстал с чемодана, распрямился во весь свой богатырский рост, улыбнулся весёлой проводнице и заверил:

– Не отвернусь, так и знай, не отвернусь...

По громкоговорителю объявили отправление скорого «Москва – Владивосток».

Обнялись Перегудовы, перекрестили родители Тимохин лоб. Мама всплакнула, отец тоже слезу уронил – не горькую, радостную слезу. У Валюшки сердце опрокинулось, потом встрепенулось и запело. Сначала сердце, потом и Валюшка подхватила:

Не надо мне, не надо было

Любви навстречу столько лет спешить.

Я б никогда не полюбила,

Но как на свете без любви прожить?

Глава 5. Коллектив

В апреле в кабинет главного инженера Паровозовагонного завода постучали. Дверь распахнулась, и в проёме показался военный.

«Фронтоник», – отметил про себя Иннокентий Степанович, ещё не разглядев, как следует, посетителя, зато он ясно уловил, как позвякивают медали на солдатской груди. Солдат перешагнул порог и остановился, не решаясь двинуть-

ся дальше. Знакомая фигура в «полном боевом» заполнила просторный кабинет.

– Брат ты мой, Тимофей! Проходи, проходи... дорогой ты мой, иди-ка я тебя обниму! – радостно воскликнул Иннокентий Степанович.

Тимофей тоже обрадовался: признал инженер, видать по всему – поджидал.

А Иннокентий Степанович спешил навстречу, он шёл, широко раскинув руки, улыбался и всё повторял:

– Пришёл! Молодец! Молодчина! Ну, герой, теперь уж не отпущу, даже не мечтай!

Обнялись, как родные, похлопали друг дружку по спинам, крепко пожали руки, стояли друг напротив друга и улыбались.

После войны так и было – кто выжил, с каждым днём всё родней и родней становились. Казалось, страшней, чем «война народная», нет на белом свете испытаний. Одолели врага, слава Богу! На радость, правда, сил не осталось. Одна надежда на время, но и оно не для всех «доктор». Столько горя – солнца не видать!

Поговорили о том о сём, посмеялись, чайку попили из тонких стаканов в подстаканниках. А когда услышал Иннокентий Степанович, что Тимофей до сих пор при госпитале квартирует, вызвал секретаршу и дал ей такое поручение:

– Найдите, Надежда Филипповна, нашему герою такую комнатку, чтоб он о своём Ярославле долго не вспоминал.

Подумав, добавил:

– К Аграфене Прокопьевне его поселите, у неё одна комната пустует. Пусть позаботится о солдате. Глядишь, и сама оттаёт сердечком, а то совсем почернела от печали своей вдовьей. Смотреть тошно. А какая красавица – глаз не отвести. Одна беда – неживая её красота, будто листочки на берёзе без света пожухли. Так и она – без огня внутри живёт... А пока суть да дело, пойдём, Тимофей, я тебя с коллективом познакомлю. Не простой народ у нас, с хитринкой мужики, случайных нет, в основном фронтовики. После победы на родной завод воротились. Не все... сам понимаешь...

Кузнецы с любопытством разглядывали солдата, с недоверием. А один, дотошный такой, привязался к Тимофею... с ухмылочкой так:

– Докажи, да, докажи, что ты силу в руках имеешь, чтоб к железу тебя подпустить. Тут тебе ни фабрика трикотажная, тут паровозы и вагоны. Если слабак, то лучше и не суйся к нам. Беги, паря, пока не поздно на все четыре стороны, а то с позором придётся пятиться.

Тимофей вздохнул, будто деповский паровоз, по сторонам посмотрел, а потом вспомнил, что на улице рельсы на шпалы укладывают, да костылями крепят.

Вышел на воздух, коллектив за ним. Приблизился к мужикам, которые костыли в шпалы забивают, окликнул одного, придержал руку с кувалдой, попросил передохнуть. А костыль почти весь в шпале спрятался, только шляпка и торчит, одного удара не хватило, чтоб её в железной прокладке утопить.

Нагнулся Тимофей, подсунул пальцы под шляпку, замер на мгновение, напрягся легонько и потянул на себя. Костыль плавно пополз из шпалы наружу – у мужиков брови... к небу.

«Дотошный» закивал курчавым чубом:

– Силён, дядя! Тебе впору паровозом работать, ну, на худой конец – на «дрезине» вместо дизеля урчать

Мужики тоже одобрительно «крякнули».

А «дотошный» не уgomонится – забил костыль назад, в шпалу и на Тимохин манер потянул наружу. Потом тянули по очереди: кто с тем же «кряком», кто со смехом, а кто и со словом крепким. Ни в какую!

Подошёл рабочий с кувалдой, размахнулся и вогнал железный штырь на место. Усмехнулся, сбросил верхонки, подкурил самокрутку и прокомментировал увиденное:

– Я лет двадцать эти костыли в шпалы вбиваю, но ни разу не наблюдал, чтоб их назад пальцами вытягивали. Этот герой для серьёзного дела задуман. Ну и силища! Любо-дорого посмотреть. Отколь вы его заманили? Таки мужики, как золотой фонд, в запасниках хранятся. Видать, приспичело, коль достали.

А коллектив обступил Тимофея с четырёх сторон. Завязался мужской разговор. Послышались номера частей, названия фронтов, фамилии командиров, а кто-то уже кричал:

– Дык я тебя знаю, паря! О тебе каких историй не пересказывали ... Мы ведь бок о бок, считай, воевали. Как от Москвы упёрлись флангами, так и не расцепились до Берлина. После смены полным составом ко мне! Однопольчанин объявился!

Тут, как говорил генералиссимус Суворов: «Портки продай, а четверть на стол обеспечить!»

– Иннокентий Степанович, милости просим до нашего блиндажу!

Мужики обрадовались:

– Есть причина! Ещё один солдат домой живым воротился!

Глава 6. Аграфена

В субботу вечером Тимофей перебрался к Аграфене Прокопьевне. Комната оказалась уютной и светлой. Два окна выходили в противоположную сторону от двора. Перед окнами палисадник, в нём рябина и две берёзки, посередке клумба с васильками, дальше поле, за полем лес, за лесом озеро, а там и до тайги рукой подать.

Тётя Груня так и заявила:

– Комната всё равно пустует. Куда мне две? Мне и одной за глаза.

А когда увидела «Тимошу», то первое, что пришло на ум: «Усыновлю мальчика!»

Потом пригляделась внимательней и поняла: «Нет, пожалуй, с таким сыночком мне не совладать, я его лучше для его же счастья сохраню. Молодой он больно, хотя и я не старая. Поживём – времечко покажет. Хороший хлопец, скромный и по всему видать – настоящий мужик, надёжный. Такому не вдовье горе, ему любовь девичью испытать надобно, да такую, чтоб до краёв... и всю жизнь только о ней помнил.»

Аграфена Прокопьевна со всех сторон женщина привлекательная. К тому же на руководящей должности какой год!

Доверяет ей начальство, и она тем же платит. Дорожит доверием, не подводит людей добрых. План, ассортимент, отчёты, балансы – всё ладится, везде порядок. Огня только нет – тлеет в груди, тлеет, а пламя не возьмётся...

А тут на тебе – таким теплом повеяло, будто горн кузнечный в квартиру внесли да раздули огонь жаркий. Такая силушка молодецкая половицы прогибает! Дух захватывает. Совсем покой потеряла бедная женщина. Распрямилась спина, плечи, что крылья у ласточки, глаза светятся, солнышку улыбается, вот-вот полыхнёт пожар в груди. Одно прикосновение – и «в омут с головой». Потом уж не потушить! Всё в пепел... Это поутру: солнышко ласковое, рожь золотая, цветочки полевые, жаворонок, что звезда с неба... ласточки да стрижи в глаза заглянуть норовят. Но это потом, а сначала – угли да пепел! Такой пожар, такой... кто любит, тот поймёт! Мается Груня, не спится казачке, о нём мечтает, о Тимошеньке.

Вспомнила, как мелькнуло счастье птицей ночной, не удержала в руках. Вырвали вороги, унесли в край далёкий, с концом унесли. «Не вернётся прежнее, а как с чужим поступить? Вот заботушка на мою голову!» – шептала Груня ночью бессонной. Из последних сил держалась. Не сопротивлялась уж – поджидала, знала: «одно прикосновение»...

Это всё Тимохина смертушка так распорядилась, когда из крупнокалиберного по груди полоснула. Полоснула и спохватилась – вспомнила, что в Улан-Удэ бедная вдова от горя горького к жизни интерес потеряла. Решила смертушка: «Пусть встретятся хорошие люди, встретятся да налюбуются. Герой-фронтовик да казачка гордая. Там посмотрим, как с ними быть. Сейчас-то работы поменьше, война закончилась, надо помочь людям русским счастья испытать да не проглядеть никого. Тоже заботушка. Но лучше так, чем всех под пули да на плаху».

Красавица Аграфена Прокопьевна, и годами молода, в самом соку, как говорится. И Тимофею не до сна. Грудь ходуным ходит – вот-вот раны откроются от «крупнокалиберного».

Как там всё случилось? Неважно «КАК». Не наше дело. Но то, что «прикоснулись», об этом жаворонок всем расстрезвонил...

И правда, будто горн раздули в доме у Аграфены Прокопьевны, тепло стало, свет из окон льётся. Так и случилось – «одно прикосновение».

Это время для Груниной любви припасено было. Никого вокруг – только Грунечка и её Тимошенька.

А дальше? А дальше ещё красивше...

Понимала Аграфена, что не пара они с Тимошей. Ему деток рожать, у него сердце из света. А у неё любовь с горем пополам. Кричит её любовь обидой горькою, по ночам слезами обливается. Не забыть ей своего Петра Васильевича, один раз отмерили казачке полюбить. И ничего с этим не поделать.

Отдыхался солдат рядом с Груней, к жизни попривык мирной, и она отогрелась около богатыря – пора и честь знать. Но одно дело рассуждать, и совсем другое – отпустить сокола ясного на волю вольную.

А как-то проснулась Аграфена посреди ночи и понять не может, что с ней? Радость нежданная разлилась внутри – самая настоящая бабья радость. И толкает эта радость голой пяточкой в Грунино сердечко.

Приложила руку к животу – вроде нет живота, а пяточка есть. Так и пролежала до утра с улыбкой на лице.

А утром написала заявление о переводе в родной город, в Читу. Родственники давно приглашают. Отец, мама, сёстры, братья, тёти, дяди – все в одном месте живут. А тут всё одно к одному, да и сама истосковалась по родному Забайкалью. Решила Аграфена «сосватать» своего Тимошеньку за Валюшку Кулик, любимицу свою. Вынашивала эту мысль давно. Отгоняла, а тут даже обрадовалась, что так всё складывается.

Не слепая – примечала, как Валюшка на Тимошу заглядывается. А из последней поездки, так совсем сама не своя вернулась. Глаза прячет, в гости не заходит. Что-то неладное с Валюшкой...

Цыганка! Она и подсказала Валюшке:

– Богатырь! Рядом он! Какой год об него запинаешься...

Это ж надо как всё повернулось: и свёкор на вокзале настоящим оказался, и обещания нешуточные, и Тимофей глаз

не прячет. Поняла Валушка: суженый он её. Другому не бывать, потому что «медведь сторожит у калитки».

– Надо ж, повезло-то как, совсем рядом. Эх, с тётей Груней придётся поссориться в пух и прах, но тут уж ничего не поделать. За своё счастье я готова бороться...

Глава 7. Лото

Из кухни доносился весёлый с хрипотцой голос Александра Ермолаевича:

– Гуси-лебеди – 77, барабанные палочки – 11, «двадцать девок, один я – куда девки, туда я» – 29, «туды-сюды, как свиньи спят» – 69, дед – 90, а сколько тому деду годов? «Вот те раз – полста пять» – 55! Какой же это дед, в самом деле? Хавроньюшка, а ну признавайся: похож я на деда аль на рубаку лихого?

– Ты зубы не заговаривай, артист одиночного жанра, лучше бочонки перемешай. Руки... руки-то на виду держи и не зажимай мешок коленками? Снова мухлюешь, старый вурдалак? – распылялась Клара Ивановна.

Игра была в самом разгаре, а точнее достигла точки «невозврата». Приближался момент «закипания», а это всегда заканчивалось одинаково. Раздавалось громоглазное: «А у меня низок, будьте любезны!» Все замирали... Разгорячённые немислимыми манипуляциями «банкомёта» участники игры, казалось, готовы были за это самое... «у меня низок» прибить крикуна на месте. Со смешанным чувством досады, нервного перевозбуждения они наблюдали, как Александр Ермолаевич медленно сгребает мелочь в свою ручищу.

Но прежде чем услышать «У меня низок», было трижды объявлено «У меня вершок », потом дважды «У меня серединка, берём половинку» и только потом – развесёлое «У меня низок». И всё это измывательство приправлялось насмешливым «Будьте любезны... пополним наш банчок». Да кто ж выдержит такую пытку?!

Клара Ивановна (соседка со второго этажа, главный бухгалтер трикотажной фабрики – женщина нервная, впечатлительная и утончённая) в такие моменты, как правило, сметала фишки на пол и, чертыхаясь, выскакивала из-за стола, обзывая Александра Ермолаевича: мухлёвщиком, шарлатаном, спекулянтом и... японским шпионом.

– До нитки обобрал! Видит Бог, отольются тебе мои слёзы! Как только руки не отсохнут чужие деньги присваивать! Ноги моей больше на твоей кухне не будет. Спекулянт бесовестный – вот ты кто, Александр Ермолаевич!

Вся в пунцовых пятнах, с капельками пота вокруг курного носика, в цветастом сарафане, ладно подогнанном на красивой фигуре, Клара Ивановна, не оборачиваясь, шумно покидала тёплую компанию.

– Тайфун! И это из-за тридцати-то копеек? – хохотал «простофиля-мошенник», он же «японский шпион», Александр Ермолаевич.

Эта картина повторялась из раза в раз, стоило Ермолаичу оказаться во главе банка и получить мешок с бочонками в своё распоряжение.

Как он умудрялся сортировать бочонки в мешке? Но то, что он их мог различать на ощупь, ни у кого не возникало сомнений.

– Сапожник! У него руки с глазами! Нельзя ему мешок доверять! Пусть на равных правах переживает! Ишь ты – пристроился людей обирать на законных основаниях! – неслоь из коридора и постепенно затихало на лестничной площадке.

Хаврония Селивёрстовна обычно отбирала мелочь у мужа, совала Валюшке в ладошку, кивая в сторону удаляющейся тети Клары:

– Догони, доченька, отдай! Пусть успокоится. Чего она так распереживалась? Бухгалтер! У неё особое отношение к деньгам. Каждая копейка на счету. Чуть что не так – и «каталажка» обеспечена. Бедная – нет, чтобы отдохнуть, так она и тут справедливость отстаивает. Догони... давай-давай, скоренько... успокой соседку...

Но не тут-то было:

– А-а-а-а, совесть заела? Не надо мне чужого, я сама при-
выкла честным трудом зарабатывать! Руки, ноги, слава Богу,
на месте, с головой тоже всё в порядке, и совесть моя чиста.
Пусть твой папка разбогатеет на моих деньгах.

Валюшка возвращалась смущённая, высыпала мелочь на
стол и только рукой махала:

– С вами с греха пропадёшь, честное слово, с копейками
по этажам скакать.

Но уже через мгновение все хохотали от души, пригова-
ривая:

– Шпион ты, Александр Ермолаевич, натуральный шпион
и «лотошный» жулик.

А потом на полном серьёзе обсуждали предложение Кла-
ры Ивановны: «Запретить «японцкому шпиону» использо-
вать «должность банкира» для бесчестного обогащения за
чужой счёт».

Хаврония Селивёрстовна поворачивалась к мужу и грози-
ла кулаком:

– Прибила бы, у-у-у... змей хромой ... ни стыда у тебя, ни
совести. Что за моду взял – доводить бедную женщину до
истерики. Поколотим для профилактики – будешь знать, как
дурить людей на ровном месте!

Лото – это та народная игра, которая объединяла сотни,
тысячи людей, была причиной наших маленьких радостей,
смешных переживаний, неспешных разговоров вокруг уют-
ного самовара. Мы пили чай вприкуску с хрустящим хворо-
стом, посыпанным сахарной пудрой, и душистыми сушками
с маком. Зимними вечерами на кухне собирались соседи из
четырёх квартир нашего подъезда. Было по-домашнему хо-
рошо, спокойно и весело. На час-другой люди забывали о
своих проблемах. И даже Клара Ивановна, наворчавшись
вдоволь, минут через пятнадцать, двадцать возвращалась
с вязанкой сушек на руке. Она, как ни в чём не бывало, с
весёлой улыбкой оглядывала честную компанию и громко
объявляла:

– Ермолаич, с тебя новые «бурки» – до зимы время воз.
Я надеюсь! Не подведи соседку. Я тебе гору денег перета-

скала – тут можно золотые туфельки заказывать, не то что «бурки». И даже не думай «хвостом вилять», вон сколько свидетелей. Обещал? Исполни!

Александр Ермолаевич лихо кричал в ответ, закатив хитрые глаза под потолок:

– Да хоть две пары! Ты только кровать в другую комнату перенеси, а то поставила над самой головой. Японцы – и те не допёрли. У них одна знаменитая пытка – «Вода на темя». А я какой год под тобой маюсь? Пожалей ты старого казака, Ивановна!

Женщина было смущалась, хлопала ресницами, но быстро оправлялась. А когда компания снова покатывалась от хохота, соображала, куда клонит Ермолаич. Она упирала кулаки в крутые бёдра, выставляла левый носок вперёд и в тон Ермолаичу отвечала:

– Не дождёсья, шулер бесстыжий, я тебя нарочно изводить буду. Ты у меня ещё пощады попросишь, а я посмотрю: казнить тебя аль... не помиловать. Книжки читай, коль тебе ночью заняться нечем.

И снова смех. Настроение было приподнятое, все шутили, улыбались, готовились к чаепитию. Мы устали от войны, от горя, от страха, спешили жить. Мечтали о том, что уже завтра наступит счастье, крепко верили в это!

Валюшка незаметно выскользнула из кухни в коридор и с замиранием сердца постучала в дверь напротив. Сегодня утром тётя Груня пригласила её в гости. Они, наконец-то, объяснились. Тётя Грунечка благословила Валюшку. Так и сказала: «Сватаю тебя за Тимошу». Потом они долго говорили, говорили, плакали, смеялись, мечтали... и снова плакали, и снова смеялись. Обе плакали и смеялись от счастья.

Послышались знакомые шаги, и дверь распахнулась. Аграфена Прокопьевна приветливо улыбалась, сегодня она была особенно хороша. Что-то новое появилось в её облики, или вернулось то, что, казалось, было утеряно навсегда. После «похоронки» на глазах угасала красавица Аграфена. А тут – любуйтесь люди добрые, радуйтесь за казачку прекрасную. Сбылось бабье счастье, другого не надо.

Глава 8. Казаки

Тимофей не мог взять в толк: «Ну что такого может случиться, чтобы женщина, вот так – за одну ночь – переменялась до неузнаваемости? Она сама не своя – улыбается и улыбается, а меня вроде и не замечает. Нет, замечает, конечно, но это совсем другое внимание».

Он помнил, как Аграфена в нём души не чаяла, шагу шагнуть не давала. До смешного доходило – засыпал под её казачью колыбельную. Сядет Аграфенушка в изголовье кровати и запоёт тихонько, грустно так:

Не для меня придет весна,

Не для меня Дон разольется.

Там сердце девичье забьется

С восторгом чувств – не для меня...

А вчера ни с того ни с сего объявила:

– Уезжаю я, Тимоша, в родные края потянуло. С родителями повидаться надо, не молодые они у меня. Не дай Бог, случится что – не прощу себя. А ещё в степь хочу в нашу, забайкальскую. Горячим зноем надышаться, холод из груди прогнать раз и навсегда. Душа на простор просится, душно ей в городе. Да и с тобой пора настала расставаться. Хороший ты хлопец, добрый, но... моя песенка на последнем куплете, а твою ещё петь да распевать.

Потом ещё это – за Валюшку давай сватать. С греха с ней пропадёшь, с Груней моей. Прознала, что мы знакомы с Валюшкой, что отец слово с неё взял. А ей и на руку.

У Тимофея голова кругом, грудь простреленная вот-вот треснет по швам от переживаний. Ну что за народ эти бабы? Нет, чтоб за ухват, да своё отстаивать, так нет – она, наоборот, с радостью в чужие руки отдаёт. Ещё бы ленточкой зелёной перевязала да открытку приписала: «На долгую, вечную память»...

Витёк вернулся домой накануне ночью. В этот раз тихо, без всяких торжественных глупостей. Изменился парень, возмужал. В глазах огонь плещется, чёрное пламя в глубине бушует. Не всякий в такие глаза глянуть осмелится. Многие

понял Витёк, многое растолковали люди добрые. Не прошло даром времечко, в лагерях забытое. Судьба по-своему распорядилась, особый интерес к Витьку имела, потому и не щадила. Такую науку преподавала... жизнь перед ним наизнанку вывернула. Смотри, мол, Витёк, запоминай, дальше неси нашу правду, сохрани, а наступит момент – Расскажи о ней людям русским. Пусть помнят, не отступают, пусть не отрекаются от прадедов своих. Грех это великий – забвение!

Каких людей извели за колючкой. Ими гордиться бы, иконы с них писать да храмы украшать. А мы их собаками, в колодцы, штыками... в землю живьём.

С правдой казацкой лицом к лицу встретился парень. Теперь уж не отступит. Решил: до конца с казаками. Крепко обдумал, не с плеча рубил – было время разобраться, что к чему. Объяснили мудрые люди, что судьба рода казацкого на карту поставлена. Спасать надо смелых людей. Как бы не опоздать.

Отцу так и отчеканил:

– Моя это дорога, батя. Слава Богу, указали! Ты меня таким задумал, так что не серчай понапрасну.

Потом ухмыльнулся и добавил:

– Сова не рОдит сокола ... такого ж чёрта, как сама...

Всю ночь просидели Кулики за старинным дедовским самоваром. Пили чай, вспоминали, смеялись, грустили, слёзы крутым чаем запивали...

У Александра Ермолаевича хромота его не на пустом месте выросла. Погулял казак в своё время с шашечкой по просторам забайкальским. Тот ещё рубака был. Под бровями чёрными нет-нет да блеснёт сталь булатная. Сломается бровь, задрожит ноздря, рука воздух ловит: «Эх, нету шашки на бедре, нету подруги верной. Это неправильно!...»

Крякнет Ермолаич, махнёт рукой и задумается. Раскурит трубку, затихнет. Часами так сидит, никого не замечает вокруг. Думу думает старый казак. Мечтает когда-нибудь повидать станичников, живыми бы застать. Не сам, так, может, Витёк доживёт до тех времён.

Понимал отец: не простой дорогой идёт сын – «камни да колдобины, капканы да петли на его пути».

Ночью проснётся, бывало, прислушается, а из груди песня. Поёт сердце, душа подпевает. Как раньше, перед походом. Не сомневался Ермолаич в своём сыне. Повторял и повторял, как молитву: «Дойдёт мой казачок – и вернуться успеет. Так задумано, так тому и быть...»

Послышалось далёкое ржание. «У озера... – отметил Ермолаич, – значит, пора.»

Благословил сына: «С Богом, соколик мой! Не забывай родителей, вернись, когда ...» Чертыхнулся, потом рубанул рукой, будто шашкой кого посёк, крикнул и чуть было не матюгнулся. Спыхватился и замолчал...

Хаврония Селивёрстовна достала старинную икону, поднесла к Витькиным губам, пропела «оберечную молитву», да так красиво, что Ермолаич заслушался и не заметил, как по щеке скатилась слеза. Потом спыхватился, обнял сына, крепко прижал к груди, вдохнул запах чёрных волос и застонал... Тихонько... Только звёздочки на небе мелко задрожали, и капля под ноги упала – то ли с неба, то ли своя. Та, что по щеке...

Глава 9. Прощание

«С первого пути отправляется скорый поезд «Москва – Владивосток»! Внимание провожающих: просьба – покинуть вагоны!»

У седьмого вагона стояли четверо: Аграфена, Валюшка, Тимофей и Иннокентий Степанович. Аграфена по очереди обняла каждого и каждому шепнула своё напутствие.

Валюшке: «Береги свою любовь... хороший он, добрый, надёжный, настоящий».

Тимофею кивнула, прикрыла веки, помолчала, улыбнулась, спыхватилась, подошла вплотную, обняла и одними губами: «Спасибо тебе, добрый молодец, за всё... спасибо! Валюшку береги, она мне, как дочка. Приеду – спрошу по

полной». Потом, что-то вспомнив, засмеялась и добавила: «Спросим ... правда, Валюша?»

Валюшка закивала в ответ: «Обязательно, тётя Грунечка, непременно спросим».

Иннокентий Степанович подоспел перед самым отправлением. Он протянул Аграфене букетик цветов. Это были ромашки – белые-пребелые, чистые-пречистые, – а в серединке алым краснели саранки.

– Степаныч, ты никак в степь слетал, в нашу? На аэроплане обернулся за ночь? Наш цветочек – богдойка – степной, мой любимый. Это тут его «саранкой» именуют, а у нас – «богдойка». Он в наших краях алым цветёт и ярко-жёлтым. В степи такой встретишь – песня сама собой поётся. Эх, станичник ты мой дорогой, давай и с тобой обнимемся!..

Поперхнулась Аграфена, сглотнула солёный комок и молвила:

– Прощай, Кеша, не поминай лихом!

И так она это сказала... так...

– Землячок ты мой... Эх, жизнь... Будь счастлив, Кешенька!

Обернулась к Тимофею и как бы оправдываясь:

– Мы с Иннокентием не то чтобы из одного города, мы из одной станицы родом, соседи, одним словом.

Тимофей виду не подал, но в какой уж раз растерялся:

– Во какие узоры жизнь рисует! Неспроста это... ох, неспроста. И меня в Улан-Удэ не попутным ветром занесло. Как я раньше не допёр?

Он ведь, Иннокентий Степанович-то, и дня не проходило, чтобы не поинтересовался: как да что? И вроде Тимофея спрашивает, а о Груне не забудет, тоже разузнает.

Тимофей аж крикнул на манер Александра Ермолаевича:

– Подкуют меня эти казаки. Не своей смертушкой помру. И не удивлюсь, если в роду моём эти самые станичники заведутся. Куда ни глянь – везде придумки ихние хитроумные в бока упираются. Вот ведь народец! Не придерёшься – «все довольны, все смеются», один я – «пеший рядом с конным, за хвостом кобылым гоняюсь, дурак дураком». Не поспеть

мне в «лаптях»... их загадки разгадывать. И виноватых нет, и кругом одни правые.

Аграфена осторожно забралась в тамбур. С высоты разглядывала дорогих людей. Все что-то говорили, смеялись, но было заметно – непросто им даётся это веселье.

Грунечка прощалась со своим прошлым, навсегда прощалась. Так ей тогда казалось.

А жизнь только улыбалась, наблюдая со стороны, она-то знала наверняка, что это не прощание, а совсем даже наоборот.

Аграфена машинально поднесла руку к животу и легонько пощекотала голую пяточку. И тут же услышала звонкий смех под сердцем, а пяточки забарабанили так, что сарафан заколыхался. «Ах ты, Боже мой! – засмеялась Грунечка. – Казачок ты мой ненаглядный... Стремя ищет – ишь как ножонками сучит. Закончились, Тимошенька, в твоём роду кузнецы, быть нашему сыночку казаком. Атамана ношу под сердцем. Богатыря».

Часть 2

Глава 10. Сын

Свершилось! Тимофей в парадной форме лейтенанта ВВС с лёгким волнением миновал проходную КПП. Позади три года казармы, диплом с отличием, тридцать суток «губы» и солидное число проступков, идущих вразрез с понятием «воинская дисциплина». Врождённое свободолюбие, богатырская сила, полное отсутствие страха и уйма прочих талантов сделали своё дело...

«А ум? – И ум, конечно!» – подсказал Тимоха. Кому? Себе! Кому же ещё?

Слава о его подвигах впереди бежала, как бы предупреждая: «Да поосторожней вы на поворотах, а то с моим хозяином не заржавеет – схлопочете по полной, как пить дать».

Лупил казачок забайкальский обидчиков без разбору. Доставалось и старшим курсам, и шпане городской. Не ща-

дил ни кулаков пудовых, ни лбов чугунных. Трещали и те и другие.

У каждого человека есть черта, за которую не смеют заступиться ни цари, ни императоры. За Тимохину и подавно не смели! Вот за неё-то, за эту самую славу, и был направлен лейтенант Тимофей Бекетов в Забайкальский Военный Округ (ЗабВО) для дальнейшего прохождения службы.

«Повезло! Я еду домой», – радовался молодой офицер.

Тимофей остановился за проходной, обернулся на родное училище, улыбнулся и неожиданно похвалил себя: «Молоток ты, Тимоха! Уважаю!» Строевым отмерил десяток шагов в сторону улицы Советской, круто развернулся лицом к училищу и громко рявкнул: «Служу Советскому Союзу!»

Дежурный офицер хохотнул и весело крикнул вдогонку:

– Гуляй, лейтенант, имеешь полное право! Три дня можешь бровями рулить. Милости просим в родную казарму на ночлег. Три дня! А дальше на общих основаниях, напрямую на «губу»!

– Завидуешь, старлей? Пойдём со мной, не пожалеешь! – пригласил Тимофей.

– Не-е-е... служба, сам понимаешь. Удачи, брат!

– Бывай! Не поминай лихом!

Люди не могли просто так пройти мимо молоденького лейтенанта атлетической наружности. Они останавливались, уступали ему дорогу, потом долго глядели вслед, а на прощанье, не в силах удержаться, восклицали: «Ну ты парень и того... Защитник, одним словом! Любо-дорого посмотреть!»

А Тимоха радовался своей победе: «Я – лейтенант Советской Армии!» – повторял и повторял он. Из неисправимого самовольщика, отличника боевой и политической подготовки, разрядника по боевым единоборствам, круглого отличника, отъявленного драчуна – в офицеры!

Свершилось то, во что мало кто верил. Комбат, подполковник Терещенко, фронтовик, отец родной, пощадил, отстоял парня, уберёг от неминуемой публичной казни.

«За характер», – так на прощание и сказал. Усмехнулся и подкурил сигарету «Шипка», пристроив её в знаменитом,

почерневшем от копоти и таком знакомом мундштуке. Через этот мундштук, подражая любимому комбату, добрая половина курсантов закурили ещё на первом курсе. Курил комбат вкусно и глубокомысленно. В свои солидные годы оставался стройным, подтянутым, справедливым и грозным.

Гоняли в ту пору курсантов вплоть до старшего курса. Да чего там – до последнего дня спуска не давали. Спасибо, что гоняли, иначе и нельзя было. Это в войсках вредная привычка прижилась – молодой, старый, дембель и прочая чепуха. Курсант – он, как затвор в карабине, постоянно на взводе обязан быть. В любой момент – тревога! Тут не забалуешь. Так в голову втемяшат воинскую науку, что и под старость лет хоть куда...

Воспитательной работой будущих офицеров занимались фронтовики. Они были последними, кто помнил, «как было» и «как надо»... Учили так, чтобы сыновья служением своим, не дай Бог, не посрамили памяти отцов.

Тимофеем позднее не раз с уважением вспомнит своих командиров. Это были настоящие воины. Спокойствие, уверенность, бескомпромиссность – в каждом слове, жесте, взгляде. Они умели из разномастной шпаны, маменькиных сынков, демагогов разных мастей воспитать достойную замену. Им было под силу внушить чувство достоинства за выбранную профессию. Ни у кого не возникало сомнений в том, что если понадобится, то... «о себе в последнюю очередь». Нас любила наша страна, нам верили наши люди. Мы гордились тем, что нам выпала честь – Родину защищать.

Умели отцы-командиры и гайки закрутить так, чтобы до кровавых мозолей, и лицо сохранить не мешали. Не перегибали палку, но вели по краю. Из двухсот пятидесяти курсантов на первом курсе офицерские погоны получили чуть больше сотни. Отбор был беспощадный. Случайные в первые месяцы сбегали. Кто остался – до последнего дня под пристальным вниманием опытных комбатов, комрот, взводных и бывалых старшин. Балансировали, как над пропастью. Шаг в сторону – и рядовым куда подальше, вплоть до стройбата.

Курсант Бекетов оказался тем ещё «эквилибристом» и особо не грустил на этот счёт. Жил легко, служил верно, обид за пазухой не таил. Всё на виду, всё для шумного офицерского застолья. Так воспитан, так заложено предками. А предки Тимохины из забайкальских казаков. Мы помним, кто в Сибирь пришёл, когда и за какие такие заслуги.

От немилости государевой бежали, от предательства лживого в землю Сибирскую вольную, чтобы жить свободно на просторах бескрайних, защищать эту землю не щадя живота своего. Веками так казаки жили – веками бы им так жить. Кулаки тяжестью наливаются, а рука к шашке тянется, когда ложь от тех, кому врать законом заказано. Земным законом и небесным – под страхом смерти.

Какое там «бровями рулить»? Тимофеем спешил на вокзал за билетом. Первым же поездом в Читу. Там мама, сестрёнка и отец. Ждут не дождутся, да и сам Тимофей соскучился по родным людям – спасу нет как домой охота.

Вспомнил, как мама в детстве, весело смеясь, любила пересказывать одну историю: «Ты, Тимошенька, ещё до того, как на свет появиться, все мои сарафаны на животе в клочья изодрал. Стремя всё искал. Видать, промахнуться боялся. Я уже тогда знала: казака ношу под сердцем! Атамана!»

«Во даёт мамуля! И как она догадалась, что сын родится? Неужто нащупала ...?» – и расхохотался, представив себя под мамкиным сарафаном.

Тимофеем бодро шагал по набережной, любовался Ангарой, мельком замечал прохожих. Он прощался с городом. Сердце защемило, но только на мгновение. «Впереди месяц отпуска! Отмечусь в штабе округа, получу предписание – и к дяде Васе, в станицу. А там... Воронок, как ветер, любимая Алёнка и степь бескрайняя!

Простор – от горизонта и до горизонта. Эх! Вот счастье-то привалило!

Мама писала, что в соседнюю станицу пришли казаки из Китая. Мамин двоюродный брательник с ними, с женой китайкой, ребятишками и скарбом старинным.

Дела! Возродится племя казацкое на земле забайкальской! Это ж какая радость! Повезло-то как – жить в такое время! Теперь и другие вернутся. Почему нет? Столько ждали. Какая силища в нашу волюется! Свои, родные, а никакие-то там наёмники! Домой! Скорей домой!...»

Глава 11. Дома

За окошком темнело, вдали поблёскивала Ингода, казалось, что навесной вантовый мост отпечатался на красном закатном небе. От дневной сутолоки устали все.

Даже тяжеленный состав с углём и тот еле-еле карабкался, выбиваясь из последних сил. «Остановился бы, что ли, да передохнул до утра. Чего так надрываться? Кому он летом понадобился, уголь этот? Успеет... до зимы далеко, довезёт», – ворчал мужик, прикидывая настрой на хариуса. Чуток поправил мушки и крикнул, предвкушая рыбацкое счастье.

Груня и Иннокентий сидели за столом и пили индийский чай из фарфоровых чашек. Чашки ставили на блюдечко. У каждого своё. На Грунином нарисована Красная Шапочка с плетёной корзинкой за спиной. У Иннокентия Степановича – лыжник в шароварах, свитере и шапке-ушанке катится с горы. Лыжня на блюдечке отликает голубым цветом.

Были ещё два блюдца. На одном мальчик на деревянных салазках везёт домой ёлку. Из-за пояса торчит маленький топорик. На другом изображена девочка с коромыслом на плече. Первое принадлежало сыну Тимоше, а второе – доченьке Лидочке.

Аграфена и Иннокентий вспоминали. Не так чтобы что-то конкретное, а потихоньку-помаленьку... то одно, то другое... день за днём, год за годом. Жизнь свою разглядывали: то с одного боку, то с другого к ней присматривались. Со всех сторон она им нравилась. У хороших людей и жизнь дорогу к хорошему находит.

Груня осторожно поставила чашку на блюдечко, поправила, улыбнулась и спросила:

– А ты, Кеша, когда решил за мной-то поехать? У тебя должность такая была, уважение опять же. Ты и дня не мог прожить без паровозов своих. Я-то знаю тебя, с детства помню натуру твою беспокойную. Такой занозистый да приставучий был. Не вредный, правда, но своё из рук не выронишь.

Иннокентий Степанович отхлебнул густого ароматного чаю, потом прищурился, тоже улыбнулся и ответил, как бы шибко сожалея:

– Тебя вот только прокараулил. Самонадеянный был, молодой, глупый. Сватов надо было до сенокоса засылать, так нет же – традиции взялся блюсти. У нас ведь как заведено было – свадьбы после Покрова играть. А Петруха молодцом оказался, схитрил в тот раз. Пока мы на покосе спины гнули, он тут как тут... Увёл красавицу из-под носа. За тобой, Груня, эскадрон готов был в огонь и в воду... А Петруха хитрован... Мол, какие такие традиции? Тут жизнь на карту поставлена! Он и отступил от них, традиций этих, себе на пользу. Царствие ему Небесное! Я чуть рассудка не лишился тогда. Брательники карабин кое-как из рук выдрали. Ну а я с горя подался в Железнодорожный. О тебе, Груня, всё одно по десять раз на дню вспоминал. Выходит, не я занозистый, а ты – самая что ни есть заноза... и наказание мне за всю мою никудышнюю жизнь.

Груня улыбнулась, помолчала и тихонько заговорила:

– Выходит, от судьбы, Кешенька, не укроешься. У неё свой интерес для каждого припасён. Вишь, оно как... и нас с тобой стороной не обошла. И слава Богу, что так... Повезло мне с тобой! За какие такие заслуги столько лет радуюсь? Какую жизнь испытала с тобой, Кешенька. Через тебя, родной мой, счастье бабье ко мне возвернулось!

Завтра вон офицерику нашего встречать поедem. Вот уж казачок уродился! Насшибат ещё шишек, синяков да ссадин. Сердечко бы не надорвал раньше времени. Вилять-то не станет – весь в деда. А Бекетовы в табуне никогда не ходили. Им волю подавай, простор, свободу – а иначе быть беде.

Как думаешь, Кеша, построим мы наш коммунизм при жизни? Успеem порадоваться на него? Или детям эту радость доверим?

– Думаю, построим. Оно и сейчас... на душе светло. Работа есть для каждого. Не ленись – и всё у тебя будет. Учись, народ, работай, Родину люби, защищай её, как отцы защищали и деды.

Слабину давать нельзя. Где жидко да тонко, там жди беды... Сколь раз так было. Надеюсь, не я один об этом пекусь. Наверху тоже не дураки сидят. Партия знает, куда народ вести, от чего уберечь. Главное – не проглядеть, не попятиться с полпути...

Я по командировкам какой год мотаюсь? Да лет двадцать без передыху разъезжаю. Всю страну исколесил. А наши края и подавно... полустанки наизусть выучил. К нам ни одна зараза не осмелится рыпнуться. Такая «армада» границы сторожит. Тут куда ни ткнись – укрепрайон, куда ни глянь – танковая дивизия, где ни приземлись – авиационный гарнизон. А техника! Да с такой армией, как наша... нам три коммунизма построить сподручней, нежели с одним скучать.

После такой войны поднялись! С колен встали, из нищеты... При жизни успеем, достроим наш коммунизм. А детки пусть радуются. Зря мы, что ли, кровь свою проливали, живота не жалели!.. Для них и старались – для детей да внуков...

Глава 12. На перроне

Тимофей протянул руку с проездными документами симпатичной кассирше и через минуту получил билет в купейный вагон.

– Вот это сервис! Девушка, а вам не мешает благодарственная запись в книге «железнодорожных» предложений? Я хоть сейчас! Сочиню такую рифму – и на орден сгодится. Лет через десять в самый раз, зачтётся. За героическое материнство, к примеру. Я его, этот самый орден, на вашей груди так и представляю. Кажется, вот сейчас протяну руку – и он тут как тут окажется. Тёплый, тяжёлый... в ладошке постукивает. Вы только намекните, а я не подведу – сочиню и протяну.

– Остров необитаемый?

– Можно и на остров! А могу предложить и более житейский вариант. Например, проследовать под ручку с молодым, неженатым, перспективным лейтенантом до нового места его службы. Отказы не принимаются!

Кассирша вначале опешила от Тимохиного напора. Не поняла, о каком таком ордене идёт речь. А когда догадалась, то первое, что сделала, привстала со стула. Тимоха перестал моргать ресницами. От открывшегося вида её шикарных пропорций он в прямом смысле задохнулся. Потом хрипло пропел: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее. Вы тугую не слушайте плеть!..»

– За честь сочту! В одном точно уверен – с такими данными, милая девушка, нам эта прогулка в трудовой стаж не зачтётся. Это ж сплошное удовольствие, и даже не битва за урожай!

И снова запел: «Сгину я – меня пушинкой ураган сметет с ладони...»

Девушка-кассир просветлела лицом. Слегка порозовели её и без того румяные щёчки. Она звонко рассмеялась и погрозила Тимохе красивым пальчиком:

– Где ж ты раньше был, соколик ясный? Не поспеть тебе со мной тягаться. Двойня у меня – мальчик и девочка. Вот на вторую пару нацелились с моим Сашкой. Он у меня обходчиком работает, на свежем воздухе круглые сутки. Сам понимаешь, каким героем домой заявляется. Ударник он у меня! Из года в год с доски почёта не сходит. Прирос, поди, к ней, к доске-то...

За стеклом кассы послышался многоголосый женский смех. Из-за перегородок высунулись любопытные лица. Женщины наперебой предлагали свои варианты прогуляться до Тимохиного места службы. Из очереди тоже доносились «дельные» советы. Особенно старался мужик в соломенной потрёпанной шляпе:

– Вы, девчата, его того... в семье оставьте, в коллективе. Пусть парень попривыкнет после казармы, плюс харчи домашние. Хотя при таком раскладе никакие харчи не помогут. Тикай, паря, пока ноги в обутках! А то не ровён час возьмут

девчата в оборот, плакали тогда твои звёзды на погонах. Тикай, пока они за загородкой щёки раздувают! Щас выберутся – тогда труба! Не мешкай, афыцерик! Успеешь ещё хлебнуть семейного счастья.

А девчата, тем временем, наступали и наступали:

– Я свободная для подвига! – отозвалась одна.

– И я не откажусь от ударного труда... – вторила ей соседка.

– А Верочка у нас – та только и мечтает о военном. Лейтенантик, не уходи! Мы её мигом доставим на блюдечке с голубой каёмочкой.

Смеялись женщины, стреляя глазищами в сторону Тимохи, как бы прикидывая свои и его возможности.

– Хорош! Ох и хорош, Авиация! Постой, не торопись!.. – доносилось из-за перегородки.

Но Тимоха уже спешил на перрон, весело бормоча: «Ну и как тебе без разведки лезть на рожон? Чему тебя только учили отцы-командиры? Чуть было не влип по самые... «Протяну руку – и он тут как тут окажется. Тёплый, тяжёлый... в ладошке постукивает...» Ноги бы не протянуть от таких переживаний», – смеялся Тимоха, вспоминая, с каким интересом его разглядывали весёлые кассирши.

Эх, где наша не пропадала! И чой-то, бабоньки, я в вас такой влюблённый?

По громкоговорителю объявили:

– Скорый поезд «Москва – Владивосток» прибывает на первый путь.

Проскочив привокзальную площадь и кое-как отвяжавшись от повисших на руках цыганок, Тимофей оказался на перроне. Красивый старинный вокзал Иркутска завораживал и навевал грусть. Хотелось не уезжать, а, наоборот, кого-нибудь встречать. С цветами, с любовью... встретить и больше уж не отпускать. Кого? Её! Кого же ещё?..

Голубой электровоз появился из-под моста и беззвучно, будто по воздуху, поплыл навстречу вокзалу. Приблизился, обдал суетившихся пассажиров горячей пылью, заскрежетал тормозами, пронзительно свистнул и запыхтел от натуги, пы-

таясь остановиться вровень с багажными тележками.

«Седьмой, седьмой... мой седьмой...» Тимофей продвигался параллельно составу, с интересом разглядывая лица людей в окнах. Сначала они мелькали, сливаясь в сплошную пёструю ленту, убегали вперёд, оборачивались и, наконец, остановились напротив. Люди за стеклом о чём-то лениво переговаривались, грустно улыбались, размахивали руками.

«Давно, видать, едут – притомились в тесноте-то. Не позавидуешь им, бр-р-р... Хорошо, что мне всего сутки потерпеть... Эх! Скорей бы домой!»

Тимофей задержался у вагона № 5. Дверь распахнулась, и в проёме показалась красивая женщина в синей форме. «Наверное, бригадир или начальник поезда...»

Погоны, эмблемы, нашивки, пуговицы – всё отливало серебром и скромной солидностью. Женщина легко сошла на землю после того, как молоденькая проводничка протёрла поручни и первая прыгнула со ступенек.

Тимофей впервые за столько лет не озирался по сторонам, не приглядывался с опаской к толпе, стараясь вовремя приметить ненавистных патрулей и тут же улетучиться, как «синий туман». Он привыкал к свободе! Как говорил любимый комбат: «В Армии не просто быть свободным. Тут свои законы и свобода особая. Не слушайте тех, кто не служил в Армии, и тем не верьте, кто глумится над ней. Это трусы и предатели. Святой долг – Родину защищать – никто не отменял!»

Тимоха расправил могучие плечи: «С таким комбатом... Повезло мне с комбатом! И ему повезло со мной», – улыбнулся и тут же почувствовал, как кровь заливает лицо. «Стыдно, брат? – с кривой усмешкой спросил себя. – Есть малёха, чего греха таить, нафордыбачил за три года. Будет, чем «гордиться». Забыть бы поскорей, так нет же – мучайся теперь, чтоб в другой раз неповадно было».

Он тряхнул головой и крякнул на дедовский манер: «Прости, комбат, я постараюсь оправдать. Я оправдаю...»

Поправил фуражку и обернулся на шум за спиной. С инте-

ресом засмотрелся, как десяток голубей гоняют по перрону хлебную корочку. Толкаясь, выхватывая друг у друга, воркуя, подпрыгивая и чертыхаясь.

В десяти шагах другая картина. Три здоровенных ворона вразвалочку приближались к чему-то очень съедобному, похожему на котлету. Вороны обступили котлету, покосились друг на друга, на Тимоху, на бестолковых голубей, покрутили умными головами вправо-влево, и только было нацелились чёрными клювами в аппетитный кусок, как откуда ни возьмись появилась белая чайка. Она ловко подхватила котлету и была такова – умчалась в сторону Ангары. Вороны от неожиданности онемели с разинутыми клювами. Обескураженные птицы неловко топтались на месте, не в силах сообразить, как исправить ситуацию. Мол, надо ж было так опрофаниться. Зевали на нервной почве, тараща друг на дружку круглые глаза. Один сипло «крякнул» с досады. Получилось совсем уж по-утиному. Ничего не придумав умнее, угрюмый ворон белым пятном отметил то место, где только что лежала заветная котлета. Окончательно растерялся, ошетинился, неуклюже разбежался и полетел на бреющем, презрительно каркая в направлении Ангары.

– Ишь ты... как тебя перекосило. Конфуз! Тут кто хошь запоёт по-петушиному. Таку котлету увели из под носа... Это тебе не кусочек сыру... – хохотнул Тимоха.

Две другие птицы тарасились на то место, где только что лежал аппетитный кусок. Вороны повернули головы и вдруг встретились взглядом с Тимофеем. Заметив его ухмылку, они так громко раскричались в его адрес, что Тимоха на полном серьёзе испугался за свою парадную форму.

– А при чём тут я? Уймитесь! Матюгайте вашу чайку. Тоже мне – нашли крайнего.

Но вороны, «спустив пар», быстро успокоились, они развернулись спиной к человеку и важно зашагали к другому краю перрона. Мол, дело сделано – нашёлся стрелочник!

– Ну ты посмотри на них. Сами прозевали свой завтрак, а я крайний? Валите с глаз моих, цыганки в перьях!

Вдруг кто-то громко позвал по имени: «Тимофе-е-ей! Я

здесь!.. Пятый вагон!» Тимоха вздрогнул и обернулся на крик. Оказалось, это женщина-бригадир...

Она снова позвала: «Тимоша-а-а!» – и тихонько добавила: «Глухарик мой железный, подковка моя счастливая, пряник мой ярославский».

Молоденькая проводничка весело возразила:

– Тётя Валя, а пряники-то тульские бывают! Чой-то с выпечкой у вас не того – нескладушки получились!

И звонко рассмеялась, прихлопывая жёлтым флажком себя по бедру.

– Энто у тебя будет тульский, а у меня ярославский, медовый, на медведя похожий.

И тоже прыснула в кулачок от своих «заплетушек-нескладушек».

Счастливая, она соскучилась по своему Тимошеньке. Неделю как расстались! Помереть можно с такой разлуки!

Тимоха обернулся и чуть было не столкнулся с крепким мужиком. Тот широко шагал прямо в его сторону.

«Копия я, лет через... двадцать пять, тридцать. Только таких, как я, двоих надо соединить, чтобы этого дядю вылепить. Он, поди, пассажирский состав заместа электровоза утянет за милу душу... Где-то я его уже видел? – пронеслось у Тимохи в голове. – Я точно его знаю. Но откуда?»

А мужчина вроде прошёл мимо, но резко остановился и тоже уставился на Тимоху...

Валентина не могла сдвинуться с места. Она смотрела и смотрела – то на одного Тимошу, то на другого... Тимофея...

Глава 13. Отец

Тимофей, будто заколдованный, не в силах пошевелиться, с волнением всматривался в лицо офицера. Он не мог оторвать взгляда от таких, казалось, знакомых глаз. «Вот так номер! Будто в зеркало смотрюсь. Я его точно – знаю! Но откуда?»

– Ты чей будешь, служивый? Не ярославский, случайно?

Что-то лицо мне твоё больно знакомо... – неожиданно для себя обратился он к офицеру.

– Бекетов я, Тимофей. Лейтенант Советской Армии. Из казаков забайкальских. Следую в штаб округа для получения предписания. Родом из Читы-города. А ты, дядя, чей будешь, такой... неприметный? – улыбнулся в ответ Тимоха.

– Перегудов Тимофей Иванович, собственной персоной... Кузнец, сын кузнеца, внук кузнеца и правнук. Еду в Улан-Удэ, домой. А это жена моя – Валентина Александровна. Она у меня как птица перелётная: то на одном краю света, то, оглянуться не успеешь, она уж на противоположном солнышко встречает.

Кивнул Тимофей-старший в сторону Валентины.

– Дочка младшенькая, Дашутка, решила поступать в Сельхозинститут. На агронома мечтает выучиться. Землицы-то... раздолье! А приласкать её с любовью не каждому дано, да и специалистов не хватает. Тут закавыка такая – молодёжь деревенская в город потянулась. А что в том городе крестьянину делать? Помышаются в духоте, помышаются – и назад, домой. А время упущено. Привычку опять же деревенскую вспоминать – тоже время. А ещё обождать... пока дурь городская из головы выветрится. А который и до старости колобродит. Заразная штука – городская жизнь. Дашутка наша на просторе жить мечтает, с землёй она больно приветлива. Вот сопровождал, так сказать. Город незнакомый, сам понимаешь. Поступила, слава Богу!

Говорил и говорил, боясь остановиться, обычно молчаливый Тимофей Иванович.

– Бекетов, значит? А мамку твою не Аграфеной Прокопьевной величают? – спросил и весь вперёд подался, ещё до конца не понимая, что знает ответ... Остановилось богатырское сердце, ожидая чего-то сверхъестественного... «Да неужели? – пронеслось в голове у Тимофея Ивановича. – Неужто, и впрямь подковала меня Грунечка?»

В роду у Перегудовых из поколения в поколение женщины по одному сыну рожали. Так и приговаривали: «Для кузнечного дела и одного за глаза». А дальше дочками радовали. Как ни старались мужики в свою пользу перетянуть – ни в ка-

кую. Одного богатыря – и баста! Тимофей сколько лет в рас-
терянности пребывал? Сомневался всё – мол, куда мой-то
сынوك подевался? А тут такой коленкор вырисовывается...

Ждёт ответа Тимофей Иванович. Сам готов подсказать
тот ответ. Догадался, осенило! Светлая радость в сердце
разлилась с отцовской гордостью пополам.

«Не промахнулся с сыном, не посрамил род Перегудов-
ский. А как там дальше? Неважно! Главное – не навредить,
парня не покалечить своей радостью. Пусть будет как бу-
дет – время рассудит. Ну, Аграфена! Ну, порадовала!»

– Аграфена! Прокопьевна! Никак знакомы? – отчеканил
Тимоха.

– Привет передавай мамке своей! От меня и от Валюши...
Знакомые! Считай, родственники...

– Чудной ты, дядя. Я такой же – люблю почудить. Передам,
обязательно передам. Разрешите откланяться, люди добрые!
Отоспаться надобно. Еле на ногах держусь. Нервы! – хохот-
нул Тимоха и подхватил свой чемодан.

«С первого пути отправляется скорый поезд «Москва –
Владивосток». Провожających просьба покинуть вагоны!»

Валентина подошла к мужу, аккуратно взяла под ручку и
потянула за собой:

– Тимоша, пора в вагон! И ты, лейтенант, тоже поспешай.
Наговоритесь ещё, какие ваши годы.

Тимофей Иванович машинально протянул руку, Тимоха
подал свою. Рукопожатие оказалось настолько крепким и...
знакомым, что оба снова спохватились: «Я точно его знаю!
Ну, дела!..»

А когда простились и направились к своим вагонам, Тимо-
фей Иванович не выдержал и обернулся. Он чуть не вскрик-
нул, узнав знакомый затылок: «Батин затылок! Только у него
такой загиб к шее. Мой загиб! Наш!.. Чудеса! Ну, Аграфена!»

– Знала? – спросил он жену, хотя был уверен – знала.

– Знала, Тимоша. Конечно, знала. Не пытай ты меня и оби-
ды не держи. Договоренность у нас с Аграфеной. Слово она с
меня взяла. А мы слово держать умеем. Да, видать, Господь

по-другому наши слова понимает. Это ж надо было в чужом городе такой день подобрать... чтобы нас на перроне лбами садануть? Нет, против жизни... и поспорить под силу... только самой жизни...

В штабе округа лейтенанту Бекетову вручили предписание, а в нём номер воинской части, гарнизон Ареда, а также проездные документы до станции Укурей, Чернышевского района...

Глава 14. Килга

Чуть больше недели погостил Тимофей у родителей в Чите. С друзьями встретился, родню попрощался, прогулялся по городу, осмотрелся и... затосковал. На седьмой день за вечерним чаем объявил:

– Всё, хорош! Пора и честь знать! В степь хочу, на простор! Травами подышать, на сеновале отоспаться, у костра под звёздами душу отогреть. Вы уж не серчайте на меня, родители дорогие! И ты, сестрёнка, не обижайся! Впереди столько всего... Служба! Надо силёнок подкопить, ну и вообще... ехать надо.

Лидка, любимая сестричка, прищурилась, не сказала, а пропела:

– И правда что!.. Алёнка-то твоя слезами там исходит. Аргунь поди из берегов вышла. Килга, деревенька наша, небось в воде утопла по самые трубы. Поезжай, братик, пожалей свою казачку да не забудь предложение по всем правилам сочинить, – подзуживала Лидка.

– Ну ты и егоза, Лидка! – смеялся в ответ Тимоха. – Самая настоящая заноза!

Он обнял любимую сестрёнку, погладил по чёрным, как смоль, волосам, потрогал тяжёлые косы и прижался губами к Лидкиному виску.

– Вот приедешь ко мне в Ареду погостить, я тебя с лётчиком познакомлю, истребителем. Тогда и посмотрим, у кого Аргунь, а у кого Ингода из берегов выйдет...

Сердце гулко стучало в Тимохиной груди, будто отцовский

молот по наковальне. Станция Аргунская! Мелькали знакомые с детства картины.

Степь! С чем её сравнить, если только не с самой степью? Сопки, балки, перелески, колки (густые заросли ольхи, берёзы, тальника вдоль ручейков), речки, озёра...

А птицы! Как здесь поёт жаворонок! Кажется, для него ничего не существует, кроме солнца и степи. Песни у него особенные! Слов в них нет, только мелодия. А в мелодии – любовь Земная и радость Вселенская.

Стрекот кузнечиков, курлыканье журавлей, переклички диких гусей и уток. Для всех тут приволье и для каждого свой дом. Горячий сухой ветерок переполнен ароматами степи и бескрайнего приволья. Он тоже весь из песен, и сам он... песня.

Жизнь у казака – что тетива на луке – до звона натянута. В любую секунду отпусти – и полетит стрела, на судьбу похожая. С радостью невесту укажет, а понадобится, и врага остановит без промедления.

Рвётся Тимохина силушка на волю, подсказывает сердце: «Пришло, Тимоша, твоё время. Не прогляди и не ошибись!..»

Тимофей аж задохнулся, глядя по сторонам: «Эх, какая красота вокруг! Всё с детства знакомо! Всё родное, сердцу дорогое».

Тепловоз остановился плавно, без рывков, с первой попытки. Весёлым свистом поприветствовал молоденькую девушку на перроне. Синяя юбка и чёрные туфельки на высоком каблучке подчёркивали красивую фигурку и стройные ножки. Голубая форменная рубашка, галстук и синяя пилотка с кокардой дополняли идеальную картину. Девушка (а это была дежурная по станции) приветливо улыбнулась молодому машинисту.

– Стюардесса по имени Рая! – пропел Сашка, помощник машиниста тепловоза, и тут же обратился к своему старшему товарищу: – Если она улыбнётся, когда будем возвращаться назад, я точно сойду на этой станции! Придётся тебе, дядя Володя, одному возвращаться в светлый город Ярославль. Отпустишь? Где я ещё такую красавицу встречу? Ты только

глянь на неё. С такой дивчиной подружиться – это ж до глубокой старости в радости прожить! Отпустишь, старшой?

– Что верно, то верно! Тебя только такая и стреножит... – ухмыльнулся в ответ пожилой машинист. – Только крепко запомни: с казАчками шутки шутить – это, брат, последнее дело. Они на цветочек похожи, на аленький. Зато мужики ихние – на чудище заморское. Отчекрыжут вострой сабелькой твои причиндалы молодецкие... и глазом не моргнут. Те ещё разбойнички! Сто раз подумай, прежде чем на перрон спрыгнуть. Остерегись! Кому ты потом нужен безоружный?

– А я всё-таки рискну! – не унимался Сашка. Он оцетинился вроде косача на току. Ещё миг – и зашуршит своё «у-у-уч-ч-ч-ху-уч-ч-щ-щу-у» на петушиный вольный лад.

– Ну смотри, смотри! Дело хозяйское... Я предупредил! С греха с тобой пропадёшь. Кобель ты, Сашка! Кобель! А может статься, после сабельки-то и псом обзовут шелудивым, – хохотнул старший машинист.

– Да чего там, дядя Володя? Любovy! Об неё и сабельки булатные тупятся. Чем чёрт не шутит? А представь, что это судьба моя посреди степи флажочек теребит да мне знаки подаёт! Тогда как?

– Отпустить, конечно, не отпущу, но пассажиром захватить могу в другой раз, – серьёзно ответил дядя Володя. – Высажу на полустаночке, а на обратном пути подхватчу обоих... тебя и судьбу твою с косою до пояса. Красивая дивчина! Так и быть – отпущу!

Тепловоз с интересом покосился на стаю серых гусей, важно шагавших по перрону, переваливаясь с боку на бок. Улыбнулся, потом распрямился всем своим многовагонным телом и с грохотом распахнул тяжелые двери вагонов. Выпустил наружу спёртый воздух, вдохнул аромат скошенных трав, ещё раз дрогнул, звякнув сцепками, и успокоился. Перевел дыхание от напряжённой гонки, мечтательно оглянулся по сторонам и... улыбнулся, услышав дяди Володино «отпущу!»

Бородатый козёл обернулся на гудок и протяжно проблеял в ответ на приветствие старого знакомого, забавно покрутив курым хвостиком. Он стоял на задних копытах, уперевшись

передними на покосившийся плетень. Потом поднапрягся, вытянулся в струну и, наконец, дотянулся жадными губами до жирного куста смородины. Захватил зелень проворным ртом и быстро заработал челюстями, аппетитно хрустя молодыми побегами. Но не рассчитал равновесие и повис на заборе, дрыгая задними ногами.

Он понимал, что в любую минуту его может обнаружить хозяйка. С этой тёткой у него давние и особые отношения. Она не одни грабли обломала о его хребет. Если сейчас обнаружит, то выволочка обеспечена однозначно! Не хотелось начинать день с тумачков. Но козёл, на то он и козёл, что в жизни у него всё шиверни-навыверни...

Тепловоз, нарушая железнодорожные правила, нервно свистнул, пытаясь предупредить знакомого козла: мол, рви когти, заполошный, сейчас огребёшь по полной!

С высоты насыпи он разглядел женщину с граблями в руках. Хозяйка кралась вдоль плетня, низко пригнув голову. Она явно предвкушала, что вот сейчас, наконец-то, снова «отутюжит» наглого воришку по настырному загивку...

Тепловоз спохватился: «Стоянка-то три минуты, рано расслабляться. Эх, пожить бы среди этой красоты пару неделек. Хорошо гусям!» Потом подумав, решительно отрезал: «Ну уж нет! Вперёд! К океану!» ...

Девушка, дежурная по станции, дала сигнал на отправление, удерживая флажок в вертикальном положении.

«Пора! До скорого свиданьица, люди добрые. И тебе, Тимоха, до скорого! – простился тепловоз с молодым офицером. – Хороший хлопец! Хлебнёт на своём веку... Что-то ещё будет? Прощайте! Пора мне!»

Мечтательно прищурился, глядя на зелёные сопки, ожившую деревню, снова покосился на гусей, с интересом наблюдая, как те уверенно спустились по ступенькам перед самым буфером поезда. Здоровенный гусак подозрительно покосился на Сашку, высунувшегося из окна кабины, и громко загоготал, подгоняя неторопливых гусынь, неспешно шагающих по деревянному настилу, уложенному между блестящих рельс. Убедившись, что гуси благополучно отошли на безопасное

расстояние, тепловоз весело просвистел на прощание и, не рассчитав силу, резко рванул с места.

Ухмыльнулся, услышав, как спросонья заматюгались пассажиры, падая с полок, и снова свистнул, подражая жаворонку.

Жаворонок поперхнулся и тоже рассмеялся в ответ:

– Счастливого пути, паровозик! Передавай привет своему океану и тамошним чайкам!..

Тимофей обошёл деревянное здание вокзала, завернул за угол, спустился по лесенке и оказался на привокзальной площади. Метрах в двадцати стоял знакомый «пазик» жёлтого цвета. По всему видать, что краску недавно подновили. Автобус выглядел нарядным и бодрым.

«Сто тридцать вёрст на этом «ковре-самолёте»! Уф-ф-ф! Но... Назад хода нет – только вперёд! Алёнка заждалась... Эх, увезу её с собой в Ареду! Лучше-то не сыскать на всем белом свете! Упрошу дядю Васю – пусть сватов засылает! Мама и отец только «за» будут. Лидка? А что Лидка? Подружатся с Алёнкой. Знакомы-то давным-давно... с малолетства, считай. Сколько оглоблей местные женихи о мой хребет изломали...»

Улыбнулся Тимоха, вспоминая драки с местными пацанами за красавицу Алёнку.

«Увезу! Рисковать не стану! Дождалась «золотая моя»! Держит фасон... Теперь уж до конца вместе!» – Тимофей от нетерпения еле держался, чтобы не поторопить шофёра с отправлением. А тот стоял у киоска и скалился железными зубами на пышногрудую продавщицу:

– Алевтина, ты меня дождись! Я на той неделе со сватами заявлюсь. Зуб даю!

– А мне твоё железо без надобности! Ты бы золотыми меня поманил... Я бы, может, и подумала. А так? На борону их пустить? Всё польза в хозяйстве...

– Добрая ты, Алевтина, женщина и весёлая. Мне такая позарез как нужна! Если только в зубах загвоздка, делов-то! Через пару недель жди... всю пасть украшу высшей пробой. Вот уж крыть тебе будет нечем!

А Алевтина, увидев молодого офицера, мельком скоси-

лась на кругленькое зеркальце и привычно мазнула красной помадой по пухлым губкам. Поправила пышный начёс из каштановых волос и приветливо заулыбалась Тимохе, продемонстрировав шикарные золотые коронки, кокетливо блеснувшие на солнце в уголках красивого ротика.

Шофёр, поняв в чём дело, рявкнул на всю привокзальную площадь:

– Просьба к пассажирам – займите свои места согласно купленным билетам... Транспорт отправляется! Ждать никого не стану! График... расписание!.. Отдать швартовы!..

– Вот змей! И сам не гам, и другому не дам... Прибила бы! – Алевтина машинально расправила голубую поплиновую блузку так, что глубокий разрез равными долями приоткрыл её ослепительную грудь.

Тимофеем повернуло было к автобусу, но не в силах завершить манёвр почти юзом, с потешным притопом продолжал двигаться в направлении киоска. Ноги сами по себе, отдельно от головы, удерживали курс на Алевтину блузку...

– Не бойся, соколик, никуда он не денется, шилохвость желтопёрый! Дождётся! – подбадривала Алевтина офицера. – Требуй, золотопогонный! Всё исполню! Украду, коль надо! А приспичит... убью! За такого и под монастырь не стыдно! – развеселилась Алевтина, заметив, что офицер – ещё пару шагов – и уткнётся носом в заветный вырез между равными долями.

Но в последний момент раздался хриплый сигнал автобуса. Тимоха вздрогнул – и очнулся. Он через великую силу оторвался от поплиновой блузки и, наконец, завершил манёвр, с каждой секундой удаляясь от обескураженной женщины.

А «желтопёрый шилохвость» нервно перебирал инструмент, прикидывая на вес монтровку: «Ща-а-ас... мы тебя ... приласкаем. Отобьём охотку на чужих баб зариться. Ща-а-ас!»! – приговаривал шофёр, одной рукой продолжая перекладывать увесистые железяки, а другой придавливать круглую чашку сигнала на старенькой баранке.

А когда убедился, что опасность миновала, повеселел:

– Повезло тебе, паря! А так бы точно с помятыми боками домой заявился.

– Ты чо, не узнал его, чо ли? – поинтересовался с переднего сиденья крепкий парень в тельняшке. – Это ж Тимоха Бекетов! Он энту твою монтировку тебе же в аккурат вокруг шее галстуком обвяжет. К Алёнке Кочневой он едет. А Алевтина твоя кого хошь пятиться заставит. Я когда на неё смотрю... десантный катер представляю на воздушных подушках. К ней без особых навыков лучше не соваться – разоружит в одночасье! Тут либо полная капитуляция, либо всеобщая мобилизация! – подвёл итог парень и зябко поёжился. То ли от утренней прохлады, то ли от «всеобщей мобилизации»...

Тимоха влетел в «пазик», но на сиденье опустилсЯ бережно, будто опасался своего могучего тела. Автобус тут же, в знак благодарности, заурчал своим издававшим виды, выносливым мотором.

– Здорово, Тимофей Иннокентьевич! – поприветствовал Тимоху парень с переднего сиденья.

Тимофей с первого взгляда признал старого друга:

– Петруха, здорово! Вот так встреча! Десантура?

– Десантура! Авиация?

– Авиация!

– К Алёнке?

– К ней!

– А я тебе, что говорил? – обратился Петруха к шофёру. – У него старая зазноба в нашей деревне все ожиданки съела. К ней он путь держит. Алевтина – это как разведка противника – наблюдать за ней можно, но ввязываться в бой ни-ни... Суворов не напрасно через Альпы пошёл! Побоялся, что об таких, как наша Алевтина, русские солдаты штыки затупят ... Их там – в Европах этих – на каждом углу по десятку, и все как одна... на воздушных подушках...

Автобус задрожал от хохота. Мужики обсуждали Суворовский манёвр через Альпы и прикидывали Петрухины доводы, с точки зрения военной стратегии.

– Петруха, а ведь ты, по большому счёту, прав! Если, к

примеру, представить нашу Алевтину десантным катером на воздушных подушках, то, пожалуй, эскадрон на ней смело поместится. За Эльбу не ручаюсь, а вот Аргунь она покроеет однозначно.

Автобус снова дрогнул от хохота.

– Вот паразиты! Ни стыда у вас, ни совести! – возмутилась тётка на втором сиденье, сразу за Петрухой. – Щас наверну кувшином по башке твоей бесстыжей, будешь знать, как тень на плетень наводить. Алевтине вы все гуртом в подмётки не годитесь. Раскудахтались тут! Такой женщине среди вас – только время зря терять. Одно расстройство и пустые хлопоты! Жидковатый казак ноне пошёл, вывелся весь как есть... Одна шелуха да мякина. В ветряну погоду к хвосту кобыльему привязывать надо... Унесёт! Ищи потом, свищи его по другу сторону Аргуни. Герои – зубы скалить!..

Казачи сразу сообразили, о ком идёт речь и, как по команде, примолкли. Тем более что автобус тронулся с места. В дороге лучше помалкивать, чтобы уберечь язык в цельности и сохранности. Были случаи, что и откусывали на ухабах, которые шибко говорливые...

Тимофей и Петруха перекинулись парой фраз, вспомнили товарищей и тоже замолчали. Люди старались использовать любую минутку, чтобы передохнуть, набраться сил. В Забайкалье сенокос! Кто возвращался из больницы, кто-то провожал родню на поезд, а кто и на помощь спешил к родным. День год кормит! К сенокосу это имеет самое прямое отношение. Надеяться не на кого – только на себя да самых близких.

А зло в этих краях не уживается. Тут люди друг дружку не одну сотню лет знают. Зло у нас только привозное, а оно недолговечно. Сгинет! Так всегда было! Год, от силы два – и нет его в помине.

Степь! Тут не спрячешься. Все на виду...

Дядя Володя, старший машинист тепловоза, с удовольствием прислушался к ровному рокоту мощного дизеля. «Столько лет душа в душу! И никаких тебе неприятностей: ни поломок, ни простоев, ни чиха, ни пыха... тьфу, тьфу, тьфу... Надёжный товарищ! Живой организм. Сомневаться не приходится. Всё слышит, всё понимает. Внимание требует и заботу. И без любви тут не того... не обойтись!

А как же? Без взаимных уступок, без уважения до того же океана точно не доехать. Правда, по нашей ветке только в Култук черёмуховый и попадёшь. Эх, рвануть бы, не сворачивая на Карымской, напрямик... до океана. На соляру бы скинулись с Сашкой. Не обеднели бы!»

Потом, поразмыслив, успокоился и повеселел: «Что за мысли в голову лезут? Чего я в том океане не видел? Это водоплавающим там приволье, вот они к нему пусть и бегут вприпрыжку. Здесь мой океан, в степи забайкальской. Я такую красоту ни на какую экзотику не променяю.

Океан! По нему и рельсы не прокинешь! Грунт больно жидковат, его и нет в привычном месте! У нас куда как надёжней.

А на ковыль смотришь... не насмотришься. Чем не море-океан? Те же волны, та же рябь и шумит не хуже прибоя. Таких сказок насочиняешь, таких фантазий насмотришься... Родная сторона!»

Станция скрылась за изгибом сопки. «Журавель» над колодцем кивнул на прощание, доставая железное ведро с ключевой водой. А пацан, держащий «журавля» за верёвку, размышлял глядя на зелёные вагончики доброго паровозика. И проморгал ответственный момент. Дал лишка слабину верёвке. Потом спохватился и резко остановил её движение. Тем самым нарушил плавность хода и чересчур сильно качнул ведро.

Ледяная вода, перепрыгнув через железный край, обрушилась за шиворот мальцу. Мальчишка не расцепил пальцы. Но приличная порция холодной воды всё равно пролилась. Вода по вытянутым рукам устремилась в подмышки, обнимая крепкое тельце. Вода очень обрадовалась, выманив из мальчишеской груди такой же, как она сама, весёлый крик и

хохот...

А автобус медленно катил мимо деревенского погоста. Тимофей смотрел на разноцветные кресты и звёзды на могилах.

«Каких больше – со звёздами или с крестами?» – ни с того ни с сего пронеслось в голове. И в голове ли? Потому, что сам вопрос родился где-то в середине груди... Там что-то заныло, ворохнулось и попыталось напомнить. Пока не понятно, о чём?

«Что это со мной? Кто это... с вопросами?» – Тимофей прикрыл веки. Картины, одна сменяя другую, поплыли перед глазами.

Вспоминалась жизнь на Аргуни. На каникулы Тимошу с самого раннего детства отправляли сюда, в деревню Килга. Это приграничная деревенька. Здесь живёт народ особенный, с оглядкой на границу, так сказать. Китай вот он – через Аргунь – рукой подать. Многих китайцев в лицо знали, а те наших по именам окликали.

Местные! Тут не одно поколение друг на дружку через прицел подглядывало. Сейчас и подавно – через него знакомимся, через этот прицел окаянный.

Бывало, и за покосы дрались, на островах которые. И за скотину отношения выясняли. Охочих до добра нашего во все времена меньше не становилось. Кто в тайгу, крадучись, золотишка намыть, кто медведя добыть, кто лягушек наловить, рыбкой разжиться на прикормленных ямах. Да мало ли...

А за табуны наши сколь крови пустили – по ту сторону и по эту.

Особенно казаки за своих лошадок переживали. Бывало, при всей амунии, бродами, шашки наголо, переправлялись на китайскую сторону. Отбивали табуны. А нет (если больно ушлые попадались) – казаки их с намытым золотишком укараулят, до нитки оберут, юшку красную пустят и домой теми же бродами переправят. Столь страху нагонят, бока так намянут, что в другой раз эти герои к нам ни за какие коврижки не суются. Другие лезут – знакомые... ни-ни...

На то золото чистокровных лошадок не раз прикупали. А как же? Казак он во все времена на государеву службу само-

стоятельно снаряжался. Вот и покрывали расходы по-нашему – на дедовский манер.

И всё было шито-крыто! Страна в авторитете! И рта раскрыть боялись. Сопли молча утрут – и баста...

Так и жили по соседству. Если никакой размолвки – друг дружку по именам. Языки-то знали! Они по-нашему балакали, мы ихний кое-как ломали.

А если голыми задницами с обеих сторон приветы посылаем, значит кто-то воду в Аргуни взбаламутил. Выжидаем, «марку держим»... каждый на своём берегу!

На Тимохиной памяти такой случай был.

Бабка Морозиха в селе живёт.

Она за черёмухой на китайскую сторону, как к себе в огород, шастала. Аргунь – речка норовистая. По ней и катера ходят. А в другом месте шивера с плёсами чередуется. Броды наперечёт, и все под присмотром погранцов.

А Морозиха с десятков своих знала. Ей сотня годов от роду, а она по тем бродам туда-сюда разгуливает. И только ноги по щиколотку промочит.

Тут полоса следовая, два ряда колючки, а ей всё нипочём. Вторую пару кед с носками из заплечного мешка достанет, переобуется в сухое – и довольная. А промокшие обутки на ветку приторочит. Пока черёмуху шиньгает, первая пара подсыхает. Она на нашей стороне в сухое переоденется – и никакого подозрения. Обувь в порядке, и конспирация на высоте.

Морозиху деревенские спрашивали: «Зачем рискуешь, бабуля»?

А она в ответ: «Ягодка на том берегу сладшее. Язык не вяжет – во рту тает...»

Военные прознали о её марш-бросках и к ней же с просьбой: «Укажите, бабушка, свои броды. Они нам хорошую службу сослужат».

Граница!

Тут препираться со своими и в голову никому не придёт.

Морозиха отвечает: «Я пока на своих ножках ходить

могу – вы, сыночки, дайте мне в помощники парнишку на ноги хлёсткого...»

Дали офицера!

Бабуля его вконец измотала. Ни перекурить тебе, ни по нужде сходить, ни перекусить.

Протащила по своим секретным бродам и глазом не моргнула. С утра до ночи, без передыху.

Пригодились нашим Морозихины броды. Много потом разных слухов ходило. Китайцы голову ломали – не могли понять, как русские через границу переправляются? Думали, что летать научились. Крылья, мол, изобрели для этих целей.

А наши по бабулиным бродам – и только по щиколотку. Пока не выследили китайцы да не подстрелили одного такого, «на ногу хлёсткого».

Морозиха сто лет ходила – и ничего. А тут – раз, два – и подловили. Не из казаков оказался. В знакомых бы не пуляли. Морду бы расквасили однозначно. Это как пить дать. И секретными бродами домой проводили.

А как же?... Долг платежом красен! И всё бы снова шитокрыто. Мы же знаем, зачем соседи в гости друг к дружке навешиваются. Уж точно не для того, чтобы государственную тайну выведать!

А чужак? В него и пальнуть – за милу душу. Чужие пусть не лезут! Ну их, этих чужих!

Часа два умеренной тряски и степь заметно повеселела...

Забайкалье в то время по швам трещало от народного благополучия. Десятки, сотни овечьих отар, похожие на серые тучки, плыли, переваливаясь с одного бугра на другой. Цеплялись за верхушки сопок, рассыпались по балкам. Исчезали в поймах рек, купаясь в жирном разнотравье.

Через некоторое время выныривали около молчаливых, спрятавшихся в густых камышах озерков осовевшие от сытости. Напиться ключевой водицы и не спеша продолжить путь дальше, ближе к дому. Отдохнуть до утра под охраной свирепых псов. А спозаранку снова за тучками... сами, как тучки...

Чабаны от привольного благополучия ногами ходить отвыкали. Всё верхом да верхом на ленивых лошадях. А те, кто попроторней, на собственных мотоциклах, на легковых автомобилях.

Семьи у чабанов большущие. Ребятишек «борона» в каждой. Государство не скупилось. Расторопным хозяевам за прирост поголовья, за сохранность молодняка щедро раздавали: кому мотоцикл «Урал», другому «Москвич», третьему «газик» (мечта любого охотника). Денежные премии, путёвки и прочие ценные подарки. Мол, не ленись, народ, мы в долгу не останемся.

Трудились люди. Верили, что общее дело делаем. Страна-то как называлась? Страна Советов! Союз Советских Социалистических Республик!

Что-то настоящее зарождалось, нерушимое, всенародное! Казалось, не будет этой радости конца.

Вдоль дороги, по обочинам суслики столбиками стоят, будто солдатики на посту.

В небе коршуны кружат. Выжидают, когда какой закимарит на солнышке. В ту же секунду рухнет камнем на землю. С самого неба! Оттуда, куда пуля не долетит. Миг – и нет часового!

Граница! Тут за каждым – глаз да глаз! Какое там «закимарить»!

Тимофей будто очнулся... Хотя и не спал вроде. В открытые окна автобуса втекал такой аромат скошенных трав... Захотелось выпрыгнуть на ходу, упасть на четвереньки, и просто щипать и жевать, щипать и жевать! Опиться сладким соком, упасть в душистый клевер, отдышаться терпким духом чабреца.

То тут, то там встречаются косари. По второму иль по третьему прокосу прошли с утречка. Рубахи прилипли к спинам, потемнели от пота, литовки тускло поблескивают на солнышке... Вжик-вжик... вжик-вжик... Этот звук – что песня, и на молитву похожий...

Идут уступом, по несколько мужиков – плечо к плечу. Впереди батя. Он и темп задаёт, и следит, чтоб не запалились

сыновья раньше времени.

Идут ходко. Спорится работа! Веками так ходили... Вперед батя – за ним по старшинству... сыновья и внуки.

Вострец, клевер под косами ровными рядами ложится. Чабрец голову дурманит... Ещё-ещё ...вжик-вжик ... И так до горизонта.

День год кормит! Сегодня не до баловства...

Глава 16. Родня

В деревню автобус въехал после полудня. Тимофей знал наверняка, что встречать его будет некому. Все – от старого до малого – трудились на покосе.

Деревенька раскинулась широко вдоль Аргуни. Дома будто сбегали с одного бугра и карабкались на другой. С трёх горок деревенские наблюдали за степью и границей. Да чего там наблюдали – любовались в своё удовольствие.

Тимофей с надеждой оглядывался по сторонам... «А вдруг вот сейчас увижу Алёнку!»

Вместо Алёнки, по дороге к дяди Васиному дому, повстречал двух тёток. Они шли, придерживая друг дружку под локотки. А когда поравнялись, приветливо поздоровались, с нескрываемым интересом разглядывая Васькиного племяша. Одобрительно кивали, по мере того как прошлись цепким взглядом от макушки до носков запylённых ботинок.

– Доброго казака откормили на казённых харчах. Так, Петровна?

Петровна поправила беленький платочек, прищурила хитрые глаза и глубокомысленно ответила:

– Недаром Лидка, Алёнкина мамка, намедни серп правила. А я её всё пытала – на кой тебе, Лидуха, серп на покосе?

А она смеётся. Это, говорит, не на покос, тётя Соня, это Алёнке в приданное. У меня, говорит, через этот серп семейное счастье уж боле двадцати годов как хату не покидат. Заговорённый он! Я его рядом с Фединой шашкой держу – на

гвозде красуется, на самом виду. Он мне от мамки достался, а мамке – от её мамки. Так и передаём его, родимого, из родных рук в родные – от мамок к дочкам. Зато наши мужья – все как один – однолюбы попадают.

Первая тётка ухмыльнулась и подбодрила Тимоху:

– Не дрейфь, казачок! Главное – бдительность не теряй! Иди уж. Заждались, поди, Бекетовы своего офицера. Наше дело – сторона! Мы предупредили – с нас и взятки гладки. Хороший хлопец! Помогай давай – в эту пору каждый мужик на вес золота. А уж такой сокол... и подавно...

А вон и дом! Столько родни в деревне! Дед Степан Яковлевич, бабушка Мария Алексеевна – отцовы родители. Дядьки, тётки – и с маминой, и с отцовой стороны – братья, сёстры! Всех не сразу и вспомнишь...

А прижился Тимоха у дяди Васи, маминого родного брата. Прижился – и всё тут! Дядя Вася и тётя Аня, его жена. Они такие... С ними у Тимки с детских лет полное взаимопонимание.

«Родственные мы души!» – как любил повторять дядя Вася.

Дядя Вася – казак в десятом поколении. Предки с самого Дона в Забайкалье пожаловали. Из далёкой дали род Бекетовых своё начало берёт. Древний род! На крутой казацкой крови замешан. Таких не перекуёшь под «себя». Казак ни перед кем шапку ломать не станет. Нет в его жилах крови холопской. Отродясь не было! Не вольготно ей рядом с крутой казацкой. В простоквашу сворачивается.

Характер больно непокорный. Ты казака хоть на голову опрокинь – не поможет! Он и без головы сопротивляться будет до последнего. Такая натура! Однолюбы! В Россию влюблены беззаветно! С Россией и умрут в один день.

Таков и дядька Тимохин. А рассказчик какой! Бывало, на рыбалке, у костерка, да под чарочку (для сугреву) каких только историй не перескажет. Разные судьбы в такой мудрёный клубок заплетёт. А ты потом ночи напролёт эти клубки распутывай. Глаз сомкнуть... не сомкнёшь.

Уставишься на звёзды, пошевелиться боишься. Кажется, повернись неосторожно – и зацепишься за них. Опрокинешь

ковш на голову или луну смахнёшь ненароком.

Они, вот они – совсем рядом. Руку протяни – и дотянешься до любой.

Тимофей свернул к знакомой калитке. Кованую фигурную ручку легонько надавил вниз. С обратной стороны знакомо звякнула задвижка. Калитка, беззвучно скользя по смазанным солидолом навесам, плавно растворилась.

Он полной грудью вдохнул тёплый воздух подворья. Запах детства, запах беззаботной вольной жизни!

Бурёнка! Она пахнет по-особенному! Запах парного молока перебил все остальные ароматы.

Под ложечкой засосало так, что свело челюсти. Тимофей вспомнил, что перекусил последний раз в ресторане. Кое-как проглотил тамошний бифштекс, запивая кислым томатным соком. Бр-р-р... Лучше не вспоминать. Но это в прошлом. Молодой организм требует здоровой пищи!

Дверь в дом прикрыта, как всегда, на прутик. На пробой накинута накладка, а в ней торчит обломок черёмуховой ветки.

Мол, кого тут бояться? Кругом только свои. Чужие не приживаются.

Тимофей вошёл в дом. Привычно перекрестился на образа, поймав себя на мысли, что никакая сила не заставит его просто так созерцать на святые лики. Смотреть в глаза иконам и молчать? Нет, так он не сможет! Обидятся ведь! Если не поговорить с ними, не поделиться сокровенным, не рассказать о планах, не попросить совета... Они ждут нас, любят, верят в нас. Без душевного разговора не обойтись! Так уж повелось – мы в ответе друг за друга.

А в обе стороны от икон, чуть ниже, по стенам развешаны старинные фотографии в рамках, под стеклом.

Вот они – наши деды и прадеды! Одни сидят на стульях, кто-то стоит рядом, облокотившись на спинку, положив руку на плечо товарищу. Все при форме. Казаки!

На груди кресты. На лицах достоинство. В глазах уверенность и спокойствие.

«Такие не прогнутся ни перед какой властью. Люди чести и непоколебимой веры!»

Тимоха стоял посреди горницы, в передней части избы, на чистой половине.

В противоположном углу, напротив, под самым потолком, как живой, иконостас. В старинном окладе икона святого Алексия (Алексий – святой человек – покровитель Забайкальского казачьего войска). По соседству потемневшая от времени икона Николая Угодника.

Светятся лики! Радуются, что люди кругом хорошие. Не скачут иконы в дядином доме. С молитвой люди ложатся, под молитву встают. Любят их тут!

Тимофей трижды перекрестился: «Укрепи, защити, отведи...» – проговорил скороговоркой, а увидел... всю жизнь. Но не обратил внимания. До этого ли в его годы? Потом, подумав секунду, уточнил: «Укрепите, защитите...»

По правую руку, у окошка притулилась широкая конопель с резной спинкой и пузатыми ножками. Подлокотники украшают отполированные локтями деревянные шары.

Русская печь разделяет избу на две половины. «Весёлые» окна выходят с солнечной стороны – во двор и на улицу. На левой половине расположилась кузь (кухня). Она отгорожена от передней дощатой перегородкой. У окна, выходящего во двор, примостился обеденный стол под цветастой клеёнкой.

Новую постелили! Ещё не распрямилась по сгибам. Ждали!

На столе под рушником добрая краюха ржаного хлеба, обёрнутая холщовым полотенцем, глубокая чашка с золотистым майским мёдом, десяток куриных яиц, пучок лука и пучок дикого чеснока.

Тимоха сдвинул домотканый половик в сторону. Ага, всё на месте. А куда оно денется?

Железное кольцо оказалось тут же, под рукой. Он потянул за кольцо, приоткрылась тяжёлая западня. Придерживая крышку правой рукой, левой нащупал прохладный бок бочаги. Пошарил внутри большого кувшина и, наконец, нащупал то, что искал. Упругий прохладный свёрток оказался увесистым куском брынзы. Есть такое дело!

Потом достал крынку с молоком. С припечка снял чугунок с тёплой картошкой. Потёр руки и снова перекрестился.

– Отвык я крестами укрываться.

– Ничо... привыкнешь! – слышалось из угла с иконостасом.

– Привыкну... кто бы сомневался... только не я! – снова машинально ответил Тимоха. Ответил и забыл.

Не навсегда... Всему своё время!

Плотно перекусив, Тимофей вышел во двор. Могучий организм соскучился без крестьянской работы.

У крыльца поджидал издавший виды велик. Техника в полном порядке. Правда, заднее колесо слегка дрыгалось на кривой восьмёрке.

«До покоса километра три! Не укачает...» – хохотнул Тимоха, с волнением предвкушая встречу с роднёй и с ней... со своей Алёнкой.

Без малого две недели провёл Тимофей на покосе. Вот уж где отвёл душу! За настоящей работой, среди своих мужиков, да на приволье бескрайнем – среди васильков вперёд-глядку с Алёнкой.

Дядя Вася сколь раз повторял:

– Тимоха, не зыркай ты по сторонам, никуда она не денется, твоя Алёнка. Закончим покос и стреножим в пять минут. Делов-то! Она уж и сама к капитуляции приготовилась. Ишь, как ногами перебират, что твой барабан на плацу стрекочет. Хорошо хоть почва податлива, а так бы искрами засыпала. Огонь девка! Лёд и пламень!

Да ещё серп мамкин под подушкой. Вострый инструмент, старинной закалки. Попал ты, племяш... Тут, паря, либо грудь в крестах, либо... страшно и подумать... «подсумок» в кустах.

Сыновья, сообразив о каком, таком подсумке идёт речь, задрали косы к небу и дружно загоготали.

Хохот парней подхватил пасшийся на рёлке Воронок. Он оглянулся в сторону Аргуни. Тряхнул красивой головой и зафыркал, скаля зубы. Оттопырил густой хвост и потешно заплясал на спутанных ногах.

– Я тебе подразнюсь! всю кровь мне свернул! Подвёл хозяина под монастырь...у-у-у... варнак! Вот займу у Алёнки серп и... откомандирую тебя к валухам на сытую жизнь.

Ноздри он раздуват... Страшно с бубенцами-то расставаться? А мне какого? Вон, на клубе объявление красуется – третий раз за год подкузьмил мне. Самый натуральный варнак. Ну какой ты дончак после этого? Растуды твою туды... – плюнул под ноги расходившийся дядя Вася.

Потом, помолчав с минуту, ухмыльнулся в усы и весело хохотнул: «Вот ведь хитрован какой!.. Да-а-а... Бдительность терять – последнее дело!»

– А что за история, дядя Вася? – поинтересовался Тимофей.

– Это, Тимка, не для трезвых ушей! – отрезал дядя. – Закончим с покосом, там видно будет – поговорим о том о сём. Доложим друг дружке, как говорится, о происшествиях во время несения службы.

И снова усмехнулся: «Повезло мне, так повезло! Не конь, а чёрт рогатый на мою голову. Не был бы чистых кровей... А так терпеть приходится, да ещё... со свечкой скакать за ним...»

Дядя Вася не удержался и тоже прыснул в рукав рубахи, пряча ухмылку в чёрные усы.

Тётя Аня стояла на пригорке, опираясь на грабли. Поняв, о чём идёт речь, она подбоченилась и, приглушая свой звонкий голос, со змеиным прищипом, грозя мужу загорелым кулачком, вынесла свой приговор:

– Это ещё посмотреть надобно: кто за кем со свечкой скачет? Хороший был коняга! Так нет же, связался с непутёвым хозяином. Разбери их – кто кого с панталыку сбивает? Оба хороши! Но старому серп нужней! Конь ему виноват!

Ты, Тимка, попроси инструмент до утра. У тёщи напрокат позаимствуй. В профилактических целях, так сказать. Успокой, что не для себя. А я ночью в шалаше использую его по назначению...

Дядю аж передёрнуло.

– Ты кого мелешь! Инструмент ей подавай! Ополоумела

баба! Шалаш – это тебе не полевой госпиталь. Тут люди мечты в жизнь претворяют. А она на тебе – «по назначению».

Я если когда и расходовал боекомплект... на вражьей территории, то только из дедовского арсенала! Скуповат был дедуля на праздники. Всё больше с шашечкой обнимался. А мне расхлёбывай! Тут како дело? Отсырет порох – и баста. Выкидывать грешно. За деда обидно! Самое дорогое доверил!..

– Ах ты... паразит! Я тебе отсырею!

Теперь уж хохотали и свои, и те, кто косил по соседству.

Советовали разные варианты избежать «в профилактических целях», предлагали помощь в использовании дедовского арсенала. Смеялись! Шутили!

Люди жили без злобы... Любили жизнь за то, что она простая, сложная, трудная и понятная...

Глава 17. Алёнка

Казакки строго соблюдали и праздники православные, и традиции дедовские.

Во время сенокоса сухой закон! Никаких тебе застолий. Все именины на потом! Сено в копнах – четверть на стол!

И тоже – без переборов – самая работа летом. Где крышу поправить, где заплот подновить, там полы перебрать, тут родне подмогнуть. Смотришь – время подошло сыну дом рубить.

Лес по зиме завезли, весной брёвна ошкурили, запилили, затесали, пронумеровали... Каждое обласкали. А которые без тепла попались – поменять пришлось на живые.

Так, чтобы в избе песни легко пелись и детки здоровыми рождались. Избы у казаков на храмы похожи. Под круглыми крышами красуются.

Просторные.

Перед дверью, по правую руку, крюк железный вбит. На нём шашка, нагайка и карабин свой час поджидают.

В портках можешь наружу выскочить, а без шашки не получится. Пальцы растопырил на бегу и – будь любезен – ты

при полном боевом. А портки можешь и не снимать на ночь, если не научился попадать в них по тревоге. Можно и в портках приноровиться... спать. Хотя тут на любителя...

Дома помогали крестьяне рубить. Мастеровые. Они в эти края из северных губерний пришли. Осмотрелись... присмотрелись... понравилось! Народ в этих краях живёт серьёзный, честный, без гнильцы в серёдке.

И они пришлись ко двору. Из Вологодской, из Архангельской губерний с семьями перебирались. Деревни рубили, храмы возводили. Без единого гвоздя – на века строили. С молитвой да Божьим благословением. Мастера! Таких уж нет поди.

Они и мебель в домах мастерили, и печи ложили, и «горшки обжигали». И на земле хозяйствовали не хуже других.

Вот такой прочный русский сплав образовался в Забайкалье.

Веками отливали, веками закаляли – булат выковали. Косо смотреть боялись в нашу сторону. Знали, что своим умом живёт народ русский.

Знали, уважали – и побаивались! Больно вера у нас крепкая была. А плетью, как известно, обуха не перешибёшь...

Сена заготовили, как всегда, с запасом. Мало ли какая холера может приключиться?

Два десятка копёшек выстроились во фронт, похожие то ли на караван верблюдов, то ли на колонну танков. Казалось, что они медленно двигаются на запад... Или на восток?

А когда, откуда ни возьмись, молочный туман, разрастаясь с каждой минутой, накрывал пойму реки, то сразу становилось понятно, что это совсем даже не верблюды и тем более не танки. Это самые настоящие разинские челны... Ещё миг – и они исчезнут, чтобы появиться на другом конце света.

«Не может быть, чтобы кто-то думал иначе», – рассуждал, улыбаясь в усы дядя Вася. Он припомнил себя пацаном, потом парнем... «Всегда так было. Да и сейчас никуда эта сказка не спряталась! Деды любовались ею, прадеды тут стояли, и внуки, даст Бог, с этой земли не сойдут...»

Сашке, старшему сыну, и Тимке дядя Вася поручил вершить зароды. Братья управлялись играючи.

Наверх затягивали связанные ветки тальника. Прикрывали копны, чтобы сено ветром не сдувало.

Смотреть со стороны на спорую работу парней – одно удовольствие.

Алёнка и засмотрелась на своего Тимошу. Пока не спохватилась, услышав, как «ржут» дяди Васины сыновья.

А те весело перекликивались друг с дружкой, бесстыдно называя Алёнку любимой невесткой. Нагло кричали «горько» и швыряли картузы к небу.

– Дураки! Ополоумели совсем. Видать, на солнце перегрелись, – смущённо бормотала Алёнка, краснея до кончиков волос.

Мать покосилась на дочку, потом на отца и еле слышно проговорила:

– Ну вот, Феденька, жди сватов. Выросла наша дочка. Жених вон все заборы повалил. Я потом ему припомню! Столбы заставляю заменить – все как один! Медведь! Не упустить бы такого... зятя. Как думаешь, Федя, не упустим?

– Ты лучше Алёнку обучи, как соколика в клетку заманить. Вам, бабам, эту науку куда как лучше знать.

Добрый казак! Двухпудовками, что твой жонглёр на арене, играет! Я не помню, чтоб в Бекетовском роду така силища водилась.

Крепкие сыновья у Василия... это да! И Тимка со стороны тоже вроде нормальный...

Но это только со стороны!

Его заместо коня в волокушу впрягай, он пойдёт её с зародом – и глазом не моргнёт! Такого в хозяйстве приручить – кака удача! Сплошна выгода со всех сторон! Ест за одного, ну пусть за двоих, а работают за... десятерых!

– И как вам не стыдно, а? Родители дорогие! Мама, ну скажи ты папке, чего он к Тимке как к работнику примеряется? – Алёнка отвернулась в сторону, улыбаясь в край косянки.

Счастливая – страшно и подумать. Тимоша обещал сватов заслать сразу после покоса. А слово у него крепкое!

– Сказал – значит зашлёт! Ура-а-а! – кричало от счастья девичье сердечко. – Какая клетка? Я сама в клетке... Мечусь, томлюсь ... сил никаких нету! Помру без него...

Глава 18. Дядя Вася

Накануне вечером женщин отпустили домой. Петруху и Кольку с ними, чтоб помогли по хозяйству. Дров наколоть, воды наносить для бани, барануху иль гусака заколоть для праздничного стола. Ну, и вообще... мало ли чего понадобится... Не всё ж на «хрупкие» женские плечи наваливать.

Хотя такие плечи среди казачек ещё поискать надобно... хрупкие-то.

Красивые казачки! Это да! Но чтобы сильно хрупкие? Это редкость среди наших женщин!

Они скорей на вольных кобылиц похожи! Красивые! Это у них не отнять! Что те – глаз не оторвать, что эти – с первого взгляда в жар бросает и в холод...одновременно. Ладные! Так верней будет...

Мужики с утречка корчажки проверили, закидушки достали, сети перетрясли, с поклажей разобрались. Гольяна, чебака с ведро набралось, пара щучек, пяток налимов.

Сашка на зорьке трёх сазанов добыл. Всё прибрали. Рыбу сырой травой переложили и в мешок брезентовый упаковали. Мешок Серёге на спину приторочили и на велике домой отправили.

– С ухой сёдня будем. Факт! – потирал руки дядя Вася.

На душе легко, светло даже! С такой работой управились. Зауважаешь себя!

Перед дедами и прадедами не стыдно! Погост вот он – на бугорке. Кресты друг из-за друга выглядывают, улыбаются. И нам не стыдно. Гордые едем. И тоже улыбаемся. Крестимся в ответ.

Всегда так было. Домой возвращаешься – мимо погоста проходишь. И когда из дому – тоже его не миновать.

Кресты глаза в глаза смотрят! И тебе не отвернуться. На их стороне правда. Отвернёшься – считай пропал. Потом уж не исправить.

Без глаз кресты на покойников похожи. С глазами – на родню. Тут хоть кто не отвернётся! С улыбкой друг на дружку смотрим! Смотрим, вспоминаем!

Не молчат кресты – говорят тихонько, обнять мечтают. Одного обогреть, другого приласкать. А главное – научить, подсказать что-то пытаются. Родня всё ж таки. Переживают за нас! Так и живём, не расставаясь. Не забываем, мечтаем, радуемся. За себя радуемся и за них, что нас не оставляют.

А как же? Отчёт держим перед строгими предками. Доверие оправдываем. По-другому никак. Помнить надо! Помнить и оправдать!

После баньки разомлевшие мужики расселись на лавке. Попивали прохладный квас и любовались Аргунью.

– Хорошо-то как! – выдохнул дядя Вася.

– Ага... – ответил младший, Колька.

Братья переглянулись и рассмеялись.

– Старый малого разумеет, – похвалил сына дядя Вася.

А Тимоха, наконец, насмелился и обратился к дяде:

– Дядя, тут такое дело – не откажи в просьбе племяннику. Сватов хочу снарядить к Алёнке. Тебя и тётю в сваты зову. Ты как? Уважительных причин для отказа нет?

– Ты чо, племяш? Я только с радостью! Выходит, вечером совет будем держать. Под бражечку оно куда как сподручней. Мозги смелей под чубом шевелятся. Ковшечка по три можно пропустить, но не боле.

Тако дело! Тут надо речевку выучить так, чтоб от зубов отскакивала. Лидка така зубаста! Её в конфуз не заманишь. С Фёдором другое дело – договоримся. А вот Лидка – это та ещё зуботычина.

Придётся постараться – подороже продать да подешевше купить. Ну и чо мы тут коченеем? Пошли в дом – стратегию

обмозгуем ли, чо ли?

О сватовстве тётя Аня узнала раньше. Тимка ей шепнул – так, мол, и так... между нами... А между тётей и племянником секретов не водилось. Любил Тимоша свою тётю. И она в нём души не чаяла. Секретничали. А как без этого?

– Со смеху с вами пропадёшь. Шушукаются по углам! – смеялся дядя. – Тимка, ты держись от баб подале! Обучат крестиком вышивать... Глаза испортишь и руку не в ту сторону вывернешь! Кто тебе потом шашку из ножен выдернет? То-то и оно – некому! Заржавеет и страшно подумать – в негодность придёт!..

А сам выпучит глаза, изобразит такой испуг, что Тимоха поневоле схватится за свою «шашку». А поняв, что повёлся, погрозит дяде пудовым кулаком. Как бы успокаивая его – мол, этой рукой я и без шашки кого хошь располовиню.

Дядя любил племяша не меньше жены и не сомневался: «Этот располовинит! Така силища! Вот уж постаралась сестрица! Бекетовы! У нас не заржавеет!»

Стол выдвинули на середину горницы. Цветастая клеёнка распрямилась и напоминала нарядную скатёрку. Чугунок с ароматной наваристой ухой дожидался своего черед тут же – на русской печи укрытый, под стать клеёнке, полотенцем, раскрашенным ромашками и васильками.

В большущей жаровне томила с картошкой, густо приправленная луком. В глубоких глиняных салатницах поблёскивала квашеная капуста с брусникой, солёные грибочки, огурчики, помидоры.

В центре стола в эмалированной чашке крупные куски сазана, выловленные из чугунок с ухой. Жирное рыбье мясо переливалось золотистым янтарём.

Тут же дикий чеснок, намятый толкушкой и перемешанный со сметаной, пучки лука (мангыра) по обе стороны стола.

Дядя Вася приоткрыл заветную дверцу в залавочек и достал на свет десятилитровую бутыль. Смахнул ладошкой с зелёного стекла несуществующую пыль, повернул продукт к свету, покачал головой и с удовольствием пощёлкал языком:

– Дождалась милая! Ишь, пузырьки от радости пускают. Выходила! Я её через стекло чую! Эта черносливом приправлена. Вкуснятина!

Помнишь, Тимка, как вы с Алёнкой наловили чернослива из бутылки да оприходовали с полкастрюльки? Наугощали друг дружку так, что заснули в обнимку под кроватью.

А мы вас до петухов искали по всей деревне. Вдоль Аргуни, в обе стороны, по камышам столь лягушек передавили.

Сильно тогда перепугались. А вы в обнимочку, нос к носу, посапываете как ни в чём не бывало. Потеха! От горшка два вершка, а туда же...

Мы тогда ещё по рукам с Федором ударили! Получатца, вы вона с каких пор помолвлены, с Алёнкой-то.

Если забыли Кочневы – напомним! Это наш козырь! Мы его прибережём, а в нужный момент и покроем ихню карту!

Я верно толкую, Аннушка?

– Ты кого тут мелешь! Козырь у него... в рукаве... Шулер нашёлся! Разливай свою бражку! Уха стынет. Соловья баснями... сам знашь.

Пробка, будто выстрел из «мелкашки», глухо хлопнула, и ароматный напиток с лёгким шипом устремился наружу, наполняя нарядные стаканы из розового стекла дядиной «вкуснятиной».

На стаканах особым способом нанесены рисунки-гравюры. В местах, где касался резец, они шершавые на ощупь и отсвечивают молочно-белым цветом

Дядя привстал со скамейки и торжественно произнёс тост: «За сенокос!» Медленно, смакуя каждый глоток, опорожнил свой стакан, крикнул и тут же разлил по второму: «За офицера-племяша! Так держать, Тимофей Иннокентьевич! Возродится казачество на земле Забайкальской, коль таки богатыри погоны носят!» – выпил второй стакан и прослезился от удовольствия. Хороша бражечка!

Потом плотно закусывали, расхваливая хозяйку и каждое блюдо по отдельности. Запивали прохладным квасом, а погода, чтобы «не запутать нутро», помаленьку подливали брагу.

– Дядя, а что за история с Воронком? – напомнил Тимоха. – Ты обещал рассказать.

Спросил и поперхнулся, поняв, что... что-то тут не того... не всё гладко.

Сидящие за столом переглянулись, а тётя строго приказала:

– Ну, докладывай, «есаул молоденькай», откуда у коня ноги растут? Не из седока ли?

Тётя Аня повернулась к племяннику:

– Тимка, ты моё поручение исполнил? Достал секретное оружие?

В избе легонько колыхнулись занавески на окнах. Ветерок, откуда ни возьмись, пробежал по горнице и тут же спрятался под улыбочивые усы сыновей. Дядя Вася окинул сыновей строгим взглядом, поднял стакан, отпил пару глотков, разгладил усы и, что-то вспомнив, ухмыльнулся захмелевшими глазами.

– Тут вот какое дело, Тимофей Иннокентьевич! – начал издали хитрющий дядька. – Издавна так повелось в наших краях. Мы китайца сторожим с нашей стороны границы, а он нас остерегается... Ну, чтоб к нам вольно не гулял почём зря.

Но чего греха таить – бывало, что и наведывались друг к дружке без приглашения. Не на именины, конечно.

Табуны тому причина. Бывали случаи – угоняли лошадок за кордон. Исчезнет табун – и с концами.

Деда наши долго не церемонились. Ногу в стремя и при «полном параде» через границу. Таки рейды устраивали по неприятельским тылам.

Я помню те времена! Тут не то что ворованных – последнее казакам отдашь, только бы не довести до греха.

Умыкнут какого коняшку – не без этого. Но табуны возвращали однозначно. Те, кто по соседству живут, сразу через Аргунь, не шалили. Им без надобности с нами ссориться.

Залётные шухарили ... Издалёка приходили пожить за наш счёт. Да не тут-то было! Ловили и их. Отбивали охотку с первого знакомства.

По ту сторону тоже казаки живут. Помогали своим в таком деле. Мы и сейчас с ними связь держим. Родня кругом. Каза-

ки! Кто кому братом приходится, кто – сватом. Внуки повыра-
стали, правнуки по обе стороны живут. А корни-то здесь! Они
до середины земли проросли. Под кресты схоронились.

Куда без корней-то? Нас хоть с кровью отрывай – не ото-
рвёшь! Мы за нашу землю стояли и стоять будем. Придёт
время – вспомнят о казаках.

Не обойтись без нас. Границу кто защитит так, как мы об-
учены? Тут ведь такие места, что только на коне... А без мест-
ных привычек – ты как корова на льду! Шуму много, а толку
пшик.

А нашего брата-казака на мякине не проведёшь! То-то и
оно. Мы за милу душу. Придёт время... вспомнят! Не опо-
здать бы только со временем!..

Дядя Вася пристально посмотрел на Тимоху:

– Что скажешь, лейтенант Бекетов? Вспомнят? Или так и
будем... коровам хвосты крутить?

Тимофей растерялся:

– Ты это о чём, дядя Вася?

– Ну-ну, пришло твоё время, лейтенант. Разберёшься, что
к чему... Вернёшься ещё не раз в наши края. Корни! Куда без
них, без корней-то?..

Глава 19. Китайский сервиз

– Василий, ты нам зубы не заговаривай. Давай-ка по поряд-
ку о своих «рейдах» по «неприятельским тылам». Проведём
генеральную репетицию, как полагают. Тут тоже речёвку
надо придумать позакорыстей. Через неделю собрание в
клубе, а ты под третьим вопросом записан: «Персональное
дело тов. Бекетова В.С.»! Она как! Не Воронка – тебя разби-
рать будут по косточкам! А засудят? Нам что делать?

Дядя недобро скривил рот. Верхняя губа дрогнула и сло-
малась пополам. Он резко рубанул воздух, будто шашкой
рассёк:

– А-а-а, будь что будет! Уйду к землякам за кордон. Чего
я там не видал – в казематах тёмных? Сколь в них народу

мается за «понюшку табака», сколь сгнуло с концом?.. Не дождутся, чтоб казак Бекетов по доброй воле голову к плахе прислонил!

Дядя Вася залпом опрокинул стакан браги, окинул взглядом родных людей сквозь щелки прищуренных век и вдруг весело объявил:

– Дончак – это вам не хухры-мухры! Для него границ не придумали! Он, как вольный сокол, куда хочу – туда и лечу!

Если хозяин в беде оказался – ранен, к примеру, вражьей пулей, грудь стрелой ли, копьём пробита, то он, верный товарищ, доставит его до ближайшего фельдшерского пункта, не оглядываясь на ваши запреты.

Откуда коню знать – где свой, а где чужой санитар? Ему хозяина выручать... в первую очередь. А собрания эти – пустой звук! «Персональное дело»!.. Плевать мне на это дело! И Воронку моему плевать! Он меня, может, от гибели верной уберёт, а я на какое-то там «персональное дело» внимание обращать буду? Пуцай разбирают! А я за кордон, если чо... Буду на эту сторону в гости «захаживать». Вот ведь надоумили народ – «персональное дело»! Тьфу ты... Бдительность у них проснулась! А у меня она и не спала отродясь, бдительность-то!.. Нечем крыть? То-то и оно! Казак бы понял казака, а эти?.. Пропади всё пропадом!

Тётя, разливая остатки ухи, замерла с половником в руке:

– Я те «позахаживаю», паразит! «Пропади всё пропадом»?! Ишь чо удумал! Я и тебе, и Воронку твоему гривы расчесу! Уйдёт он за кордон! Намылились на пару! А нас на кого? Потерпишь!.. Собрание от силы часа полтора продлится. На тебя и Воронка твоего и того меньше – минут десять-пятнадцать оставят. Потерпишь!.. Какие мы гордые!.. Уйдёт он за «кордон»... Если чо – вместе уйдём!

Дядя Вася выпучил глаза, крутнул усы и хлопнул себя по коленке:

– Вот за что люблю тебя, Анюта! Знаю, что за мной – и в огонь, и в воду! Не помрём по отдельности! Это факт! А как же? Только вместе! Я и сам хотел предложить – «вместе»! А нет – силком увезу!

За столом одобрительно «загудели» сыновья. Тимоха подержал братьев:

– Ну вы того... догутарились!

Тётя Аня уже спокойней добавила:

– Они с Воронком фордыбачут в своё удовольствие, а нам головная боль? Терпи, Вася! Бог даст – обойдётся и на этот раз!

Сыновья взялись подбадривать отца:

– Батя, мы тебя в обиду не дадим. Отобьём у кого хошь. Вон и Тимка подросел вовремя. Поможешь, братуха, если чо?

Тимофей опешил от такого поворота, но ответил не задумываясь:

– Помогу! Об чём речь? Впервой нам, чо ли, носы сворачивать чужакам? Свернём и в этот раз! Не сомневайтесь, братьельники. Сдюжим!

– А что за история-то? – уже серьёзно поинтересовался Тимофей. – Доложите по форме, откуда ветер дует?

Дядя Вася начал свой рассказ:

– Я и говорю: наши табуны нет-нет да забредут за Аргунь. В прежние времена, это ж всем известно, казаки и заимки обустроивали на китайской стороне, и покосы держали, и чудили в ихних кабаках. Никому и в голову не приходило, чтоб на собраниях вопросы задавать.

Что-то, конечно, пропадало безвозвратно, если совсем безхозным оставить. Мол, чего без пригляду оставляете. Мы тоже не лыком шиты. Есть с кого пример брать. И у вас, мол, да и у нас чужо из рук не выпадают. А тут, лет семь тому назад, привезли в Забайкалье чистокровных дончаков. Трёх кобылиц и двух жеребцов. Кровь-то время от время обновлять надо. Так веришь, нет – старики со всей округи понаехали. Кто на своих ногах, а кого и за портупею сыновья придерживали. Это видеть надо! Обнимают деды лошадок, слёзы по щекам бегут, целуют, шепчут в уши своё сокровенное. Мы со стороны наблюдаем, а у самих грудину железным обручем давит. А лошадки не брыкаются – смирно стоят. Узнали своих, слушают земляков, не перебивают. Така радость... и тако

горе в одном месте образовались. Это ж как надо было по живому шваркнуть в «известно время», чтоб народ так затаился?

Воронок наш из них, из прикомандированных будет. Сыном приходится тем дончакам. Однолюбом оказался. Кобылица огнём переливатца! Рыжая, что твоя Алёнка! Ну, ты его поймёшь, Тимка?

Не доглядели. Ушёл табун на ту сторону Аргуни и «рыжая» с ними. Сдурел наш Воронок. Человек не всегда так страдает, как он маялся.

А на поверку хитрей чёрта оказался! Ведь чо удумал варнак! Смех и грех с ним! И как грамотно всё обставил. Не подкапашься!

Подкараулит, когда у меня брага выходитца, а я с Кандрашевской заимки под мухой возвращаюсь – с устатку опрокинешь пару ковшичков и закимаришь под скрип полозьев.

Вдоль Аргуни зимник проторён. Белым-бело кругом. А под тулупом благодать. Тут хоть чо привидитца, и всё в цвет!

А он, видать, со свой «рыжей» заранее уговорится. Так, мол, и так – выходилась у Василия бражка. Жди – намердни прикатим...

Я глаза прoderу – чья-то рука красный стакан в усы суёт. Думаю, вот те раз, моя Анюта расстаралась! Натурально на неё люблюсь, об чём-то расспрашиваю на радостях. Соскучился. Сколь время в тайге провёл. Один да один – говорить разучился. Стакан опрокину – и через три дня у калитки очухаюсь. Три раза так... точь-в-точь, как на повторе.

Воронок пустым подсумком раскачиват. По всему видать, отстрелялся на вражьей территории. На меня косится, хвостом не машет – вилят зараза. В настроении стервец!

Каки к нему претензии? Никаких, окромя порожнего подсумка. Но это не моё алиби...

А меня, значит, «по косточкам»?.. «Персональное дело тов. Бекетова В.С.»? Я дурак дураком. Ничо вспомнить не могу! Отшибат «огненна вода» память – хоть тресни! Чо они туда толкут?.. Хорошо хоть не стекло.

Под тулупом пошарю – в ногах сервиз из красного стекла, в изголовье литруха спирту китайского.

Я таких сервизов три комплекта припёр. Как ни крути, а получатца я контрабанду с оказией поставляю! Како-то издевательство!

Или это от «рыжей» подарочки в знак благодарности? Мистика и сплошной конфуз со всех сторон. Смех и грех с ними! Дончаки на мою голову!..

Тётя Аня постучала по краю стола указательным пальцем и подвела итог:

– «Рыжуху» эту надо домой вертать. По-другому никак. Не уговорится Воронок – подведёт он тебя под монастырь и нас, с тобой за компанию. Чо хошь делай, а кобылу вызволи из плена.

Дядя Вася, довольный, ухмыльнулся:

– Есть такое дело! Считай, и по цене сговорились. Жеребят от титьки отлучат, и можно сватов засылать.

– Ну-ну, заначку-то поди всю истратил?

– Не волнуйся, Анюта, пополним к зиме. С сыновьями в этот раз поедем речку цедить. Я и инструмент подготовил на всех. Пополним! Где наша не пропадала?..

Весь следующий день посвятили подготовке к сватовству. Сашка и Тимоха готовили бричку. Отмыли, начистили до блеска, подкрасили, оси солидолом смазали. А вечером запрягли Воронка и укатали в степь.

Сашка со своим закадычным другом Петрухой в ВДВ по три года отслужили. Океан околдовал Сашку. Он признался Тимке:

– Осенью в мореходку поступать буду. Ты пока бате не говори, расстроится. Он всё мечтает возродить казачество в наших краях. А я не верю в эту затею. Тебе со стороны, может, и кажется, что тут рай на земле, но мы-то видим, как она из-под ног уходит, земляца наша.

Эх, да чего там – сами и раздаём её направо и налево. Вон, и на островах китайцы хозяйничают. А ведь они испокон

веку наши, острова-то, были. Отдали!

Шаг за шагом, год за годом пятимся и пятимся. Прогибаемся...

Негоже от казаков отрешиваться. Мы – русские люди, с нами считаться надо! На стариков смотреть больно! Ничо понять не могут! Почему отдаём то, что предки кровью отвоювывали?

Ты-то как, знаешь ответ, Тимка?

Тимофей не знал... Не до того было. Он только-только с казармой простился. Свободой не успел надышаться. Ему не до того... не до рассуждений. У него вопрос жизни! Его Алёнка!

Сашка покосился на брата и сообразил, что тому не до островов:

– Ладно, будет ещё время, договорим наш разговор. Эх, хорошо-то как, братуха! Молодцы предки! Знали, где счастье живёт!..

Глава 20. Сватовство

Обряд сватовства отвели по всем правилам. В воскресенье, ровно в десять нарядная бричка под перезвон серебряных колокольчиков на украшенной разноцветными лентами дуге выехала из ворот Бекетовской усадьбы.

Воронок, будто понимая всю серьёзность предстоящего события, вытанцовывал такие кренделя, что деревенские поневоле останавливались и любовались на красавца дончака.

– Повезло Ваське с конём! Ишь, чо вытворяет!.. Порода! Всё понимает, всю старатца, чтоб не оплошать в ответственный момент. Вроде сам в смотринах участвовать собрался или вспомнил свою... «иностранку»?

– Нахлобучил хозяину шапку до пупа... Вот те и порода!

Ванька и Пашка, два соседа, оба заядлые рыбаки и закадычные кирюхи, предвкушая дармовую выпивку, за глаза подзуживали над Василием. Без злобы, а так себе – для сочувствия.

Алёнкин дом стоял на той же улице, чуть наискосок.

– Можно и на босу ногу в черевичках сбежать, так нет же, вырядились... Одно слово – казаки! Эти последнее отдадут, голодать будут, только бы, не дай Бог, не опростоволоситься перед земляками.

– Держат марку! У них так принято, у казаков-то, чтоб комар носу не подточил. Обычаи строго соблюдают.

– Это и хорошо! Без обычаев далеко не уедешь. В телевизорах-то одни сюсюканья да целования в засос. Мужики с ума посходили! Тьфу ты... срамота одна, смотреть тошно!

У колодца, опустив пустые вёдра на землю три соседки, припоминая своё девичество, наперебой пересказывали подробности своего сватовства и наблюдали за нарядной коляской.

– Сколь лет с казаками живём бок о бок. И покосы у нас одни и те же, и дома рядом, и заборы невысокие, и работаем в колхозе на равных. А им всё не имётся! Умудряются же, из кожи вон лезут, но чтоб у них покрасивше ... И ребятишки у них поопрятней, и подворье побогаче, и сами они... чин чинарём. Любо-дорого посмотреть на служивых-то.

– Это да! Люди войсковые, чо ты хошь? Если внутри дисциплина, то и на поверхности всё ладом. Так и у них.

– Ты это чего, Верка, никак на казака какого глаз положила в созрелые-то годы? – ущипнула весёлая Любаня свою подругу за крепкую талию.

– Ой, Любаня, до полной зрелости я ещё не одного бы казачка стреножила, дай мне волю!

Третья, Наташка, облокотила коромысло на колодезный сруб и потянулась руками к небу, выгнув дугой своё ладное тело:

– Ой, девки, не травите вы душу... Какой месяц без мужика... Провались они пропадом, эти его заработки. Кого он там обрабатывает на своём Севере? Мочи нет никакой...

По ночам на луну выть научилась. Корову перепугала так, что доиться отказалась. Меня не подпускает – остерегается, видать, заразиться моим воем.

Женщины покосились одна на другую и дружно расхохотались:

– Не-е-е... до полной зрелости ещё успеем – стреножим какого приبلудного... ха-ха-ха...

Дядя Вася и тётя Аня нарядные. Он в костюме синего цвета с широкими лацканами, в голубой рубашке и в чёрных щтиблетах. На голове серая кепка-семиклинка с пуговкой на макушке.

Вечером дядя спохватился: «Тимка, надо бы казённой водочки... Брага брагой, но тут дело больно серьёзное». Тимофей достал из чемодана заранее купленные для этого случая пять бутылок «Столички» за четыре двенадцать.

– Это вещь! Ещё пять козырей в нашей колоде! Молоток, племяш! – похвалил дядя, посмотрев на свет сквозь прозрачную бутылку.

Тётя Аня одета по последней моде – в голубой, длинной, присборенной юбке, в штапельной васильковой блузке, перехваченной в талии волнистой баской, в высоких красных сапожках из тонкой мягкой кожи, зашнурованных шёлковыми шнурками. Красивая, весёлая, озорная раздавала поручения направо и налево:

– Это говори, тут промолчи, там притормози... туда не смотри!

Волновалась, но виду не подавала.

– Держит строй моя Анюта! – с удовольствием отметил дядя Вася.

Конечно, родители Алёнкины были в курсе того, что сегодня в их дом заявятся сваты. Тимоха через Серёжку, младшего брательника, передал Алёнке записку. Так, мол, и так – жди сватов, своих предупреди.

Кочневы спали в полглаза. Мало ли... Деревенские жёнихи недаром глазами зыркают да зубами скрипят. Книжку-то все читали, которая «Даурия». Выучили, небось, как ворота дёгтем разукрасить. Не дай Бог! Собаку у калитки привязали. Сам Фёдор в палисаднике до петухов маялся – караулил варнаков. Обошлось, слава Богу!

– Доброго здоровьечка, хозяева!

– И вам не хворать! Проходите в дом, гости дорогие!

Фёдор и Лида встретили сватов у калитки. Одеты под стать гостям. Фёдор в широченных коричневых брюках, в полосатой белой рубашке и тёмно-вишнёвых туфлях со скрипом.

Лида в ярком сарафане с белыми оборками вокруг глубокого выреза на высокой груди, в беленьких босоножках с золотой застёжкой. И тоже озорная, весёлая и сосредоточенная.

– Ну и погодка выдалась! – это дядя Вася начал с дальним прицелом.

– И не говори, сосед! Погода так погода – «вёдро»... Пора бы на Илью, так нет же – держится сушь. Дождём и не пахнет, – ответил в тон Фёдор.

Сваты прошли в горницу, осмотрелись по сторонам. Тётя Аня похвалила Лиду за порядок в доме и отметила про себя, что скамейка стоит как раз под матицей (под центральной потолочной балкой): «Ага, ждали! Тимка расстарался – предупредил заранее. Это и к лучшему».

Улыбнулась Василию и подтолкнула его локтем в бок: мол, давай-давай, оправдывай доверие... где, мол, твоя речёвка, что от зубов... да позакывристей?..

А дядя только того и ждал. Всё покатилося как по маслу.

Хвалили хозяйство, потом расхваливали Алёнку. И умница она, и помощница, и красавица...

«Наш купец – ваш товар!»

Пришла очередь похвалить жениха. Дядя расправил усы и, стараясь не пропустить ни одного «козыря», отчеканил свою речёвку:

– Тимофей – серьёзный парень! При службе, при хорошей зарплате. На всю жизнь семья обеспечена. Да и любят они друг друга. Столько лет верность хранят! С тех пор как чернослива из бутыля отведали, считай, и не поссорились ни разу.

Лида не удержалась и поддакнула на свой лад:

– Это так! В том возрасте, когда ягодку из бутыля вылавливают, люди ещё разбираются, с кем не грех выпить, а кого и остерегаться надобно. Дай Бог, чтоб до старости на своей кровати в обнимку засыпали и... просыпались бы в своей и

тоже в обнимку.

Дядя не подал виду, что Лидкин «козырь» на туза тянет! Он знал её поганый характер и готовился заранее не поддаться на её провокации.

Выдержал!

Хотя если бы не сватовство и не острый Анюткин локоть в боку... Как бы это всё обернулось?

Фёдор и Лида ещё посопротивлялись для порядку какое-то время.

Наконец поднялся Фёдор:

– Ладно, мать, почему бы и не породниться с хорошими людьми. Дочка всё одно – отрезанный ломоть. А так хоть спокойны за неё будем. Жених – по всему видать – мужчина серьёзный и обеспеченный. Опять же – на государственной службе состоит. Получается, по нашей линии пошёл, по казачкой. Как ни крути, а отдавать придётся. Уж больно они любви друг другу...

– Загугарились мы, а соловья, как известно, баснями не кормят, – спохватилась Лида.

Стол накрыли в пять минут.

Василий достал из внутреннего кармана бутылку «Столичной», Фёдор встречным ходом водрузил свою.

– За «бумагу!» – провозгласил тост дядя Вася. Все подняли стопки.

А это означало, что сватовство состоялось и, как называли в народе этот документ, «договор», «купчая» ли подписаны.

Дальше пили водочку, закусывали, чем Бог послал, обсуждали необходимые приготовления к свадьбе.

Гуляли до позднего вечера. Такое событие не каждый день!

Лида вынесла икону Богородицы и благословила Алёнку: «Будь счастливой, доченька. Благословляю тебя, милая, на замужество! Во всём будь опорой своему Тимофею. И в радости, и в горе, чтоб до конца вместе!»

Тимофей опустился на колени перед иконой Спаса Нерукотворного. Глядя в глаза святому лику, Тимоха поклялся:

«Навсегда! И в радости, и в горе! Навсегда!»

Дядя Вася перекрестил племянника и в свою очередь добавил: «Честь семьи, честь рода превыше всего! Наша сила и прирастает через жён наших и матерей. Будьте счастливы, родные наши!»

Свадьбу решили отпраздновать на Покров.

Глава 21. Эпилог

На той же сопке, что накануне сватовства, только через тридцать с лишним лет стояла та же бричка, запряжённая похожим на Воронка жеребцом. Двое мужчин солидного возраста смотрели на Аргунь.

– Обмелела она, что ли? – спросил тот, который поздоровше, с военной выправкой.

– Тут, Тимофей Иннокентьевич, не только Аргунь обмелела. Народу с «гулькин нос» осталось. Кто спился с горя, другие вымерли с него же, с горя проклятого, третьи ушли куда глаза глядят, только бы подальше от этого разора и нищеты. Остались старики да те, кому деваться некуда!

Спросишь, кто такие смелые, что не побоялись сгинуть?

Отвечу! Это те, в ком кровь наша, казачья по жилам бежит. Не желают казаки умирать, не получив ответа на непростой вопрос.

А вопрос вот какой! Почему так вышло, что русский мужик на своей земле не хозяином оказался? Предки запретили умирать. Заклинали – докопайтесь до истины. А уж потом решайте, как с ней поступить. Но сначала докопайтесь.

И что ты думаешь? Казаки правдами и неправдами в станицы объединяются. Фермерами себя обозвали, предпринимателями, а по сути – изо всех сил стараются казачество возродить. Жилы рвут, только б не загнуться раньше срока. Выполняют наказ стариков – «пока не докопаетесь, ни шагу со своей земли!»

Что за люди эти казаки! Им по какому кругу путёвки на тот свет выписали, а они на своём стоят!

Вера тому причина! Вера! Без неё человек пустой внутри – летит, куда ветер задует. А наши к земле намертво приросли, корнями за погост держатся.

Ну и как, Тимофей Иннокентьевич, есть у тебя ответы?

У Тимофея за эту минуту вся жизнь перед глазами пролетела. Вспомнил, как на его свадьбу двоюродный мамин брат с другом приехали. Казаки! Из тех, что из Китая вернулись да станицу возродили на пустом месте.

Друг – вылитый Чингисхан. В плечах широк, в талии узок, ноги колесом, а сам будто тетива на луке. В глаза ему глянул – внутри всё инеем покрылось.

Спросил казак, когда вдвоём остались, с глазу на глаз:

– А ты, Тимофей Иннокентьевич, не родственником ли приходишься Тимофею Перегудову?

– Не знаю такого, – ответил Тимоха. – А откуда он родом и почему интересуется, дядя Витя?

(Казака Виктором Александровичем величали.)

– Родом он из города Ярославля. Женат на моей сестре Валюшке. Живут семьёй в Улан-Удэ. А интересуюсь я потому, что ты с ним одно лицо будешь. Что обличем, что манерами – как две капли воды...

– И каков он из себя, Перегудов этот?

Витёк с удовольствием и в красках описал своего соседа по восьмиквартирному дому. А когда упомянул об Аграфене, тут уж и Тимоха подпрыгнул на скамейке.

– Это ж мамка моя!

– А батю твоего как величают?

– Иннокентий Степаныч! – ответил Тимофей.

Витёк неожиданно прервал разговор:

– Бывают же совпадения... – потом, помедлив секунду, добавил: – Неисповедимы пути твои, Господи...

А через несколько минут отец и мама обнимали «Чингисхана», как родного...

– Витька, ты? Каков красавец! Ну-ну, давай рассказывай! Что да как? Какой жених-то был! Эх, Витёк, сколь годов ми-

нуло, а ты всё такой же... Соколом кружишь!

– А как там Александр Ермолаич и Хаврония Селивёрстовна поживают? Живы, здоровы ли?

– Со мной живут. Уж какой годок вместе радуемся. Я как дом поставил, так и перевёз их к себе в станицу. Батя сразу лет на десять помолодел и мама рядом с ним повеселела.

Помнят батю и по ту сторону границы, и по эту к нему прислушиваются. Повидал в своё время родитель! А я голову ломал – в кого таким шибутным уродился? Оказывается, есть в кого!

В годах уж, а всё не уgomонится. Двухрядку отреставрировал. Меха перетянул, клавиши заменил, звук настроил. Да так, что вечерами полстаницы на скамейке собираются.

А он и рад стараться. Все песни заново разучил и такие представления устраивает... Хоть на конкурс отправляй!

Сбылась батина мечта – успел со станичниками обняться... И я вовремя поспел. Не опоздал, слава Богу!

И тот случай вспомнил, когда чуть было не выронил своих близнецов на выходе из роддома. Тоже пережил, когда его и Алёнку, кроме родителей и сеструхи, встречали здоровенный дядька знакомой наружности и женщина в форме бригадира поезда.

Мужчина держал в руке красивый букет хризантем. Он весь светился от радости. А когда мама представила его как второго отца, тут уж Тимоха совсем растерялся.

– И чо с вами прикажете делать, батяни мои дорогие? Алёнка, возвращайся в палату, надо ещё как минимум парочку сыновей выносить. Каждому батьке в руки по паре...

И всё как-то само собой пошло.

Побывали они с Алёнкой и детишками в городе Ярославле. Горячий воздух горна окончательно развеял все сомнения.

– Наша кровь! – заключил ярославский дед. – Нашёлся внучок, слава Богу, и правнуки в придачу. Сейчас и помирать можно с чистой совестью. Добрые хлопцы! Наши – Перегудовские!

Потом служба, гарнизоны, академия, снова гарнизоны. И вот грянула – растуды твою туды – эта заполошная пере-

стройка ...

– Вчера ещё не было ответа, а сегодня вроде есть. По всему видать, быть казачеству на земле забайкальской! Подтверждение в нагрудном кармане лежит. Помочь надо своим. Сколько время бьются... и всё впустую.

Неделя прошла, как в штабе директиву вручили. На территории Сибирского округа сформировать два казачьих батальона со штабом в Борзе при непосредственной поддержке командующего округом. Из наших формировать, из казаков.

Санёк внимательно посмотрел на Тимофея:

– Сам-то веришь в это дело?

– Ты знаешь, Саня, за шестьдесят лет я столько всего повидал. Мне бы внуков нянчить, на дачке огурчики растить да малинку шиньгать. А не получается спокойно стареть. Гудит колокол внутри, тревожно гудит, с каждым годом сильнее и сильнее. Я вот и прикидываю себе: кто, если не мы?

Ты старпомом столько лет отходил по морям, океанам. Тоже повидал на своём веку... а сюда тянет.

А тут ни гарнизонов, ни укрепрайонов не осталось. Всё смели, как дерьмо с лопаты, скинули.

Граница на честном слове держится. Я в Ареду, в гарнизон любимый, заехал – и чуть не помер с горя. Это ж армейский объект стратегического значения. Его законсервировать надо было и сторожить как зеницу ока. Чтоб на случай войны в пять минут всё закрутилось.

С этих аэродромов мы весь Восток под контролем держали. Тут не то что стратегическая, тут фронтовая авиация с любой задачей справится в те же пять минут.

А там офицерские дома пустыми глазницами в сторону Китая глядят. Взлётку разобрали! Всё прахом...

Это как понимать, Санёк? Кому в голову такая предательская мысль пришла – над армией измываться?

Народ от обиды стонет! От несправедливости в безверие отвернулся... Людей, как косой, выкашивает. Такие просторы, а радости не стало! Запустение вокруг и горе горькое!

А ты сюда воротился? Жил бы себе в какой-нибудь Австралии и горя не мыкал. А ты домой, где стоны да слёзы, на родную сторону. К Аргуни поближе.

Ты посмотри, как деревню изнахратили. Чужие хозяйничают. Им до одного места наши красоты. Золото намывают по речкам. Химией всю рыбу потравили, покосы у людей поскупали.

Тут у казаков мельницы на каждом шагу стояли, пруды от рыбы пенились. Никому не кланялись. Вольно жили, сытно ели – и граница на замке! Всем было хорошо. И никаких хлопот. Вся территория под контролем. Только свои.

Обманули в сотый раз. Всё отняли. А то, что не пригодилось, унести не смогли, уничтожили, испоганили, огню предали. Не верят люди. Выживают кое-как... Поняли, что к чему, разобрались. Самый момент лицом к народу развернуться. Не упустить бы этот момент!

Свои должны заботиться. Мы с тобой и есть свои! Поспешать надобно, пока последнего казака на погост не унесли.

– И ещё козырь в нашу колоду, как любит говорить дядя Вася. Кто Министерство обороны возглавил?

– И что с того? – прищурился Сашка.

– Казак! – торжественно заключил Тимофей.

– Ты уверен, Тима?

– А ты его верхом на дончаке видел? Нет? Тогда представь. Представил? То-то же! Казак!

– А ведь и правда – похож на наших. Неужели дождались?

– Дождались, Санёк! По всему видать – наступили другие времена! Наши с тобой. Заговорили о казаках на каждом углу. Слава Богу! Дождались.

Послужим Матушке-России, как предки служили. Нам отступать некуда!

Или здесь и сейчас! Или уж нигде и никогда!..

А от Аргуни к сопкам, не спеша, как журавлиная стая, летела старинная казацкая песня. Знакомый женский голос печально напевал:

*Не для меня придет весна,
Не для меня Дон разольется.
Там сердце девичье забьется
С восторгом чувств – не для меня...*

МИНИАТЮРЫ, ЭССЕ НОВЕЛЛЫ

Анисим

Казак спрыгнул с разгорячённого коня, перехватил уздечку в правую руку и не спеша зашагал к Дону. Оглянулся по сторонам и неожиданно для себя запел. Старинная казачья песня поплыла вниз с крутого яра, не касаясь тропинки, меж кустов тальника, шевельнув жирную осоку, сквозь камыши... в темноту. Растеклась по золотистой воде, наполняя Дон любовью.

Казак любил, как никто и никогда не любил до него. Потому что отродясь на Дону не было такой красавицы, как его Алёнка. «Она у меня такая...»

В груди заныло, сладко ворохнулось и замерло, потом застучало, отдаваясь в висках, будоража молодое тело, обрывая края у песни.

«Она моя и только моя. Убью любого, кто только глянет в её сторону...»

Жеребец повернул голову и покосился на казака. Карий глаз тревожно блеснул на закате кровавой слезой. Он прекрасно понимал хозяина.

«Любовь! Тут, брат, не татар по степи гонять. Свой на своего идёт... и свернуть некуда. Анисим не свернёт. Кто другой, может, и попытается, но не мой хозяин...» – с гордостью подумал боевой конь и прислушался к звукам в степи. А степь дышала любовью. Вольные кобылицы призывно ржали и неслись к горизонту, обгоняя ветер...

Атаманов сын попытался перегородить путь-дорожку к Алёнкиному дому. Посёк Анисим казачков в той стычке. Не до смертушки, но кровушку пустил, сухожилия подрезал смельчакам. А Фролу, сыну атаманову, на переносице метку

шашкой оставил, разрубил комара пополам. Никто и глазом моргнуть не успел, как шашка снова в ножны упала. Вчера это случилось.

От похода кровь не остыла. А тут эти герои...

Предупредил Анисим:

– Не стой, Фролка, на пути... За Алёнку с живого шкуру сорву. Не стой – ты моё слово знаешь...

Вот откуда тревога. Хитрый атаманов сын, злопамятный. Весь в родителя.

С трёх лет Анисима обучали воинскому делу. Учителя искусные достались. Воины, одним словом. Прадед обучал, дед подсоблял, отец передыху не давал. Лучше-то их и не найти на Дону учителей. С ними и постигал трудную науку – не умереть раньше срока. Многому научился Анисим. Равного ему в донской степи не сыскать.

Двух сынов подарила жена Елена Прекрасная сотнику Богдану Михалёву.

Старший сын Даниил, младший – Анисим. Один другому не уступит в ратном деле, скорей поможет. Так испокон веку у казаков заведено – брат за брата, сын за отца, отец за деда и так до начала рода. Никогда казак против батьки слово не молвил, и тем более супротив повернуть.

Двумя днями раньше станичники из похода воротились. Анисим из самого пекла вывернулся живым и невредимым. Слава Богу! Другим меньше повезло. Кто со стрелой басурманской в груди, кто с раной от сабли кривой, а кто и поперёк седла меж цветущих садов проехал. Попрощаться с садами, прикоснуться к родным рукам – и в степь... на вечные времена...

О Михалёвых говорили вполголоса:

– Заговорённые они... Своей смертью умирают. Ты его хоть на кол без головы сажай, а он всё одно домой с добычей возвернётся.

Много чего привирали, но одно знали наверняка – род Михалёвых искусных воинов в Войско Донское поставлял. Не было похода, чтобы не отличились Михалёвы – отвагой ли, смекалкой воинской, смелостью лихой...

Темнело быстро, как это бывает только в мае. Анисим глянул на небо и остановился. Ноги не слушались... От яркого сияния перехватило дыхание. Он залюбовался небосводом, боясь шевельнуться. Будто от него что-то зависело в этом калейдоскопе звёзд.

Жизнь казака всё больше в дозорах да в походах, а там не до любования. Рот раззявил – и получи кривой кинжал промеж лопаток. Или аркан вылетит из куста и захлестнёт мёртвой хваткой шею.

Тогда всё... Понесёт тебя вражий конь да по донской степи. Только клочья полетят. На острых камнях да колючках собирай потом казака по горсточке, чтобы родным было что оплакивать, а сыновьям – за кого мстить.

Кое-что, конечно, замечаешь, но это совсем другое. Те приметы, где след чужой укажут, а где подскажут, когда укрыться от того же аркана.

А тут родная сторона... Отдыхай, казак, набирайся сил, люби всем сердцем, продолжай свой род – честный и гордый. Время мало отпущено казаку. Жизнь его – как Дон-река – нет у ней начала, да и конца не отыскать.

Из прадедов к дедам, от отцов к сыновьям та жизнь передаётся.

На месте не стоит река. Течёт... дважды в неё не угадать. Замешкался – и нет твоей реки, она уж в другом месте спешит не отстать.

Не для тебя старается – другого привлекает.

Вроде та вода – да не та. Твоя река давно утекла мимо. Успевай, казак, не опоздай... и не торопись. Не ошибиться надо, а так – чтобы раз и навсегда.

Звёзды будто скользят к горизонту. Туда, где небо и река сливаются и становятся небом. На самом краю они срываются и ныряют в Дон. Звёзды не тонут, они медленно плывут по течению к другому краю... И снова взмывают к небу. Хоровод, да и только!

Анисиму почудилось, будто он очутился в центре огромной воронки. Ещё мгновение – и его закружит эта необъятная сила, затянет и проглотит.

«Сейчас бы Алёнка растолковала, что к чему... Она у меня всё знает, всё видит, всё предсказать может...»

Шепчет Дон:

– Не опоздай, казак! Это твоя примета, когда звёзды в реку ныряют. Настал твой час... не мешкай... самое время. Потом поздно, потом не догнать.

Весна разбудила и взбудоражила донскую степь. Она расцвела, как персидский ковёр: ярко, богато, сочно. Станицы окрасились белым, будто невесты под венец собрались.

Зацвели сады яблоневым цветом. От ароматов цветов, запаха степи, крика журавлей, песни жаворонка спотыкаются даже кони. Жеребцы ломают загоны, рвут поводья, сбрасывают седоков и мчатся в степь.

А там – вольному воля. В степи поджидают красавицы-кобылицы. Оживает степь. Радостное ржание смешивается с криком журавлей, со стрекотом цикад, с казачьей песней, с майской грозой.

Жизнь спешит к новой жизни.

– Не мешай, казак! У нас с тобой мало времени для любви. Не отнимай мою... отпусти на волю. Я вернусь. Куда мы друг без друга? – слышится в ржании верного друга.

Дон

Небеса треснули – вторую неделю вода сплошным потоком заливает Сибирь. Здорово, конечно! Река вздулась посередине горбом, приподнялась над лугами, затопила кустарник, обхватила берёзки, накрыла с головой кусты черёмухи. Одурев от радости и бешеной силы, попёрла вверх на крутые берега. Стащила в воду несколько домишек. Оторвался разбухший от влаги грунт и потянул за собой сосны, бани, беседки, лесенки, мостки и всё, что плохо лежит.

В Сибири сенокос! Время чудес и незабываемых зорек! По реке плывут телеги, куры, собачьи будки, бани, берёзовые дрова, кони и мужики. Мужики в глубоких корытах – нагишом. В руках берёзовые веники и ковши. Меж коленками – бутылки с брагой. Мужиков смыло прямо с полков. Успели прихватить только брагу. Она на этот случай в предбаннике доспевает. Тепло ей там, и под рукой в любую минуту. Вот и сейчас – довольные по реке плывут: брага выходилась, после баньки с первого ковша грудь удалью наливает.

Орут, свистят на все четыре стороны, хохочут, ковшами звенят, бортами бьются, шлёпают друг дружку ещё тёплыми вениками. Карусель, да и только! Корыта похожи на разинские челны. Мужики с диким блеском в глазах и разгульной удалью – на своих прадедов с Дона. Мы все оттуда родом и все из бывших – испокон веков привыкли вольно жить. И о крепостном праве здесь не ведали – не было его у нас.

Морды покраснелись, плечи, как паруса, грудь отвагой гудит, брага пенится, и всё нипочём. Ожил круг – вольницы требует, похода.

Народ по берегам высыпал. Казачков смыло! Такое раз в год, как по заказу. Девки и кто вдовы глаза таращат: разглядеть волнительно, кто там, в корыте у казаков веселится. А за поворотом реки в камышах какого и отбить не грех – в полон захватить до зорьки, пока другие во хмелю песни орут.

Да и не шибко они сопротивляются. После баньки и браги размякли малость. Зато ночью на сеновале, от зари и до зари, с малыми передышками, заливают счастьем бабы грёзы. Потом весь день живот жаром полыхает – вспоминает и полыхает. Казачки на покосе, а живот... вот уж щедрый денёк образовался во время страды. Какое-то буйство разыграет у казаков на радость и потеху баб, вдов и девок. А утром, как ни в чём не бывало, с косой по росе и так по-доброму с солнышком переглядываются и ухмыляются от счастья за счастливых баб.

Мужики силой налиты под завязку. Косы в руках, что сабельки резвятся. Травка, податливая от росы, с радостью под ноги ложится. Работа спорится – кругом смех и песни. Аромат скошенной травы голову дурманит. У баб от воспоминаний соловьиная мелодия в ушах и счастливые слёзы по щекам прыгают.

Здоровые тела играют манящими изгибами и выпуклостями. Платишки росой пропитались и нежным бабьим потом. Прилипли к гибким телам – мужики примечают в полглаза и крепче нажимают на косу-сабельку. Дрожь пробегает по спинам – до зорьки надо управиться. А там...

Эх! Хорошо-то как на Руси живётся без крепостного права! Над головой жаворонок серебром журчит, в небе орёл сторожит, отовсюду стрекот, писк, пение, смех, шутки и... вжик-вжик... коса-сабелька. Надёжно, спокойно, привычно.

Корыто под рукой, бабы на берегу, брага меж колен... Придумали же потеху на Дону! Так всегда было. На Дону затянут про челны, в Сибири корыта уж на воде. В Сибири – «Бродягу», Дон – чарки до краёв... Одни деды, одни прадеды, и бабы как сёстры...

Пора на покос... Светает...

Утро, туман...

Ночью на даче погас свет.

Масляные радиаторы тревожно затрещали, замолк холодильник.

Собака спрыгнула с дивана, громко зевнула и уткнулась мокрым носом в щёку.

Чёрной тенью по ковру скользнула кошка.

Жена потянула одеяло на нос и притихла.

Встаю.

Зажигаю свечи, растопляю печь.

Пламя загудело в трубе, искры с треском отскакивают от сухих сосновых полешек.

И так уютно стало – улыбаемся и щуримся на живой огонь.

В доме благодать.

Время: 4.00 утра.

Не уснуть.

Да и на работу надо собираться – впереди 100 вёрст до Иркутска надо отмерить.

Банька протоплена с вечера и надёжно держит тепло.

Разомлел от душистого духу: камни живые, пару полешек в топку – и готово.

Жар вот он – только оживить.

Туман от реки вползает в дачи.

Течёт между кустов и грядок.

Бодрит, наперегонки с росой, голые пятки.

Эх, сейчас бы под треск дровишек вздремнуть минут шестьсот.

Пора в дорогу!

Прогрел «Одиссея», смахнул росу с окон – и в путь.

Светает.

Впереди красивая деревня – Сосновка.

На берегу пруда из янтарного кирпича возвышается церковь.

Купола на восходе полыхают золотом.

Хозяева выгоняют домашний скот, гусей и уток на волю.

Те, радостно переговариваясь и осторожно ступая, чтобы не придавить кого ненароком, уверенно направляются каждый в свою сторону.

Кто на пруд.

Кто на луга.

Пруд спрятался внизу, в центре деревни – между сосен и высоких берегов.

Небольшая дамба придержала красивую таёжную речку, и та накопила сил и важного спокойствия.

Вытянулась вдоль извилистого русла и успокоилась между крутыми берегами, превратившись в альпийскую сказку для деревенских ребятишек.

Смотришь с берега – вода внизу тёмная, чистая и в любую погоду спокойная.

На воде белые гуси и утки.

По берегам сосны и золотые купола.

Ветер посмеивается и давно махнул на эту благодать.

Радуйтесь – дарю!

Он и сам частенько отдыхает в этой красоте.

С противоположного берега к пруду, осторожно ступая на неуверенных ногах, спускаются четверо деревенских парней.

Двое впереди.

Один держит в руках тёмную пластиковую бутылку литра на полтора-два, наполненную прозрачной жидкостью.

Да спирт, конечно, что же ещё.
Второй несёт четыре стакана.
Вернее два гранёных и две фарфоровые чашки без ручек.

В двух шагах отстал третий.
В руках пара огурцов и помидоры бледно-розового цвета.
Позади идёт четвёртый.
Он по пояс нагишом. Торс мощный, кажется неестественно длинным.
Изгибается и резко вздрагивает при каждом шаге обрванных полиомиелитом ног.

Штанины собрались в упругую гармошку и упираются в голенища тёплых серых сапог.

Брюки однажды удержались на середине бёдер и приновились закрепиться у этой границы.

Изуродованные болезнью ноги исковерканными ступнями отталкиваются от голяшек сапог, а подошвы больно выворачиваются наружу.

Четвёртый будто назло сырому и холодному утру, росе и туману шагает весело, размахивая руками, о чём-то рассуждая вслух.

Губы кривятся в радостной ухмылке, брови ломаются при каждом шаге.

Руки сами по себе – как два крыла у раненой птицы – взлетают и опускаются, одна не замечая другую.

Он из последних сил рвётся в свою стаю.

Они не бросят его.

Он вырос с ними, и неважно, что у него нет ног.

Он знает – они подождут.

И первый мутный стакан спиртяги опрокинут за него:

«За здоровье нашего Васятки!»

Друзья мои – мои друганы.

Они нужны друг другу – мощный торс и три парня с неуверенной походкой.

Деревня позади.
Промелькнул ещё один полусонный городок.
Туман придавил к земле.
Зеркала запотели – вокруг молоко.
А вот и Московский тракт.
Дальше мой городок и наши достопримечательности.

Тракт ремонтируют!
Губернатор обещал евростандарт под колёсами.
И, правда, качусь, как по сковородке – непривычно и приятно одновременно.

«Пять минут Америки», так окрестили наши водители этот участок тракта в прошлом году.

А вот и наши «ночные бабочки»!
Ох, и развелось их у нас!
Вот уж где «евростандарт»!
Некоторые годами на трассе.
Народ привык к ним и уважает за постоянство.
Есть и новенькие.
Тракт притягивает весёлыми фантазиями и мрачной безнадёгой.

Им бы коров доить да детей рожать. Видно, что деревенские девахи.

Кровь с молоком!
А всё даром уйдёт.
Обидно: такая красота – и по кюветам.

Сквозь туман – солнце ядовито-оранжевого цвета.
Выглянуло, приподнялось и замерло.
Огромный обозлённый огненный шар!
Я его таким не припомню.
Поздоровался уважительно и сразу отвёл глаза, вроде дорогой занят.

Как-то не по себе от его взгляда.
Кажется, щёки раздувает и вот-вот от ярости метнёт огненным смерчем.

Стараюсь уговорить, успокоить – мельком так поглядываю – по-доброму и с любовью.

«Молиться надо!» –

это оно мне.

Соглашаюсь и молюсь, как умею.

Тут как раз снова церковь и тоже на берегу пруда.

Голубая, родная, старинная.

Моя церковь – из неё меня в жизнь пропустили.

Ну вот – отсчитал свои 100 вёрст до Иркутска.

И снова встречаются девчонки с Московского тракта.

Здесь, в губернии они понарядней будут.

Очень даже ничего из летящей машины смотрятся.

Это не деревенские доярки – степенные и основательные.

Эти работают с азартом – от них веет шальной лёгкостью и весёлым задором.

Машины глохнут сами!

Японская техника задыхается от девичьего парфюма.

Отказывает хваленая электроника, умирает впрыск, захлёбывается аппаратура.

Водилам ничего не остаётся, как с поклоном к ночным жрицам.

Девчата с весёлым шелестом летучих мышей влетают внутрь – и всё!..

Авто оживает и взмывает над асфальтом, а феи щекочут своими пёрышками то на плече, то на шее, то на щеке...

От них не укрыться.

Да и надо ли?!

Солнышко добреет.

Оно тоже расплывается в приветливой ухмылке.

Жаркий свист срывает одежды и превращается в звонкий хохот.

Солнышко вспоминает, что вернулось в Россию.

Здесь можно отдохнуть и нет нужды раздувать щёки.

Надо успеть обогреть всех, кто нагишом и без ног.

Надо спешить...

В этот раз моя японская машина не заглохла.

А как в следующий?

Это как повезёт...

Россия – тут год за три ...

Тут «Глобы» не того...

Тут гадалки и девичий парфюм вдоль Московского тракта.

С добрым утром, страна!

Август в Сибири

Светает. Серая полоска у горизонта незаметно меняет цвет на мутно-голубой.

И вот небеса, будто умывшись росой, на глазах превращаются в шелковый шатёр, через прозрачную белизну которого на землю просвечивает бледная луна, не успевшая спрятаться в утреннем хороводе исчезающих звёзд. Слава Богу, у меня есть этот день. Пусть он будет не последним, так хочется увидеть себя и завтра, и после... по эту сторону луны.

Совсем рядом оранжевым всполохом ворохнулось долгожданное солнце. Оно по-кошачьи, мягко прокралось за сопкой, покрытой синим лесом. Ещё миг – и тёплые лучи весело брызнут блестящей росой на луга и сады. Вспугнут в глухих распадах дремлющий туман, и он растечётся густым облаком, заглатывая деревья, избы, бани, собак, коров, лошадей и не успевшего прокукарекать петуха. Туман скатится с берега и заскользит дальше, перегоняя реку. Он растёт, сливается с небом, закрывает солнце. В этот раз он обязательно проглотит нашу окаянную Сибирь... всю без остатка. Ему надо спешить, пока солнце не проснулось окончательно. Сегодня получится, сегодня Сибири не станет, он спрячет её от людей.

Ночи в августе такие короткие. Сытой ленью перекормлена природа. Жирный аромат трав, запоздалых цветов, грибов, ягод, пожухлой листвы, смоляной дух хвой, шишек, перемешанный с запахом сырого моха, прелой спелостью дурманит сознание и возвращает меня в детство.

Природа не успевает отдохнуть до рассвета. Она похожа на счастливую бабу, обессилившую за ночь от безумной ласки, разметающуюся на постелях из душистых трав и не в силах пошевелиться, чтобы как-то прикрыть своё прекрасное тело.

Ничто не заканчивается – всё остаётся с нами от первой до последней минуты и снова... к первой. В этом наше счастье и несчастье, радость и печаль тоже в этом.

Позади глубокая чернота ночного неба с яркими звёздами, тяжёлым ковшом и задумчивой луной. Августовские ночи томят и волнуют не только юные сердца.

Старики – они стоят по другую сторону молчаливой луны и тоже мечтают о любви.

Бессонные ночи залиты белым светом, холодным и молчаливым – пугающе спокойным и завораживающе таинственным. От него не укрыться, он пожирает наш сон. Мы смотрим друг на друга... они и мы. Мы никогда не расстанемся навсегда – мы знаем это наверняка...

Для луны нет секретов.

- А туман?
- Туман спешит.
- Успеет?
- Успеет, обязательно успеет.
- Туман или солнце?
- Скоро узнаем.

Сегодня я молод, стою с привычной стороны луны. Завтра на моё место придут помолодевшие старики, а я вместо них окажусь по другую сторону и так же, как они, буду мечтать о любви, чтобы снова вернуться... испытать... и, не отрываясь, смотреть и смотреть на обессилившее от безумной ласки любимое тело...

Развилка

Сегодняшний вечер особенный.

Я чувствую. Не скажу, откуда оно берётся, это предчувствие. Чувствую – и всё.

Не знаю, чего ждать.

Пытаюсь уловить чьи-то мысли, обрывки фраз, слова. Угадать, откуда появится «это».

Спросите: что означает «это»?

Не отвечаю. Знаю, что появится, так всегда бывает.

Странное дело: вечеров много, а особенных – раз, два и обчёлся.

Почему?

Не могу сказать.

В такие вечера непонятное становится чуточку понятным. Не всё, конечно, так, самую малость.

Кто-то решает: надо приоткрыть, намекнуть, подсказать. Мол, иногда надо. Редко, но хотя бы так.

А вдруг поможет, и он сообразит, остановится. Вернётся туда, откуда не свернул, не заметил, проскочил, не разглядел развилку...

Пусть хотя бы догадается, когда это случилось и кто был в тот момент рядом. Кого не узнал, на кого не обратил внимания.

Поймёт, почему сегодня такой, а никакой не другой...

Тот, другой почувствует, догадается, что он совсем не тот, а вместо кого-то... что там вместо него другой, а ему бы сюда... на своё место.

Могло быть по-другому?

Могло!

Развилка?

Именно!

Вот и сегодня.

Не знаю, как объяснить, но уверен, этот вечер запомнится. Запоминаются такие вечера.

Они будто сшивают суровой ниткой наши дни, ночи, годы... радости и беды.

Из отдельных лоскутков разрастается холст. Он и есть наша жизнь. Холст прошит такими вечерами, как вагоны стальной сцепкой.

Вагон за вагоном, прошивка за прошивкой, вечер за вечером.

Летит жизнь – день за днём, год за годом. Стучат колёса на стыках, исчезают состав за составом.

Из света во тьму. Одноколейка. Только в одном направлении... вперёд. Из света во тьму.

Появится ли снова?

Не оглядывайся, не останавливайся. Ответов всё равно нет.

Только вперёд!

Что там впереди?

Об этом узнаем в конце. Не сегодня... в конце.

Ещё есть время?

Есть. Не так много, но есть... осталось...

Не оглядывайся – только вперёд!

Летим в одном направлении. Не пересекаемся. Истина и подлог в одном вагоне. Не узнаём друг друга. И ночью летим.

Все вместе, вперемешку, состав за составом. Утром не просыпаемся. Устаём за ночь. Не засыпаем вовсе...

Бессонница... Некогда спать ... Летим... летим... летим...

Трежит холст. Не выдерживают нитки. Развилки не будет. Проскочили. Одноколейка...

И в радости, и в горе ...

В этот раз им не успеть...

Я всё продумала. Не будет возвращения. Не нужна мне их помощь.

Ничего не хочу.

Устала...

Не желаю возвращаться.

Прощать?

Кого? Его прощать?

Устала...

Незачем прощать.

У меня душа не великая – она у меня маленькая. Беззащитная она у меня. Она не простит. Больно ей – ох как больно!

Умоляет Душа: не возвращайся, Настёна!

Я не вернусь.

Я слышу тебя, моя Душа.

Я справлюсь. Я уже справилась.

Потому и спокойно в груди. Сердечко моё домой вернулось. Столько лет жила без него. Забыла совсем, как оно стучит. В моей груди... не в его...

Хорошо постукивает, ровненько. Мне нравится.

Они вернулись – и душа, и сердце. Они со мной.

Теперь уж навсегда.

Они мои – и ничьи боле.

Только бы Боженька меня понял и простил. Он-то знает: я не сильная. Что я силы той на один раз с собой захватила. Нечем мне пополнить её, силу мою.

И любовь моя раньше меня дышать перестала.

Она меня поджидает там... за дверью.

Я знаю: скоро дверь. Дважды я её видела. В первый раз разглядела, подойти успела.

Во второй – дотронулась. И что удивительно – ручка оказалась тёплой и в руку уютно легла. Я успокоилась сразу.

Тогда помешали – вернули назад. Насильно вернули. А я была готова и тогда, а сейчас и подавно.

Да что там готова... силы закончились у меня. Я бы, может, и рада, как говорится, попытать на стороне.

Но нет в моей жизни той стороны. Я вся на этой. А сторона моя на стену отвесную похожа.

А я к стене холодной прижатая стою. Всё равно не выбраться. Под ногами пропасть чёрная, над головой – небо и тоже чёрное.

Во второй раз у меня смерть клиническую определили. А она настоящая была.

Я с ней познакомилась у той двери. Она только до двери и проводила. Дальше, за дверью... благодать. Должна быть благодать. Я видела.

Не знаю, как объяснить. Если не был там – не поймёшь.

И вот снова дверь.

Иду.

Ручка тёплая и такая же уютная.

Потянула.

Отворилась легко.

И правда... сады... пение... птицы... цветы... благодать...

Покой.

А это кто?

Ромка?

Ромка, родной мой Ромка!..

Конечно, вернись! Для тебя и живу!

Любимый мой Ромка. Единственный мой.

Забирай моё сердечко! Возвращаю, любимый. Для тебя ничего не жаль. Ты без него долго не протянешь.

Бери... бери скорей.
И в радости, и в горе?
А может, вместе в эту благодать?
Ах да, у нас тут Каринка, Сашка и Лерка остались.
Будем растить?
Только вместе.
Навсегда вместе. И в радости, и в горе!
Научим их быть счастливыми. Мой Ромка! Успел...

Натура

И куда я спешу? Всю жизнь так. Бегу, останавливаюсь, отстаю, догоняю, сопротивляюсь, оглядываюсь – и снова бегу, бегу, бегу.

Или не сопротивляюсь?

Хотел бы сопротивляться. Не успеваю. Боюсь отстать.

От кого?

И правда – от кого?

От самого себя. От кого же ещё?

В детстве-то столько всего намечтал. Верил... сбудется. А попробуй всё это исполнить.

Другой бы бросил. Мол, чего вспоминать эти забавы пацанские?

Так нет же – досталась натура настырная от сибирских предков пополам с донскими. Никакого с ней сладу, с натурой этой.

«Мечтал? – спрашивает натура. – Будь любезен.

Надо, чтоб всё чин чинарём – успевай, пока руки-ноги шевелятся».

Раньше-то годы подгонял. Всё повзрослеть торопился, а сейчас притормозить бы.

Куда там?

Не остановить, не передохнуть. Оглянуться некогда.

Лечу с сумасшедшей скоростью. Пока в стенку не упрусь или не ухну с обрыва.

Так и буду лететь.

Не бегу. Ноги не успеваю переставлять. Не касаюсь земли ногами.

Научился летать. Заставили научиться.

Кто?

Сам и заставил.

Хотя был кто-то ещё. Он и надоумил. Сам бы не сообразил. Он и сейчас, этот кто-то, нет-нет да разбудит среди ночи.

Мол, давай-давай... просыпайся. Надо исполнить... нельзя предавать... своё детство.

Не обессудь, мол, такая у тебя натура. Родиться в мечтах пацанских, пройти по жизни и остаться пацаном.

Не просто мне с собой и с ней, с натурой моей – ох, не просто! Не договориться, не расслабиться.

И зачем она мне такая?

Наградили предки сибирские с донскими пополам. Так и маюсь всю жизнь – ложусь после заката, просыпаюсь до рассвета.

Зато столько подсмотреть успел, не пропустить, на зорьках да под звёздами...

Какой уж тут сон?

Меня и подталкивать не надо. Сам просыпаюсь.

Уж голова седая, а я всё мечтаю, мечтаю, мечтаю...

Пацан. Смех с нами и грех... с пацанами...

Навсегда

– Ты помнишь её смех?

– Я помню его... Я не могу его забыть...

Я хорошо помню, когда он родился, этот смех.

В степи – среди тюльпанов и солнца.

Вдали поблёскивало море, сливаясь с раскалённым небом.

Июнь в Крыму...

Так хочется туда – и всё чтобы сначала...

Степь звенела и плыла к морю, к небу, разбрызгивая тюльпаны по сторонам.

Я сказал: «Навсегда...»

И он родился у неё под сердцем, он очень мой – этот её смех.

Будто родник с хрустальной влагой в горячей степи.

Он влился в меня и перемешался с кровью. Он и есть моя кровь.

Это был мой смех – он ждал меня. Он родился для меня.

Он дождался – я его позвал. Я сказал: «Навсегда».

Мы стояли среди тюльпанов. Она смотрела в мои глаза, мы понимали – «навсегда».

И потом – когда она смеялась так для меня – я снова и снова видел степь. Тюльпаны окружали нас, а солнце тонуло в море и небе...

Нас нет рядом... так бывает...

Почему?

Это несправедливо...

Невыносимо хочется в июнь – в Крым, чтобы родился её смех – мой смех в её груди.

Неужели она смеётся нашим смехом для него?

Или у них родился другой смех – свой, его?

Конечно, у них свой.

Мой остался во мне... «навсегда»...

Сокол

Вы не замечали, что над каждым из нас всегда парит Сокол? Он внимательно наблюдает за нами и когда понимает, что пора, мы взмываем в небо.

Вы помните, как мы летали в детстве? Мы парили и точно знали, что летим, и дух захватывало, и не уставали, а когда просыпались, то лезли на крыши и, хлопая руками, смело прыгали в сугробы.

Мы летели, и хотя взрослые не верили, что это так, но мы-то знали, что летим.

Мы прыгали с обрыва в реку, с двухэтажной копны сена срывались с визгом вниз – и летели.

А сколько радости таит в себе вода – над ней летают даже взрослые. Они всё ещё мечтают о полёте, хотя почему-то стесняются в этом признаваться.

Мы стыдимся мечтать вслух. Почему? Мы же мечтаем по ночам наедине со звёздным небом и шумом прибоя. А если попробовать вслух?

Сокол знает о наших мечтах. Он знает о всех посланиях наших предков и любимых.

Он прилетает, когда время замирает, и поднимает нас над Землёй. Мы снова ощущаем себя птицей – пусть это в последний раз – мы летим, чтобы никогда не вернуться назад.

Мы летим в одной стае с нашим Соколом, а рядом Земля, и у неё крылья. Мы одна стая – Сокол, Земля и мы – птицы.

Когда мы в стае, мы шепчем Соколу послания для наших родных и любимых. Мы просим передать – не стесняйтесь мечтать вслух и летать наяву. Сокол помнит все послания и никогда не забывает донести их до наших родных. Он гово-

рит: мы все на небе, нас нет на Земле. Поднимите глаза и вы увидите, как красиво парят над вами ваши любимые.

Помните – у вас есть крылья. Они такие красивые и такие надёжные. Сокол смотрит на нас с высоты и любуется нашими крыльями.

Он знает: придёт время, и мы полетим в одной стае – Сокол, Земля и мы – птицы.

Единственные

В этом году первого мая мне очень повезло – я попал на ледоход на реке Белая. Это большая удача!

Я залюбовался тем, как река вынырнула из-под льда и бросилась целоваться с небом. За долгую зиму они соскучились друг без друга.

Я никогда не забуду этой весны, ледоход и этой встречи.

В отличие от Ангары, с её страстным темпераментом, крутым нравом, многими и многими обидами на человека, Белая течёт легко и весело. Её не перерубили пополам плотины электростанций, не отравили химией, машинными маслами, отходами человеческой жизнедеятельности.

Белая устремилась навстречу Ангаре от самих Саян. Они встречаются на окраине нашего городка и, обнявшись, бегут дальше, к океану.

Белой повезло больше, чем Ангаре. На её пути мало людей, они почти не встречаются. Во всяком случае злых меньше. Тут, по берегам живут, в основном, местные. Они не совсем озверели от «сладкой» жизни, хотя всякое бывает.

Тем не менее река им благодарна. Каждую весну, в знак примирения, Белая дарит «местным» пару дней из детства. Как бы подсказывая, что жизнь скоротечна и не стоит гоняться за одной большой мечтой, а было бы благоразумней, построить свой храм. Или наоборот, жить в кибитке, путешествовать по Земле и наслаждаться тем, что Бог тебя любит и всегда поможет. Костёр в степи, ... на берегу таёжной речки, под звёздным небом-шатром. Это ли не счастье?

Странно, когда человек сохраняет верность на долгие годы, о нём складывают стихи, сочиняют песни...

Люди вздыхают и плачут от восторга и умиления. Мы так мечтаем встретиться с необыкновенной верностью, что напроочь забываем о своей. О той чистой, детской, крылатой – благодаря ей летают наши души, из неё рождаются наши сердца.

Звери, птицы, рыбы, да чего там... разные букашки и те считают нормой отдавать свою жизнь без остатка одному, одной-единственной. Они не бросают детей, жён, мужей, стариков в трудную минуту. Большинство умирают, отдавая любимым последнюю каплю горячей крови.

Зачем жить, если не станет единственного... единственной?..

Как они глупы, недалёковидны. Незаменимых нет... Нас так учили, нас продолжают так учить.

– А как же в романах, поэмах?.. Там тоже умирают!

– Исключение из правил. Там всё так трагично, так грустно. Вокруг столько всего, надо успевать, пока молодой... И тем более когда не совсем... молодой... Надо! Жизнь так коротка...

А рыбы продираются в свой последний поход для встречи с той единственной... единственным... на один только миг...

Навстречу грохоту, безумному напору горной реки, острым камням, когтям зверей, голоду...

Навстречу человеку, который по локоть в крови, кромсает их острыми ножами и из живых выдавливает семена будущих поколений – детей, достойных своих родителей – смелых, надёжных, единственных...

– Человек потому и уничтожает нас – мы не похожи на него, мы единственные. О нас не пишут. Мы такие... мы так привыкли... не предавать

Над нами летят птицы. Они кричат от счастья, что добрались, что впереди она – их единственная Любовь! За многие тысячи вёрст, за долгие недели перелёта – в снег, дождь, ветер, зной... «Мы встретимся с нашими единственными...»

Осталось последнее – осталось уберечься от человека. Он караулит за каждым кустом, за каждым пригорком. А силы на исходе. Надо передохнуть, поспать... прижать к груди любимую, приласкать и подбодрить.

– Человек, ну пощади!.. Зачем тебе наша кровь, наша боль, наше горе? Хочешь, мы научим тебя любить? Один раз и на всю жизнь!

Не молчи. Не прячься в ночи. Выходи и посмотри, как мы любим друг друга. Ты должен понять нас! И постарайся постичь одну истину – счастье спокойно помещается в глазах-бусинках моей гусыни. Оно такое – ему не надо много места

Попробуй не убить нас хотя бы сегодня, человек!

Армагеддон или...?

- Спишь?
- Нет, не сплю.
- А чего маешься?
- Уснёшь тут. Думаю вот...
- Ну, поделись думками своими, тоже не спится...

– Не пойму я, за что у нас голодных судят?

Почему нищих расстреливают?

Откуда столько пьяных вокруг?

И как так получилось, что умный нынче не в почёте?

Пьяный умному так и говорит:

«Ну, если ты такой умный, то почему такой нищий?»

Умный ответить боится. Он, умный, знает «почему», но боится...

Пьяных много, а умных совсем мало осталось. Прежде-то отвечали пьяным, потому и осталось «мало» умных.

- А может, совесть у умных?..
- Причём тут совесть?
- А вот и притом. Все беды от неё, от совести этой. Её не придумали, она всегда была, ещё до умных.

– А разве пьяный не бывает умным?

– Бывает! Только они разные пьяные-то. Я о тех, которые пьяные, но не умные.

– Понятно. А как быть с богатыми? Они такие красивые. Как у них получается быть богатыми? Они что... не умные и не пьяные? Или они особенные какие?

– Ты спрашиваешь как пьяный или как умный?

– А ты ответь сам себе... ответь, а я пойму.

– Ну, хорошо. С совести всё и началось. Совесть раньше умных и пьяных появилась. Она всегда была и всегда будет. Но её не так много. Не хватает на всех. Она к тому приходит, кто без неё жить не может. Поживёт с ним, поживёт и дальше – к другому погостить.

Так и ходит совесть по Земле – от одного умного к другому. Потому что если ты пьяный и не умный, откуда тебе знать о совести?

– А ты уверен, что так и есть? И разве были времена, когда её на всех хватало?

– А как же? Конечно, были. Ты даже не сомневайся. Погибло её много... совести.

При ней ведь как жилось: «Любой был равен каждому». Не было ни богатых, ни бедных, ни господ, ни рабов...

– Даже не знаю, что тебе ответить. На сказку похоже.

– Было! В те далёкие времена не делили, не уничтожали, но преумножали. Человек точно знал: «Если не он, то некому боле».

Он тут не главный...

С Богом в сердце жили.

Для будущих поколений сберечь старались.

Пьяные Армагеддон придумали, в пьяном бреду. Забыли, что сами придумали, сами и поверили. Пропили всё, что только пропить можно. Совесть в первую очередь прогнали. Она ведь загрызть может до смерти. Многих и загрызла...

А пьяные только и талдычат, что об Армагеддоне. Умные молчат. Знают, как ответить, правду знают, но боятся пьяных... Смотрят в телевизоры, понимают, что врут пьяные, но молчат. Мало умных осталось. Слабые они... боятся...

– А как жить без совести? Страшно. Армагеддон приближается.

– Опоздали мы, думаю. Пропустили момент. Теперь уж всё одно – конец...

– Хочется, чтобы по совести. Не верю тебе. Какой такой конец?

Отвечать надо пьяным.

Не молчать!

Где словом, а где и... кулаком, как раньше, в далёкие времена.

Вспомнить Господа нашего. Повернуться к нему лицом. Услышать слова Его. Дальше нести. От умного к умному, от нищего к голодному.

Господь – Он и есть наша Совесть.

Вера нас укрепляла, объединяла, спасала. Она и в этот раз спасет!

Армагеддон там, где нет Веры. Он в пьяных живёт, с ними и сгинет...

Так и знай – будем жить!

Надо только отвечать пьяным... не бояться.

С Богом в сердце жить. Так всегда жили...

Вспомнить и вернуться туда, где Совесть.

Настанет время, когда «любой станет равен каждому». Надо только верить и отвечать...

А бояться уж некогда...

Пропустили момент. НЕ повернуть назад...

– Согласен! Пойдём на зорьку любоваться трезвыми глазами. Хорошо, что завязали. Двадцать лет, как наш Армагеддон сгинул.

Здорово быть трезвыми!

Страшновато, конечно, но мы справились...